

С. М. Никольский

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
МИАН
2003

УДК 51(09)
ББК (В)22.1г
Н62

Никольский С. М.

Н62 Воспоминания / С. М. Никольский. — М.: МИАН, 2003. —
160 стр. / Математический институт им. В. А. Стеклова
РАН (МИАН)

ISBN 5-98419-002-8

В Стекловке я впервые появился в 1940 году летом. Поступал в докторантуру. До этого я 15 лет жил в Днепропетровске, учился в Университете и затем работал в нем. Мне посчастливилось, что в Днепропетровск на протяжении тридцатых годов систематически приезжали читать лекции П. С. Александров и А. Н. Колмогоров. Я их слушал и сделался учеником Андрея Николаевича. Я занялся под его влиянием вопросами теории приближения функций и, как теперь видно, уже в Днепропетровске написал больше половины своей будущей докторской диссертации.

В докторанты поступали человек 5–6. Фактически, с нами беседовали члены комиссии: М. А. Лаврентьев — зам. директора Института и профессор А. И. Плеснер.

Надо было принять двух докторантов. Они быстро остановились на Шмультяне из Одессы, имевшем работы по функциональному анализу и Шин-Ден-Юне, работы которого относились к дифференциальным уравнениям.

Но комиссия, видимо, чувствовала неловкость — как поступить со мной? Меня они несколько раз вызывали, и Михаил Алексеевич говорил: “Откажитесь от поступления в докторантуру Стекловки, поступайте в докторантуру в Киев, я лично возьму Вас к себе в докторантуру”. В это время М. А. кроме Москвы еще работал в Киеве, где он был директором Института математики и вице-президентом АН УССР. Но я отвечал: “Решите этот вопрос сначала здесь, в Москве. Если Вы откажете, то я только после этого буду думать о поступлении в докторантуру в Киеве”.

Кончилось тем, что они решили просить Академию дать еще третье место докторанта для меня. Я пока уехал в Днепропетровск в ожидании окончательного обо мне решения.

Замечу еще, что тогдашний секретарь партийной организации Института Бенцион Израилевич Сегал предупредил меня, что о третьем месте в докторантуру будет поднят

вопрос только тогда, если я не буду претендовать на место в общежитии Академии наук. Я дал согласие не претендовать, имея в виду, что под Москвой в Ухтомской буду жить у тещи.

В декабре 1940 года я получил сообщение от Ученого секретаря Института К. К. Марджанишвили, тогда кандидата наук, о моем зачислении в докторантуру и в январе 1941 года вместе с женой Ниной Ивановной и сыном Юрием переехали жить в Ухтомскую и работать в Стекловке.

В это время действовал суровый закон, требующий от каждого рабочего и служащего находиться на работе полный рабочий день. Опоздание на работу на 20 минут каралось судом, удерживающим с опоздавшего в пользу государства полумесячную зарплату в течение полугода.

Я как докторант, в сущности, был учащимся и ко мне этот закон формально не должен был применяться. Но я этого в то время не знал и приезжал в Институт тютелька в тютельку к началу рабочего дня.

Меня зачислили в Отдел теории функций, которым заведовал Лаврентьев, на самом деле почти постоянно находившийся в Киеве, редко наезжая в Москву на несколько дней для выполнения зам. директорских функций. В это время другим заместителем директора был Соболев.

Замечу, что в 1939 году были большие выборы в АН, которые происходили, надо полагать, не без участия Сталина. Были избраны в академики Мухелишвили и Соболев, ранее бывшие член-корреспондентами и еще Колмогоров, ранее не бывший член-корреспондентом. К тому же А. Н. тут же был избран в секретари физико-математического отделения — это уже совсем чрезвычайно. Моим куратором как докторанта был А. Н. Колмогоров.

План моей работы сводился к тому, что я хотел получить ряд асимптотических оценок приближений классическими полиномами (суммами Фурье, Фейера, интерполяционными суммами) для основных в анализе классов функций. Некоторые оценки я уже получил, другие надеялся получить, находясь в докторантуре.

Я решил, что никуда не буду спешить и использую полные 3 года пребывания в докторантуре — буду думать, посещать семинары, изучать языки и в конце защищу диссертацию. Этим самым я ограничивал себя материально.

В Днепропетровске я получал более тысячи рублей, а в докторантуре в первый год стал получать 600 рублей, во второй — 700 рублей и в третий должен был получать 900 рублей.

На самом деле уже через полгода моего пребывания в докторантуре произошла война и все переменялось. Но об этом будет речь впереди.

В докторантуре я застал моего друга Анатолия Ивановича Мальцева. К этому времени его сделали Сталинским докторантом. Он получал стипендию 1500 руб. Эта сумма была равна месячной ставке профессора, доктора наук, заведующего кафедрой с 10-летним стажем.

Анатолий Иванович меня сблизил с другим алгебраистом — А. И. Узковым. Александр Илларионович, за год перед этим закончивший в МГУ аспирантуру, решил важную алгебраическую проблему. Поэтому его сразу же рекомендовали в докторантуру, где он уже взялся за другую трудную проблему. Но он ее не решил. Война прервала его докторантуру, и во время войны он оказался в военном “ящике” в Барнауле, где стал, видимо, полезным в вопросах радиосвязи. После войны до конца жизни он работал в другом очень солидном “ящике”, где даже был свой (закрытый) университет, в котором он читал ряд лет анализ. Его сделали профессором и полковником.

Мальцев, Узков и я обычно обедали в столовой Энергетического института, часть здания которого занимала наша Стекловка. Обеды были прекрасные.

Раз я уже стал говорить про еду, то скажу, что в институте Стеклова можно было прекрасно наесться и притом бесплатно на заседаниях Ученого совета. На Ученый совет приходили научные сотрудники и докторанты. На совет приходили, по-видимому, не работавшие в Институте, но члены Совета: член-корреспондент АН СССР И. И. Привалов и академик Кочин. Располагались за длинным столом, на котором были наставлены бутерброды, мандарины, чай.

Кстати, когда мне пришлось на этом совете докладывать о плане моей докторской диссертации, именно И. И. Привалов уделил мне особое внимание своими расспросами. Так что после этого мой доброжелатель Павел Сергеевич Александров говорил мне: “Смотрите С. М., у Вас большой успех, сам Привалов столько времени был занят Вами, — талант,

Каштанка, талант”. В это время был большой подъем в науке — выдвигали, не скупясь, молодых.

Мне вспомнилось, что на Ученый совет всегда приезжали представители ЛОМИ (Ленинградское отделение института).

Много похвал можно было слышать о молодых ленинградцах: Л. В. Канторовиче, А. Д. Александрове, Ю. В. Линнике.

Помню, что на одном из Ученых советов (не помню, впрочем, в 1941 году или в 1943 году) ставился вопрос о рекомендации Юрия Владимировича Линника на звание профессора. Ему совсем уж было мало лет, но он был тогда уже доктор. Стали возражать, ведь профессорское звание связано с чтением лекций, а Линник еще никаких лекций не читал. Тогда Борис Николаевич Делоне сказал: “Пусть будет профессором, у него будет больше возможностей подписаться на газету”.

Ученый совет не мог не согласиться с Борисом Николаевичем и рекомендовал Юрия Владимировича в профессору.

Среди молодых выдающихся математиков Москвы условно тогда были М. В. Келдыш и А. И. Мальцев.

Мальцев был как-никак Сталинский лауреат. Мстислав Всеволодович как раз в 1941 г. заканчивал докторантуру у Михаила Алексеевича формально по Отделу теории функций. Но его докторская диссертация, вероятно, защищаемая в ЦАГИ по линии аэродинамики, имела выдающийся успех.

Это не мешало тому, что он имел выдающиеся результаты в теории функций, преимущественно комплексного переменного и теории дифференциальных уравнений. Выдающимся аналитиком считался Н. В. Ефимов. Когда я приехал в Москву, привезя с собой мою последнюю оценку суммы Фурье для функций, удовлетворяющих условию Гельдера, эта моя оценка Андрею Николаевичу совсем уж понравилась. Он сказал: “Смотрите, может быть Вы обгоните Ефимова”.

Среди кончающих аспирантуру Стекловки я застал также Дмитрия Абрамовича Райкова, Марка Ароновича Наймарка, Мейера Феликсовича Бокштейна. Они защитили докторские диссертации в 1941 г. до войны или в 1943 г. (не помню точно).

В 1940 г. еще до войны в Математическом институте произошло большое событие: получили Сталинскую Премию первой степени директор института академик И. М. Виноградов и зам. директора института академик С. Л. Соболев, Премию второй степени — совместно академик А. Н. Колмогоров и член-корреспондент физ.-мат. наук А. Я. Хинчин.

Я слышал непосредственно от Андрея Николаевича о том, что когда давали эти премии, ему сказали о том, что ему дадут Премию второй степени, а, может быть, он и прямо в этих обсуждениях участвовал, так как он в это время был секретарем физико-математического Отделения. Так или иначе, но Андрей Николаевич настоял на том, чтобы эту (вторую премию) дали ему вместе с Хинчиным.

Мой комментарий по этим вопросам таков: безусловно все указанные математики заслужили получение указанных премий. Но Андрей Николаевич сам мог бы получить Первую премию.

Тот факт, что был выделен Соболев, а не Колмогоров, вероятно, объясняется тем, что в то время по партийно-советской линии Соболев особо выдвигался.

* * *

В начале первой (довоенной) половины 1941 г. я систематически посещал семинар в МГУ Д. Е. Меньшова и заседания Математического Общества и делал там доклады.

Мне удалось дополнить свою диссертацию главой об оценках приближений интерполяционными тригонометрическими полиномами.

Но я сделал еще одну работу, которая завершила мои прежние, связанные с кандидатской работой, исследования, относящиеся к линейным уравнениям в банаховых пространствах.

В кандидатской диссертации эти исследования линейных уравнений были выполнены для нормированного пространства, в котором произвольный вполне непрерывный оператор аппроксимируется конечномерным. Теперь мне удалось это условие снять, доказав, что любая сумма $A + V$ линейных операторов, где A — обратимый, а V — вполне непрерывный, может быть записана также в виде $A' + K$, где A' — обратимый, а K — конечномерный линейный оператор.

Эта моя работа, находящаяся в стороне от моей докторской диссертации, была напечатана в Известиях уже во время войны (в 1943 г.). В дальнейшем она получила много откликов и в функциональном анализе и в приложениях.

В конце мая (1941 г.) я был отпущен в Днепропетровск, куда уехал на месяц вместе с семьей. Днепропетровский университет мне платил дополнительно к моей стипендии половину доцентской ставки.

Часть своей педагогической нагрузки я выполнил уже в первом семестре, а теперь надо было доработать остальную часть. Это проявилось в том, что я должен был выполнять функции председателя ГЭК'а на мехмате университета. В это время приезжал из Москвы также на несколько дней П. С. Александров, тогда член-корреспондент АН СССР. Он был оппонентом по кандидатской диссертации аспиранта А. Я. Вольперта, моего аспиранта. На самом деле тема диссертации Вольперта принадлежит Павлу Сергеевичу, а я руководил Вольпертом по работе в деталях.

Но тут произошла война. Вот как она для меня началась. За пару дней до этого в университете меня попросили написать методическую разработку по теории функций действительного переменного. Я обзавелся соответствующими книжками и утром 22 июня стал писать мою методическую разработку, но в 12 часов мне сказали, что на кухне по радио говорят что-то очень важное. Это была речь Молотова. Я выслушал ее. Затем подошел к своей разработке и одним махом ее закончил, сказав: "Прочитайте еще такие-то параграфы". Наутро были расклеены объявления о начале войны, о мобилизации. Мой год (1905) тоже был мобилизован (36 лет). Мы с семьей с первым же поездом уехали в Москву. Там объяснили, что берут в Армию по индивидуальным повесткам. На меня, видимо, как научного работника, Академия наук выписывала отсрочки (брони), и я всю войну повесток не получал.

В Институте сразу взяли в Армию только имеющих командирские звания. Таким был Шмульян. Он погиб на фронте. Я же был "рядовой необученный", к тому же имеющий бронь — таких не брали.

Всюду в Москве и Подмосковье были затенены окна, на транспорте притушенные фары. У нас в Подмосковье

(в Ухтомской), где можно создавали пруды, чтобы иметь их для тушения пожаров — пришлось много поработать по вечерам после прихода из института. Копали щели.

Но через месяц немецкие самолеты еженощно стали посещать Москву. Во всех зданиях были организованы пожарные команды.

С началом налетов правительство решило многие предприятия и учреждения срочно эвакуировать из Москвы. По Академии наук это были институты, оснащенные оборудованием (физические, химические, энергетические).

Было постановлено также эвакуировать из Москвы престарелых академиков. А может быть “старых” академиков? Потому что в этом порядке уехал из Москвы в Казань Иван Матвеевич Виноградов. Не знаю уж: по своей доброй воле или его заставили? Во всяком случае, он был смещен с должности директора Института. На его место был назначен его заместитель академик С. Л. Соболев. Похоже, что в этих вопросах существенную роль играла парторганизация в лице Б. И. Сегала.

Так или иначе, Сергей Львович в то время пользовался особой поддержкой со стороны центральных партийных организаций: выбрали в академики, сделали зам. директора Стекловки. Тогда эта должность считалась очень важной. Дали Премию Сталина первой степени, т.е. поставили рядом с И. М. Виноградовым и выше Колмогорова. Секретарство Колмогорова в отделении, видимо, уже зашаталось. Вообще С. Л. пошел в гору и ему в этом существенно помогал Б. И. Сегал.

Мы помещались в одном крыле Энергетического института (по Ленинскому проспекту, 13 — против Президиума АН СССР). Теперь Энергетический институт уехал на восток и все большое здание в пожарном отношении должно было охраняться Математическим институтом. Сотрудники, совмещавшие свою работу с МГУ, оставили Институт. Во время войны можно было работать только в одном месте. Ушли от нас А. Н. Колмогоров, П. С. Александров, Израиль Моисеевич Гельфанд, Борис Владимирович Гнеденко. Они там, в МГУ, тоже были пожарниками. Я точно знаю, что Колмогоров, Александров, Маркушевич были пожарниками в старых зданиях МГУ.

Нас, стекловцев, осталось совсем немного. Я, например, в неделю 5 дней жил в Институте на Ленинском проспекте полные сутки. Спал на мягких диванах в пустых кабинетах академиков Энергетического института. Хотя, в общем, тогда с помещениями в исследовательских институтах было туго, но уважающий себя академик Энергетического института добивался, чтобы у него был обязательно кабинет с туалетом при нем.

Итак, мы спали на диванах и как только возвещали тревогу, отправлялись на чердак, распределялись на выходах на крышу. Тут были наготове щипцы, лопаты. С крыши можно было прекрасно видеть московское ночное небо. Гудят немецкие самолеты, их десятки. Каждый из них зря бомбу не бросает, спускается пониже и ищет свою цель, видимо, намеченную заранее. Но из многих пунктов Москвы выпущены светящиеся лучи прожекторов, которые шарят по небу и ловят самолеты. Не так уж редко эти лучи нащупывают самолет и обычно не отрываются от него. Самолет делает зигзаги, чтобы вырваться из пересечения двух лучей в темноту. В это время по нему палят зенитки. Осколки их снарядов падают на улицы и крыши домов. Немец, наконец, решается бросить бомбу. Если это фугасная бомба, которая может пробить и один и два и три этажа, то тут уж ничего не поделаешь — тебя ужокошит вместе с этажом, а если зажигательная, то ее осколки, сравнительно легкие, падают на крышу и зажигают ее. Но тут из своего укрытия должен вылезти на крышу пожарник и щипцами схватить горячий осколок и выбросить его во двор или на улицу.

К счастью, с нами таких случаев не было ни первого, ни второго сорта. Старое здание мехмата МГУ поражалось бомбой, проделавшей основательную дыру во всех этажах. Только к концу войны это здание было восстановлено силами пленных немцев.

Однажды секретарь парторганизации прислал ко мне и Мальцеву завхоза Айзика Яковлевича Лесника (тоже члена партии) сказать, что нам надлежит срочно явиться в райком партии — нас и еще докторанта Бокштейна партбюро рекомендует для зачисления в истребительный батальон. Мы все трое были беспартийные.

Мы выяснили, что истребительные батальоны — это советская полевая жандармерия.

Дело важное, ничего не поделаешь, и мы с А.И. немедленно явились в Ленинский райком. С нами беседовал товарищ в полувоенной форме. Оба мы ему понравились. Однако, как только он узнал, что моя сестра сидит в специальных женских лагерях как жена “врага народа”, он прекратил разговор и стал беседовать с Анатолием Ивановичем, и когда выяснил, что Анатолий Иванович — Сталинский лауреат, получающий огромную стипендию в 1500 руб. в месяц, тоже, видимо, почувствовал, но уже с другой стороны, что Анатолия Ивановича будет спокойнее не привлекать в истребительные батальоны. Он вежливо сказал, что решение о нас последует завтра, но оно не последовало. Мы узнали, что Мейер Феликсович Бокштейн тоже не был зачислен в истребительные батальоны. Он тоже не подошел.

* * *

Немцы быстро продвигались к Москве — в августе их задержали под Смоленском. Сталин решил впереди Москвы на расстоянии 150 км построить грандиозный противотанковый ров, идущий с севера на юг сотни километров. Каждому району Москвы было приказано выделить на это дело по 1000 человек: Математический институт должен был выделить 3-х человек. Партбюро остановилось на мне, докторанте Шине и Алексее Андреевиче Ляпунове, который в это время был научным сотрудником института, кандидатом наук. Нас посадили в числе 1000 человек в специальный поезд, который привез нас по Киевской железной дороге на станцию Ерденево (вскоре после Мало-Ярославца). Нас встретил военный в чине командира батальона, отвел на лужайку подле станции. Без всяких помощников и писарей он стал выстраивать нас в два ряда. Было интересно, как он действует с неорганизованной тысячной толпой, которую он называл батальоном. Видно, что человек имеет большой опыт непосредственного управления людьми. Нам троим пришлось решить сложную задачу: ухитриться оказаться вместе в одном взводе, в то время как Ляпунов был очень высокий — косая сажень. Шин — очень низкий, а я — средний. Командир несколько раз разъединял нас, посылал Ляпунова на крайний правый фланг, а Шина — на левый,

но мы, как только он обращался к другим, объединялись вместе. В результате мы перехитрили — Шин спрятался во втором ряду за моей спиной, а я встал несколько поодаль от Алексея Андреевича, но так, чтобы мы оказались в одном взводе. Простым счетом батальон был разделен на 5 рот, которые возглавили заранее выделенные командиры. Деление на взводы и отделения происходило формально, пользуясь счетом. Персонально командиры взводов и отделений выбирались чисто визуально. У Алексея Андреевича был весьма импозантный вид истого гвардейца и его нельзя было не назначить командиром отделения. А он уже постарался, чтобы мы с Шином оказались в его отделении. Через 2 часа уже наш батальон шел, рассчитанный по 4 в ряд, на север.

Где-то ночевали, рассыпавшись по сеновалам. Потом снова шли и пришли в какую-то деревню, где нас распределили на постой по хатам. Стараниями Алексея Андреевича мы оказались в одной хате, расположившись в углу на полу в маленькой кухоньке. Подстилкой для сна нам служило сено. Молодая хозяйка с ребенком располагались в единственной комнате. Муж ее, как и все мужья молодых женщин, был на фронте.

Нас будили засветло. Через десяток минут мы уже с котелками, которыми нас снабдили, стояли возле новенькой военной кухни, в которой находилась горячая похлебка. Еще полчаса и мы строились и шли за околицу на поле, где нас ждала трасса. Каждому из нас на трассе отвели по 8 погонных метров, и мы должны были вырыть на своих участках ров глубиной 3 метра с поперечным сечением вида опрокинутой трапеции: внизу 3 метра,верху 7 метров. Надо было выбросить лопатой 120 кубометров грунта. Особенно тяжело было в конце работы, когда надо было выбросить последний третий метр грунта. Придешь с утра к себе на участок, а там за ночь после дождя на дне скопилось много воды. В ботинках спускаешься в воду, стоишь по колено в воде и хлестаешь ее лопатой вверх, пока не выхлестаешь. Лопата не ведро. Дальше выбрасываешь глинистую жижу и затем только твердый грунт.

Среди нас были рабочие, привычные к физическому труду. Они легко обгоняли интеллигентов и в конце рабочего дня лежали на кромке трассы, покуривая. Мы с Шином работали средне, выполняя, в общем, урок. Но наш “гвардеец”

Алексей Андреевич был вовсе не приспособлен к такому тяжелому труду, хотя и старался изо всех сил. Там еще были и некоторые другие. Их пришлось снять с копки и отправить на кухню чистить картошку. Немало из них и картошку чистить отлынивали. Но мы были в тылу. На передовую их для исправления посылать нельзя. В августе и сентябре фронт был в 150 км от нас.

Но Алексей Андреевич не ленился. Он просто был не в состоянии физически тяжело работать. Его на кухне сделали постоянным дежурным. Мы с Шином благоденствовали — супу могли есть сколько угодно.

У Шина был особенный, часто поражающий меня, подход к фактам.

Мы идем строем на работу. Заговорили, что сейчас нам хорошо, суп едим вволю пока Алексей Андреевич дежурный. Но что мы будем делать, когда Алексея Андреевича прогонят с дежурных? Ведь это обязательно произойдет. А мы привыкли. Как бы с нами что-либо не случилось. Он, вдруг, говорит: “Давайте уже сейчас готовиться к этому, постепенно уменьшать количество кушаемого нами супа”. “Давайте”, — сказал я не очень уверенно. Затем Шин стал рассуждать, как это так, зачем супу пропадать? Признаться, такой оборот разговора стал меня радовать. В конце концов, Шин после глубокомысленных обсуждений за и против логически пришел к заключению, что лучше все-таки есть все пока дают, а если не будут давать, то там видно будет. Я согласился.

В 12 часов мы шли строем обедать, затем не больше получаса спали. Нас поднимают и опять мы работаем на трассе до темноты. Ужинаем, спим. В общем, если не работали, то спали, а если не спали, то работали как римские рабы.

Рядом с нами работали батальоны других районов Москвы, воинские части, колхозники, заключенные. Трасса тянулась на сотни километров.

В августе и сентябре работали в мирной обстановке, фронт далеко. Где-то поблизости вылетали наши самолеты, направляясь в бой, или возвращались после боя. Да еще ночью обязательно летели с Запада своры фашистских самолетов на Москву.

Однако к началу октября обстановка усложняется. Легкие немецкие самолеты летают низко над нами и поблизости

на железнодорожных станциях поражают цели, бомбят составы с артиллерийскими снарядами, снаряды по очереди разрываются. Я сначала думал, что там происходит артиллерийский бой. Но на нас немецкие летчики не обращают внимания — могли бы пулеметными очередями расстрелять тысячи незащитных людей. Видимо они рассуждают так. Пускай работают, ничего у них из этого не выйдет. А мы будем делать только то, что нужно, чтобы взять Москву.

Наше начальство решило отвести нас на постой в другие деревни. Подальше от трассы на расстоянии 10–15 километров с тем, что мы будем спать там днем, а на ночь приходиться на трассу работать.

В одну из таких ночей наша группа работала вдали от других — копали окопы для стрелков. Приезжает на лошади кухня с горячим супом. Возничий говорит: “Ребята, ведите себя тихо, чтобы другие пока не знали. Я вас накормлю, а потом и к ним приеду”. Мы немедленно выстроились в очередь перед кухней с котелками, которые всегда были с нами, и так как среди нас начальства не было, то каждый, получив треть котелка картофельного супа, сразу же становился в конец очереди, чтобы в ней успеть съесть свой суп и получить новую порцию. Но тут в воздухе что-то завизжало и бухнуло недалеко в кустах, не разорвавшись.

Наш возница побледнел. Мы его задерживали, потому что, применяя указанный способ, каждый имел в виду съесть хотя бы по три порции супа, но он пустил лошадь и, отъехав на приличное расстояние так, чтобы нам не удалось его избить, вылил в траву суп и умчался галопом в тыл. А ребята, которые работали с нами по соседству, в эту ночь оказались без супа.

Это было то время, когда Жуков ехал из Мало-Ярославца на машине в Юхнов, разыскивая, кажется, Буденного, а солдат преградил ему дорогу, сказав, что дальше уже некуда.

Но немцы наступали по дорогам, а мы работали в это самое время подле. В глуши никаких армий не было — ни немецких, ни советских. В конце концов, наше начальство получило какие-то сведения о том, что немцы не только впереди нас, но и справа и слева, и нам надо убираться со своими лопатами восвояси.

Наша рота передвигалась и вперед были высланы квартирьеры. Мы трое попали в их число.

Идем родными подмосковными лесными тропами. Один из квартирьеров хорошо пел. Мы подпевали ему, а я к тому же прихлопывал в такт полуоторвавшейся на ботинке подошвой, которую мне не хотелось окончательно оторвать, в надежде, что завтра удастся прибить. Приходим к заброшенной в лесах деревеньке. Теперь уже таких деревенок в Подмосковье нет. Их вывели начисто по методу известного экономического академика Заславской.

Шин и Ляпунов занялись продовольствием для нашей роты, которая должна придти через несколько часов. Это значит, надо упросить колхоз, чтобы он снабдил роту картошкой, что надо также упросить деревенских девчат начистить эту картошку, чтобы сразу можно было бы ее сварить в походной кухне.

Я, представитель от своего взвода, вместе с представителями других двух взводов должен был выполнить собственно квартирьерские обязанности.

Мы обошли дома и педантично записали сколько людей может быть помещено в каждом из них. Потом даже заспорили, какому взводу, какую улицу дать. Я и сейчас не могу простить себе, зачем мне-то надо было вступать в этот глупый спор.

Когда я вышел на воздух, услышал вдали шум пришедшей роты, а главное громкие возгласы: “Никольский, так твою так, где квартиры?” Я побежал в абсолютной темноте и упал в какой-то ручей.

И вот я стал разводить по квартирам. В первом же доме оказалось, что там уже поселилось 5 человек из другого взвода. Мои доводы, что они поместились неправильно, были встречены дополнительными матюками. В общем, из моего квартирьерства ничего не вышло и ребята стали устраиваться сами, тем более, что хозяйева весьма по-человечески всюду хорошо к нам относились.

Каким-то образом мне удалось найти своих ребят. Утром я просыпаюсь в чердачном помещении довольно приличного дома. Рядом со мной Шин и Алексей Андреевич. Но и еще десяток незнакомых парней. Среди них несколько военных. Я спросил: “Откуда Вы?” “Из самого пекла”, — был ответ. Больше они не пожелали говорить. Похоже, что они вчера участвовали в бою и оторвались от своей части. Кто знает, может быть дезертировали? Они поднялись и куда-то ушли.

Я стал одеваться. И о, ужас! Нога не вдевается в штанину, коленка пронзительно болит — результат вчерашнего прихлопывания недооторвавшейся подошвой.

Кое-как все же оделся, спустился вниз. Там старик. В углу сапожные инструменты. “Дед, почини мне ботинок, я заплачу”. — “На кой мне твои деньги, завтра придут немцы, что я буду с ними делать?”

Но тут пришли две девицы. “Дед, собирайся, пойдем копать щели”. Так называли крытые рвы, в которых пряталось от бомбежек мирное население. Тогда я сказал: “Дед, оставайся починять мой ботинок, а я пойду за тебя копать”. Мы пришли за околицу и стали копать. Через некоторое время я взглянул вниз на долину и вижу, что по ней стремительно идет толпа людей — работников трассы. Я понял, что вероятно и наши тоже уходят. Побежал в дом. Наших нет. Старик мой ботинок починил. Я обулся, бросил ему трояк, схватил рюкзак и помчался догонять своих, двигаясь в толпе, но более ускоренным темпом. Алексея Андреевича и Шина таки догнал. Они шли в толпе из людей других батальонов. Рота наша перестала существовать. Начальники куда-то делись. Они, вероятно, шли в толпе, не собирая возле себя своих частей.

Шли на восток к Киевской железной дороге. На железной дороге как раз оказался полустанок. На нем дежурил телеграфист. Он говорил, что сообщение с Москвой прервано. Немцы уже в Мало-Ярославце. Дежурный этот все-таки не оставлял своего поста. Кто его знает, может быть о нем забыли, а он помнил твердо, что государству надо служить. Мы пошли дальше на восток. Куда мы идем, мы не знали. Некоторые говорили, что нас ведут на Серпухов. Но кто “ведет” не видно, начальства что-то не видно. Постепенно стали понимать, что никто, собственно, не ведет. Мы — люди гражданские и естественно нам нужно вернуться домой в Москву. К вечеру дошли до большого села и все бросились искать ночлег. Мы зашли в школу. Пустые классы без парт. Мы с Алексеем Андреевичем устраиваемся в углу. Но Шин категорически потребовал, чтобы разместиться посредине класса. “Посредине чище, — говорит Шин. — В углы люди склонны сметать мусор”.

Ночью, задолго до рассвета мы встали, чтобы двигаться на север к Москве. К нам присоединились два командира,

которые, видимо, как специалисты консультировали стройку. Они знали, что мы находимся в опасной зоне и серьезно допускали, что мы находимся в окружении немцев. Это было 13 октября. Теперь известно, что немцы в это время, не встречая сопротивления наших войск, по дороге с Юхнова прорвались к Мало-Ярославцу и там происходил бой с нашими частями, состоящими из курсантских школ. Ребята, с которыми я спал, видимо, и были участниками этих боев. Немцы рвались также с юга, со стороны Тулы, но их задержали. Иначе мы оказались бы в капкане.

Так или иначе, мы шли на север 13 октября с двумя командирами по нейтральной зоне. Слева от нас параллельно шли немцы, справа неизвестно кто и только далеко впереди наши регулярные войска, на которые мы в дальнейшем наткнулись.

Рано утром, пройдя уже 15 километров, мы пришли к большому селу на реке Протва, через которое проходит старая Калужская дорога.

В то время эта дорога представляла собой обычный русский большак с несколькими колеями для телег, по которым не так уж легко проехать и при крепких лошадях. Грязь, лужи, колдобины.

Но уже с обеда (впрочем в этот день мы ничего не ели) мы вместе уже с многими москвичами шли через дремучий лес по старой Калужской дороге. Прошли еще пару десятков километров.

Только в конце пути нас задержали наши передовые военные заставы. Оказывается, мы пришли в Тарутино — знаменитый городок, где на площади стоял памятник битве кутузовских войск с наполеоновскими.

Эта площадь была совершенно пустынна. В темноте можно было различить памятник и старинные купеческие магазины. Но по площади все же шли два офицера к домику к себе на постой. Так случилось, что мы упросили хозяина этого домика позволить переспать несколько часов на полу его холодной терраски. Мы поговорили с офицерами, которые, конечно, не говорили что они тут делают, но совершенно ясно, что они представляли воинские части, расположенные в Тарутино. Рано утром мы пересекли реку Нару и вышли на автомобильную трассу Мало-Ярославец–Подольск и повернули пешком на Подольск. Эта трасса тогда шла почти

сплошь по лесу. Из Подольска на Мало-Ярославец по ней время от времени шли пешком части курсантов к боям, которые в это время шли в Мало-Ярославце. Оттуда на телегах и автомашинах везли раненых. Над шоссе реяли немецкие бомбардировщики. Время от времени они сбрасывали на шоссе бомбы. В это время наши зенитки, спрятанные в лесу, старались поразить немецкие самолеты. Машины и телеги останавливались, легко раненые из них выскакивали и прятались в лесу. Мы тоже с Шином (Алексей Андреевич успел к тому времени сесть на грузовик, едущий в Подольск) ложились ничком на землю. Снаряд, когда он выбрасывается из самолета, можно непосредственно видеть.

Лес вдоль шоссе на первый взгляд был пустынный, на самом деле он был наполнен притаившимися нашими войсками — видимо, совершенно свежими. Их даже не нашли нужным использовать в боях под Мало-Ярославцем.

В нашем отступлении уже тогда наметился перелом.

По дороге ехали, шли пешком беженцы. Шли заключенные, выпущенные из тюрем. Шли и наши ребята с трассы.

Провода с телеграфных столбов все-таки снимались.

По дороге были расположены киоски с продажей дешевого хлеба всем. Вот когда мы покушали после долговременной диеты.

К вечеру 13 октября, уже в темноте, мы добрались до электрички в Подольске.

Добрались, как я сказал, уже только с Шином.

Я хочу сейчас отметить, что мы с Шином во время этой эпопеи подружились. В его поступках, правда, было нечто отличное, корейское, от моего русского. Я уже говорил, как он настоял, чтобы мы расположились спать на полу посредине комнаты. Костер он зажигал маленький из палочек, чтобы он вскипятит только котелок воды, что, собственно, и нужно. А у меня бы получился большой, который вскипятит бы и целое ведро воды, хотя это и не нужно.

Был такой случай, что мне во время нашей работы теща передала теплую куртку. Но она мне была не нужна, у меня уже была куртка. Я решил передать ее Шину. Но он категорически отказался — мне, говорит, ее придется носить. А я не хочу носить тяжелые вещи, лучше перестрадать от холода и дождя. А ведь надвигалась зима и нам бы пришлось

мерзнуть, если бы немцы не ускорили наше возвращение в Москву.

Отхода электрички из Подольска мы ждали долго. Пассажиров было немного — все сидели, никто не стоял.

На Курском вокзале нас жестко контролировали. Меня в конце концов оставили в покое, а Шина, как корейца, оставили при себе. Когда я его стал защищать, они на меня с угрозами прикрикнули. Больше я милого корейца Шин-Ден-Юна уже не увидел.

Впоследствии секретарь парторганизации Бенцион Израилевич Сегал мне говорил, что Шина отправили к его семье в Казахстан и он там вскоре умер. Вечная ему память.

Поздно ночью 14 октября я уже был в Ухтомской у тещи. Жена моя с сыном уже эвакуировалась раньше из Москвы вместе с ее отцом металлургом, посланным в связи с войной помогать Ижевским и Воткинским заводам.

Эпопея с противотанковыми рвами окончилась. За нее я имею медаль “За оборону Москвы”.

Октябрьские дни

15 октября 1941 года утром я отправился из Ухтомской в Москву. Сначала помылся в бане около Казанского вокзала. Народу совсем мало. Все в порядке — горячей воды сколько угодно. В центре зашел в лучший гастроном (гостиница Москва), приобрел хорошего печенья, а на улице мне еще попались прекрасные белые булочки. Этим я набил свои карманы и пока ехал трамваем из центра в институт, все время ел. Ведь последние дни моей противотанковой эпопеи есть приходилось мало, а если много, то жидкого картофельного супа. В здание Энергетического института, где помещалась наша Стекловка, меня не пустили — там уже был госпиталь. Кстати, это здание вообще строилось в начале тридцатых годов для больницы. Только в связи с переездом Академии наук из Ленинграда его в чрезвычайном порядке отдали Академии.

Я пошел в Президиум. Оказывается там, на ступеньках в холле, собрались сотрудники Математического института с вещами. Они уже несколько дней тут ждут поезда, который должен был вывезти их из Москвы в Казань.

Однако положение с эвакуацией с каждым днем ухудшалось. Поезда откладывались, со дня на день количество мест, выделяемых для поездки, дошло, в конце концов, чуть ли не до 10.

Когда я явился, в это время в поезде было отказано совсем. Однако отмечалось, что Москва находится в большой опасности и рекомендовалось сотрудникам спасаться из Москвы пешком.

Наши сотрудники были возбуждены, а когда увидели меня, то обступили, расспрашивали: так ли опасно сейчас для Москвы. Я ничего не мог сказать им толком. Все не так просто. Более молодые собирались уходить пешком и просили меня, чтобы я их возглавил. Они почему-то считали, что я приобрел особый опыт преодоления трудностей, который им может пригодиться. Я сказал, что я так не могу сразу же идти, нужно, во всяком случае, предупредить тещу, а она живет вне Москвы, да я и одет не для похода. Они говорили, что предупреждать тещу не так уж важно, а спортивную одежду для меня и продукты они тут же могут выделить из своих чемоданов — все равно эти чемоданы попадут к немцам.

Я с ними не согласился и пишу об этом только, чтобы показать какой накал был среди сотрудников Института, вызванный приближением немцев.

Я видел Сергея Львовича Соболева — он в это время чувствовал себя полным директором института.

Был также и А. Н. Колмогоров и долго меня расспрашивал.

Оба они — Колмогоров и Соболев получили вечером этого дня (15 октября) телефонное указание как академикам немедленно явиться с ручными чемоданами на Павелецкий вокзал, откуда специальный поезд их вывезет в Казань. Они так и сделали.

Встретился я и с Анатолием Ивановичем. С ним у нас особый разговор. Мы решили, что если придется уходить из Москвы пешком, то мы отправимся в это путешествие вдвоем и точкой отправления нашей будет Ухтомская. А пока Анатолий Иванович предложил съездить в МГУ на мехмат узнать, как у них дела. От площади, носящей теперь имя Петровского, тогда ходил трамвай через центр. На мехмате

был буфет. Я засел в него. При мне объявлялось по университетскому радио, что поезда, предназначенные для эвакуации МГУ, отменяются. Москва в опасности. Профессорам и доцентам рекомендуется выехать из Москвы как кто может или даже уйти пешком. Безопасными направлениями для выездов назывались Горьковское и Казанское. Даже Ярославское направление не называлось. Анатолий Иванович говорил с некоторыми мехматовцами, многие из них собирались уходить из Москвы пешком. Личных машин в то время ни у кого не было.

Затем мы отправились к Анатолию Ивановичу на Ленинский проспект на его квартиру, на 8 этаж. Он как докторант имел половину комнаты, другую половину занимал докторант Узков вместе со своей женой Александрой Федоровной. Их кровать отделялась от Анатолия Ивановича занавеской.

Так примерно жили докторанты Академии наук СССР на 8 этаже дома номер 13. Но в данный момент большинство докторантов отсутствовало — одни эвакуировались, другие ушли на фронт. Поэтому Узковы перешли в отдельную комнату. Мы с Анатолием Ивановичем собрали по пустым комнатам нужную посуду и в кухне славно поужинали — с вином. Хватило нам и кроватей.

На утро, 16 октября, на улицах продолжали продавать булочки. Это я помню, потому что не мог не прикупить себе их некоторую толику — противотанковая диета продолжала сказываться. Однако, самое главное — на лицах москвичей и в их действиях сказывалось большое волнение: каждый готов был рассказать другому о том, что он видел и пережил. Оказывается, директор такого-то завода вместе с бухгалтером нагрузили заводским добром заводскую машину, набрали из кассы денег и укатили из Москвы. Остальное добро растащили рабочие. Совсем как сейчас при наших реформах. Людей это возмущало. Много таких случаев можно было услышать в разных вариантах. Мы пришли в Математический институт. Он состоял из одной комнаты в здании Президиума (в том же, что и теперь), там находилась бухгалтерша (из прибалтов), имевшая в этот момент полномочия директора.

Дело в том, что Сергей Львович Соболев, уезжая, передал свои полномочия директора и печать Константинову

Адольфовичу Семендяеву. Тот написал себе командировочное удостоверение (такой документ был очень важен в то время на Руси), приложил печать и передал кому-то второму, я уже забыл кому. Тот тоже самое сделал для себя и передал полномочия третьему. Эта передача, в конце концов, замкнулась на бухгалтерше, которая уже не хотела никуда уезжать. Напротив, она всех агитировала остаться в Москве — мол, немцы очень хорошие.

Мы с Анатолием Ивановичем решили, что мы-таки отбудем из Москвы пешком и отправились к нему на квартиру, собрали его вещи и повезли на Казанский вокзал. Но на пути Анатолий Иванович сошел с трамвая в центре, чтобы навести там дополнительные справки. Я должен был ждать его под дебаркадером. Я ждал его очень долго. Замерз ужасно, не выдержал и ушел на электричку. Там собралось много народу прямо на платформе. Прилетели немецкие самолеты, застреляли противоздушные орудия, западали осколки. Народ никуда не убегал, стоял на открытой платформе. Я тоже. Исходили из малой вероятности поражения.

С большими приключениями я приехал домой. На мой поезд попал-таки осколок и прекратил его движение.

Только на другой день явился в Ухтомскую Анатолий Иванович. Накануне он, оказывается, встретил в МГУ компанию, в которую, во всяком случае, входили Б. В. Гнеденко, Н. К. Бари, ее муж В. В. Немыцкий и В. М. Дубровский. Они уговорили Анатолия Ивановича сейчас же идти пешком с ними из Москвы. Анатолий Иванович сказал, что его ждет на вокзале Никольский. Они сказали, что Никольского они тоже сагируют и выделили для меня туристские ботинки, фуфайку и какой-то изюм (мы потом с Анатолием Ивановичем этот изюм ели).

И вот они, нагруженные изюмами и ботинками, вышли из университета. А трамвай не ходит. Ну, что ж, ведь они решили пройти сотни километров, почему не пройти пару лишних километров до вокзала. Но тут оказалось, что мешочки с крупой носить даже 2 километра не так легко. Это исторический факт, что один мешочек с рисом еще до вокзала был брошен на тротуар! На Казанском вокзале Анатолий Иванович категорически отказался идти дальше с этой компанией и отправился на электричку ко мне в Ухтомскую, но

электричка перестала ходить и он переночевал на вокзале, только наутро на нее сел. Дубровский тоже уехал домой. А остальные под руководством Б. В. Гнеденко решили, что, в конце концов, можно убраться из Москвы и в северном направлении. Но тогда на первом этапе путешествия можно сначала проехать на электричке на дачу Колмогорова и Александрова. Они, правда, сейчас в Казани, но осталась кухарка Марина. Она их накормит академическими продуктами и уложит спать. Тем самым продукты в рюкзаках будут целее. А завтра можно будет отправиться в северном направлении.

Так они, т.е. Б. В. Гнеденко, Н. К. Бари, В. В. Немыцкий и сделали. Так и получилось на практике. А наутро во время завтрака они послушали радио. А там говорят, что все хорошо, вроде как убежать совсем не надо. Они подумали, Марина еще обед сварила, а вечером вернулись в Москву. В дальнейшем, так как правительство все равно считало, что эту публику лучше эвакуировать из Москвы, в более спокойной обстановке были предоставлены МГУ поезда, на которых МГУ уехал, кажется, в Янгиюль.

Мы же с Анатолием Ивановичем снова вернулись в Москву и на этот раз узнали, что правительство выделило специальный поезд для вывоза из Москвы докторов наук и что на этот поезд можно пустить и нас с Анатолием Ивановичем, как ни как мы докторанты — почти доктора.

Через несколько дней такой поезд действительно был организован. Он состоял сплошь из вагонов метро и вагонов международного класса. Это доказывает, что правительство считало не невозможным, что немцы войдут в Москву. Недалеко от Ухтомской, где я жил, был совхоз. Начальство совхоза, думая, что все равно придут немцы, присвоило себе довольно много совхозной живности, а чтобы запутать это дело, устроило так, чтобы окружающие обыватели тоже смогли своровать себе по поросенку.

Моя теща имела собственного поросенка, она была так взвинчена этими акциями, что решила, что надо срочно зарезать этого поросенка, потому что, видимо, наверняка придут немцы и все равно его заберут у нее.

Так или иначе, мы сели в поезд. Говорили, что нас отвезут в Казань, куда переехал наш институт. Однако, на

самом деле, наш поезд шел в Свердловск. И мы посчитали разумным сойти с него на пересечении железной дороги с рекой Вяткой. Навигация еще не закончилась. На пристани скопились беженцы. Для них были выделены специальные баржи. Мы с Анатолием Ивановичем подсели в одну из них, доехав, таким образом, до реки Камы. А там с комфортом ехали в Казань первым классом. Эти места нам с Анатолием Ивановичем знакомы. В 1938 году мы с ним, Андреем Николаевичем и Павлом Сергеевичем прошли их на гребной лодке.

В Казани сразу же устроились жить в большом зале университета, где было сплошь заполнено кроватями. Детали жизни нашей с Анатолием Ивановичем в Казани описаны в моих воспоминаниях о нем в УМН.

Математический институт занимал второй этаж небольшого трехэтажного здания, находящегося в усадьбе университета. Это помещение называется кабинетом имени Лобачевского. Директорскую должность теперь занимал С. Л. Соболев, хотя Иван Матвеевич Виноградов был тут же.

В Институте в Казани я запомнил следующих сотрудников (хотя возможно были и другие). Директор — академик С. Л. Соболев, зам. директора — доктор наук А. А. Марков, ученый секретарь — К. К. Марджанишвили. Академики: И. М. Виноградов, А. Н. Колмогоров, академик УССР — М. А. Лаврентьев (постоянно жил в Уфе), член-корреспонденты АН СССР П. С. Александров, А. О. Гельфонд, П. С. Новиков, А. Я. Хинчин, Б. Н. Делоне, Н. Г. Чеботарев; доктора физ.-мат. наук: А. Д. Александров, Б. И. Сегал, А. И. Плеснер, И. М. Гельфанд, Ю. В. Линник, Б. М. Гагаев, М. А. Широков, Д. К. Фаддеев; докторанты, потом доктора: А. И. Мальцев, С. М. Никольский, Н. А. Шанин; научные сотрудники: К. А. Семендяев, В. Н. Фаддеева, Э. Я. Шапиро; вычислители — М. А. Тахтамышева, ...

Почти все указанные выше лица уже находились в Казани, когда мы с Анатолием Ивановичем приехали в Казань, но не было еще Шафаревича, Линника, Марджанишвили.

Некоторые приехали в Казань еще до октября, в их числе И. М. Виноградов, возможно П. С. Александров, ленинградцы, приехавшие еще до того, как немцы подошли вплотную к Ленинграду.

Сотрудники института, так или иначе, распределились по квартирам Казани. Все они часто посещали институт. Чаще, чем когда они жили в Москве и, вероятно, в Ленинграде.

В одной из комнат института находилась библиотека — несколько тысяч хорошо подобранных экземпляров, привезенных из Москвы уже после нашего приезда. Так что научные нужды сотрудников в основном удовлетворялись. Постоянно в Институте сидели немногие. Это, прежде всего, работники отдела приближенных вычислений, ведущие в основном вычислительную работу на арифмометрах. Считалось, что эти вычисления ведутся на оборону. Этим Бенцион Израилевич нам объяснял, почему отправляют в истребительные батальоны и на противотанковые рвы ученых, а не вычислителей.

Постоянно сидели в Институте Линник, Мальцев, Шанин, Фаддеев, Гельфанд, Никольский. В Институте условия для работы были, хотя и стесненные, но благоприятные: чисто, всегда была вода: холодная и кипяток, зимой тепло. У нас с Анатолием Ивановичем жилищные условия были таковы, что наукой мы могли заниматься только в Институте или библиотеке университета.

Через несколько дней после нашего приезда нас позвали на собрание физико-математического Отделения. Конечно, нас с Анатолием Ивановичем, как только докторантов, можно было бы и не звать на собрание таких важных персон. Но, по-видимому, не ожидалось, что эти важные персоны будут в достаточном количестве, а кворум все же нужен.

К собранию обратился академик А. Ф. Иоффе. Он призывал всех поменьше заниматься своими личными делами и все внимание и усилия направить на помощь войне. Эта помощь должна быть конкретной. Любые научные темы, не отвечающие этой цели, должны быть отброшены.

Но он добавляет: “Я не могу заготовить всем Вам нужные темы. Думайте сами. Я допускаю, что многие из Вас такие темы не выдумают. В таком случае будет лучше, если Вы найдете для себя полезные в указанном смысле занятия как интеллигентные люди”. “Я, например, — сказал академик Иоффе, — пришел к заключению, что буду наиболее полезен в качестве деятеля по руководству строительства укреплений вокруг Казани”.

Видимо, в то время академик Иоффе об атомной энергии не помышлял.

Сразу же после приезда в Казань для меня лично наметилось изменение моего положения в Институте. Для Анатолия Ивановича тоже.

Те мои результаты, которые могли быть интересными для моей будущей докторской диссертации, я привык постоянно держать в полном порядке. По мере того как они возникали, они становились главами и параграфами рукописи — будущей диссертации. Если при возникновении новой главы надо было произвести соответствующие изменения в старых, я это делал, уподобляясь Л. Н. Толстому, который, как известно, переписывал свои произведения много раз.

Когда я отправлялся под Мало-Ярославец, я не знал что со мной будет — может быть меня переведут на фронт? Вероятно, так и было бы, если бы немцы так внезапно не прорвались к Москве. Я передал свою рукопись Андрею Николаевичу через ученого секретаря К. К. Марджанишвили.

Через несколько дней после моего приезда в Казань мы встретились с Андреем Николаевичем. Он позвал меня к себе. Напоил чаем. Затем вынес из шкафов, что же Вы думаете, мою рукопись. Оказывается, он полностью ознакомился с ней и пришел к такому заключению, что ее можно рассматривать как законченную докторскую диссертацию. “Берите, — сказал Андрей Николаевич. — Печатайте ее и защищайте”.

Когда Андрею Николаевичу было 80 лет и я на его юбилейном банкете сидел как академик почти рядом с ним, я в своем выступлении как раз этот факт вспомнил — факт, показывающий все благородство и отзывчивость этого великого человека. Ведь ему 16 октября сказали, чтобы он с ручным чемоданом явился к поезду, который должен был вывезти его из опасной Москвы. Он мог положить в чемодан лишние штаны, а положил мою рукопись. До последних минут жизни этот великий благородный человек, мой учитель, будет находиться в моем сердце.

После этого мне оставалось только напечатать свою рукопись на машинке, вставить формулы и подать. В январе 1942 года была моя защита. Моими оппонентами были Александр Осипович Гельфонд, Борис Михайлович Гагаев

и Абрам Иезекилович Плеснер. С Анатолием Ивановичем тоже было решено, что он будет защищать докторскую диссертацию. Он защитил раньше меня — в декабре 1941 года.

Ученый совет Института решил после нашей защиты зачислить нас двоих в свои старшие научные сотрудники. Андрей Николаевич в это время занимался теорией турбулентности. Я помогал Андрею Николаевичу по некоторым частным аспектам этой его деятельности.

Эти работы Андрея Николаевича формально по научным планам Академии наук входили в ранг оборонных. Меня тоже как помощника туда приписали, и я некоторое время получал за это вместо нормальных 600 граммов хлеба — 800 граммов.

Все равно этот хлеб шел в общий котел с Анатолием Ивановичем. До лета 1942 года мы спали рядом, кушали всегда вместе. Если кому-либо из нас хотелось в какой-то момент скушать кусочек хлеба, он обязательно совещался по этому поводу с другим. Вместе устанавливали какого размера этот кусочек надо отрезать от общего куска. Затем этот кусочек делился пополам и выбрасывался жребий. Все это с шутками. Но предупредительно друг к другу, без излишних сентиментальностей. Но Анатолий Иванович тоже в общий котел вносил немало. Когда наш поезд чуть ли не трое суток стоял на Ярославском вокзале в ожидании выпуска его из Москвы, я, улучив десяток минут, обошел ближайшие к вокзалу гастрономы. “Ничего нет”, — я сказал, придя обратно. — На полках гастрономов только шампанское, да еще какой-то сухой квас”. — “Что же Вы не купили. Идемте сейчас мы купим”. И мы накупили много шампанского и много квасу. Интересно, что в дальнейшем мы оба так и не догадывались разводить квас в кипятке, а употребляли его в порошке ложечками. И это был единственный продукт, который елся без жребия. Такого рода закупки нам удавалось производить и в дальнейшем.

Но я, кажется, заговорился. Лучше я вернусь к А. Н. Колмогорову. Недавно я узнал, что несколько лет тому назад английской Академией наук издан сборник по теории турбулентности, посвященный пятидесятилетию со времени появления в печати двух статей А. Н. Колмогорова. Там отмечено, что эти две статьи являются едва ли не

самыми важными в существующей теории турбулентности. Эти две статьи Андрей Николаевич написал как раз в рассказываемое сейчас мною время (1941 г.).

Сотрудники Института в Казани осенью 1941 года были очень обеспокоены, как обеспечить их семьи питанием на зиму. Решили послать экспедицию в деревню закупить продовольствие. Вызвались энтузиасты. Это были А. Д. Александров, К. А. Семендяев, А. А. Ляпунов. Хотели, чтобы ехал и я. Я не хотел ехать, но могло случиться, что я сдамся. Это почувствовал Андрей Николаевич. Он категорически отрицательно отнесся к этой возможной моей поездке и я не поехал и конечно остался благодарным Андрею Николаевичу за это его резонное вмешательство.

Комиссия поехала и долго была в отсутствии. Она привезла некоторые продукты и приобрела картошку, которую только весной привезли в Казань. Я с Игорем Ростиславовичем Шафаревичем в этой привозке участвовал.

После нашего приезда уже зимой (ноябрь 1941 г.) в сильный мороз на станцию прибыл вагон с книгами нашей библиотеки в сопровождении Константина Константиновича и его матери Надежды Дмитриевны, в прежнем артистки, жены известного грузинского режиссера К. Марджанишвили (отца Константина Константиновича).

Когда я был за Мало-Ярославцем, Константина Константиновича как коммуниста мобилизовали в московское ополчение, но в ноябре месяце его вернули в Институт. Чтобы приехать в Казань, он взялся сопроводить вагон с институтскими книгами.

История этих книг такова. Я уже говорил, что в июне месяце была организована эвакуация многих институтов Академии на восток. Сначала считалось, что Математический институт тоже входит в список эвакуируемых институтов. Поэтому была организована подготовительная работа к отъезду и вывозу библиотеки. А. И. Плеснер очень квалифицированно отобрал актуальные журналы и книги в количестве, кажется, двух тысяч экземпляров. Достали материал для тары — готовые фанерные доски — бока ящиков и стрингеры к ним. Сотрудники сбивали из этого материала ящики для книг. Сбивал и я. У меня в этом деле был даже

опыт, приобретенный в раннем юношестве. Когда-то во время еще первой империалистической войны я жил в г. Чернигове. Был скаутом. Одно время мы, скауты, сбивали ящики для посылки в них сухарей нашим пленным, томящимся в Германии.

Помню Зорию Яковлевну Шапиро, первую жену Израила Моисеевича Гельфанда, усердно работавшую по сборке этих ящиков. Но, кажется, полный комплект ящиков мы не сделали, потому что было узвано, что наш Институт в августе не поедет.

Константин Константинович привез книги в вагоне, главным образом, сложенные навалом.

Впрочем, у меня такое впечатление, что навалом класть книги в вагон лучше, чем забивать их в ящики. Но опять я отвлекаюсь.

В один из дней, кажется, декабря приехал из Ленинграда Юрий Владимирович Линник. Совсем молодой человек (27 лет), уже доктор. Он добровольно вместе с товарищами поступил в Армию. Однако ученые математические круги добились его увольнения оттуда ввиду его особой талантливости.

Он, Анатолий Иванович и я часто по вечерам задерживались в Институте со своими занятиями, грели чай, пекли картошку, если она была. Впрочем, иногда он приносил нам из папиных пайков довольно вкусные вещи. Его папа был академик-оптик.

Где-то в то время или несколько позже поступил в Институт молодой математик-алгебраист Игорь Ростиславович Шафаревич — тоже очень талантливый.

Мне кажется, что именно Борис Николаевич Делоне открыл для Института Шафаревича. Но у них обоих были еще и другие связи. Они часто делали в окрестностях Казани большие пешеходные экскурсии.

Был такой случай, что и я оказался участником одной из их экскурсий и, надо сказать, уникальной. Я много ходил по 20, 25, наконец, 40 километров. Но чтобы сделать зараз 100 километров — это случилось со мной один раз в жизни, именно вместе с Делоне и Шафаревичем.

Мы сошли с поезда в Свяжске в 7 часов вечера и, не спеша, идя всю ночь, пришли на деревенский базарчик, находящийся в 50 километрах от Свяжска, к 7 часам утра.

На базарчик мы запоздали и решили сразу же идти назад. По пути спали 1 час и пришли в Свяжск к 4 часам утра следующего дня. Всего $33 = 12 + 21$ (час.). Туда по 3 километра в час и обратно — чуть больше 2 километров. Фокус, как видите, простой.

К обеду сотрудники собирались в Институте, получали по карточкам хлеб. Чтобы избежать очередей, Институт получал хлеб сразу за всех. Этим занималась приехавшая из Москвы почтенная молодая дама. В Москве она была заведующей кафедрой иностранных языков в большом вузе.

Приходил Иван Матвеевич Виноградов с сумкой, охотно беседовал с любыми сотрудниками, заходил на некоторое время в комнатку директора Сергея Львовича, куда стекались и другие ученые постарше. Все оживленно обсуждали события на фронте, изучали карты. Кстати, большой успех имел принадлежавший мне атлас, который я предоставил на пользование всему Институту.

С Иваном Матвеевичем мы по инициативе Анатолия Ивановича посетили Казанский цирк, французская борьба была центральным актом постановки. Мы с Анатолием Ивановичем иногда еще посещали библиотеку Казанского университета. Анатолий Иванович садился за стол и два часа неотрывно читал, записывал, отрешенно думал.

У меня же некоторое время после приезда в Казань ничего не получалось — двухмесячная тяжелая физическая работа по 10 часов в день отбила у меня охоту по настоящему математически мыслить. Я отправлялся в коридор и около печки с горящими дровами покуривал махорку и обсуждал всякие события с библиотекарями.

В декабре Анатолий Иванович защитил докторскую диссертацию, а я — в январе. По этому случаю устраивали банкеты с очень ограниченным числом приглашаемых.

Перед моей защитой с утра Анатолий Иванович завел разговор о том, что на вечернее угощение у нас вина может не хватить, не пойти ли нам в водочное Казанское управление и под объявление в газете о защите моей докторской диссертации попросить вина. Так мы и сделали. И что же Вы думаете, управляющий, посмотрев на газету, сказал: «Ничего у нас нет, одна водка. Вы, как ученые, надо полагать к

ней не привыкли”. Пришлось, потупив очи, сказать, что водка тоже годится. Он тогда распорядился выдать по 2 литра на брата.

Оппонентом у меня были А. О. Гельфонд, Б. М. Гагаев и А. И. Плеснер.

С Александром Осиповичем я говорил не столько о том, что у меня получилось в диссертации, сколько о том, что у меня не получилось. Я хотел свои периодические оценки перевести на непериодические. Я успел тогда эту задачу свести к отношению двух n -мерных определителей, минорами которых были определители Вандермонда.

Позднее Андрей Николаевич мне сказал: “Вам надо спешить с Вашими вандермондскими определителями, а то Александр Осипович поставил тему Вашей задачи к себе в план”. “Пускай делает, — ответил я, — а у меня пока хороших мыслей нет”. В дальнейшем, уже летом, Александр Осипович сказал мне, что он многое уже сделал с моей экстремальной задачей и что он предлагает мне объединиться в этой работе. Он принес несколько газет, густо исписанных чернилами (с бумагой тогда было плохо). Оказывается, он старательно выписал частные производные от сказанного отношения определителей и приравнял нулю.

Я сказал, что этот способ мне не подходит. Впоследствии уже в Москве я решил свою экстремальную задачу, не сводя ее к отношению определителей. Александр Осипович слушал меня на семинаре и нашел нужным по этому случаю угостить меня в Доме ученых водкой.

Весной я приготовил к печати мою работу по линейным уравнениям в банаховом пространстве. Она впоследствии имела успех даже среди механиков упругистов. Впоследствии ее развили (с Фредгольмовой на Нётерову теорию) за границей Аткинсон и у нас Гохберг. Напечатана эта моя работа была в военный 1943 год в Известиях.

Вообще, во время войны печатание научных журналов не прекращалось. Редакции и типографии переехали из Москвы и быстро на новых местах восстанавливали свою деятельность. Но беда заключалась в том, что в продаже журналы по-прежнему продавались за копейки и народ расхватывал их на курительную бумагу. Все же Известия с моей статьей (1943) попали-таки в Южную Африку, где тогда спасался Аткинсон.

Ранней весной в казанских газетах было опубликовано, что кто хочет, может приехать на берег Волги и купить полтора пуда соли (за гроши), а организации могут получить соль машинами.

С мирного времени на берегу Волги красовалась гора соли, предназначенная для города. В свое время эта соль была привезена по Волге на баржах. Соли угрожало наводнение, а машин для ее вывоза городские власти не имели — шла война. Решили спасти соль — отдать ее населению.

Наш Институт выпросил у Президиума машину и послал несколько человек, в том числе меня, Анатолия Ивановича, Александра Даниловича, грузить соль. В Институте ее разделили. Нам дали как грузчикам больше. У нас с Анатолием Ивановичем получился громадный мешок соли. Мы уже жили в это время в полуподвале у старухи, за шкафом.

Из других подобных “эпопей” отмечу следующую. Зимой в Казани было много снега, на улицах были большие сугробы. Это почему-то встревожило наших академиков. Наиболее важные среди них обсуждали этот вопрос на Президиуме.

Говорили, что снегу на улицах много и весной, когда он будет таять, разовьются всякие болезни. Хозяйственной части Академии надо принять меры. Меры были приняты, управление Академии отпустило на это средства в виде разных материальных благ. Под это дело была организована команда из научных сотрудников Института механики, которая привлекла по знакомству и нас с Анатолием Ивановичем. Мы перевозили по вечерам на санках снег с дорожек усадьбы университета за его забор. Этого было вполне достаточно, потому что академики, видимо, считали, что бактерии через забор не перебегут на территорию Академии. В счет причитающихся нам благ за это дело мы с Анатолием Ивановичем получили булочки и зашли по какому-то поводу к одному официальному лицу в президиум. Я разговорился и почему-то вынул из кармана булочку и похвастался: “Вот какие булочки мы получили”. Анатолий Иванович едва сдержал себя от такого моего поступка, а когда мы вышли, сказал: “Что Вы делаете, Вы же всех их презираете и даже не скрываете этого?” Впоследствии я много думал об этих словах Анатолия Ивановича. Вообще он был, хотя и на пять лет меня моложе, но более зрелый чем я.

К лету Пусики (Андрей Николаевич и Павел Сергеевич) позвали к себе жить Анатолия Ивановича на освобожденное место за шкафами, на которое городская жилищная комиссия собиралась поселить постороннее лицо.

Я остался один у старухи, но тут же появилась необходимость ехать к жене в Ижевск, чтобы забрать ее в Казань вместе с двумя сыновьями (Юрой и Мишей, родившимся уже в Ижевске). Я обзавелся солидными командировками и отправился в путь на пароходе по Волге и Каме до Воткинска. На пароходе свободно, на палубе девушки-студентки песни поют, едут на лесозаготовки. Эти места я три года тому назад прошел на гребной лодке.

Формально я был командирован в МВТУ, которое располагалось в это время в Ижевске. Меня очень хорошо принял зав. кафедрой математики Профессор А. П. Юшкевич, да и ректор МВТУ — Николаев. Они только и думали, когда их вернут обратно в Москву, хотя в это время немцы совсем обнаглели. Моя семья в Ижевске голодала, по карточкам не давали никаких продуктов ряд месяцев, кроме хлеба (300 г в день). Совсем как сейчас задерживают зарплату. Но с моим приездом дела поправились — меня прикрепили к магазину МВТУ и я по запущенным карточкам получил много съестного.

Месяц я провозился с выездом, затем мы отправились на пароходе в Казань.

В Казани нас никто не ждал, к старухе ехать было бессмысленно. И я водворил свое семейство в благословенный зал университета. Благо, никто этого водворения не заметил — милиционеров и омовцев в те времена в зданиях университетов не было. Но и в зале нас никто не ждал. Разместились на краюшке сцены — без кроватей. В зале жили в это время почти исключительно семьи сотрудников академических институтов из Ленинграда, прошедшие знаменитую голодовку. Но я бы сказал, что нельзя сказать, что у них был плачевный вид. Видимо, их уже успели откормить, они получали приличное по тем временам дополнительное питание. Моя же семья оказалась в очень трудном положении. Через несколько дней я не выдержал и пошел в Президиум: “Вот мои дети даже кипятку не имеют, как быть?” На счастье этот вопрос был решен одной из маленьких сотрудниц

Президиума, которая включила мою семью в ленинградский список. И все обошлось.

Лето было тревожное. В Казани с пароходов выгружали тысячи раненых из Сталинграда.

К осени зал потребовался для “науки”, а в это время городские власти освободили солидное здание “Дом профсоюзов” для вселения туда академиков и член-корреспондентов. Но нашлись комнаты и для живущих в зале. И нас в них распределили.

Мою семью (4 человека) поместили с другой семьей, состоящей из 6 человек, в одну большую комнату. Комната была разделена в этой пропорции веревкой, на которую повесили сколько можно больше юбок.

Лихачев Дмитрий Сергеевич возглавлял другую семью. Сейчас он — известнейшая персона на всю нашу РФ, а тогда по научной иерархии он был на одном уровне со мной. Оба мы были в это время докторами наук. Но только он и тогда, то и дело, находил ходы к высшему начальству, в результате чего через несколько месяцев он уже имел возможность переехать с семьей в отдельную квартиру, а мы продолжали жить через занавеску с другой семьей — на этот раз это были муж и жена.

Осенью мы побывали вместе с Борисом Николаевичем Делоне и Дмитрием Константиновичем Фаддеевым в совхозе Академии наук, работали на уборке картофеля. Заработали некоторое количество картошки на зиму.

В Институте в науке все время происходило движение. Д. К. Фаддеев и И. М. Гельфанд усиленно хотели сдвинуть с места теорему о представлении групп. Я слышал как Вера Николаевна, жена Д. К., кричала на своего сына Людвиг, чтобы не шумел, не мешал отцу доказать эту теорему, а то, говорит, папа не получит премию. Видите, премии тоже давали. Но им не удалось эту теорему доказать.

Сергей Львович в это время выполнил очень интересную работу по исследованию устойчивости вращающегося цилиндра, наполненного жидкостью. Эта работа была закрытой, потому что считалось, что она имеет прямое отношение к изучению устойчивости снаряда, наполненного жидкостью (химической жидкостью).

Движущийся снаряд, наполненный жидкостью, имеет тенденцию кувыркаться. Знание условий, при которых

кувыркание не происходит, очень важно. В связи с этими исследованиями Л. С. Понтрягин выполнил оригинальную работу о пространствах функций с индефинитной метрикой.

В дальнейшем, осенью 1943 г., уже в Москве С. Л. Соболев как директор предложил мне помогать ему в его, как он сказал, нужной для “обороны” работе. Я изучил его рукопись, она сейчас опубликована — очень хорошее теоретическое исследование. С помощью С. А. Христиановича Сергею Львовичу была организована экспериментальная проверка его результатов в ЦАГИ. Я ездил в ЦАГИ много раз, в лабораторию 2–6. Был сконструирован волчок с цилиндром, заполненный водой. Волчку придавались разные скорости. По теории должны были существовать определенные интервалы скоростей, для которых волчок должен терять устойчивость. Для нашего волчка это не оправдалось. Возможно, что волчок был слишком груб или существенную роль играли трения и сопротивление воздуха, а они не предусматривались теорией. Но сама по себе математическая теория безукоризненна. Теперь уже в наше время ее развивали, получали за это государственные премии.

Лично я в это время получил новые результаты по вопросу равномерной сходимости методов суммирования рядов Фурье, определяемых коэффициентами, удовлетворяющими условиям выпуклости. Эти мои исследования были в дальнейшем продолжены в ряде многих работ.

Время, которое я описываю, содержало период Сталинградской битвы, следствием которой было последующее передвижение нашей науки и нашего высшего образования обратно с востока на запад.

В конце мая 1943 мы узнали, что все московские институты Академии наук и вузы должны вернуться в Москву и приступить там к деятельности, рассчитанной не только на военное время, но и на мирное — послевоенное. Вузы должны были развернуть достаточно большие контингенты студентов.

В середине июня был подан вагон и для нашего Института Стеклова и мы со своими семьями в свободных купе приехали в Москву. Наш Институт занял свое прежнее место — крыло Энергетического института.

Очень интересный факт. Подумайте. Курская дуга была еще впереди — она же началась 5 июля.

Почитайте, что пишут о Курской дуге маршалы? Они пишут, что Курская дуга была обеспечена громадными нашими силами. И в то же время они подчеркивали, что исход битвы мог быть решен только на поле боя, в плохом для нас случае немцы всей своей мощью повернули бы на север и Москве пришлось бы туго. А, ведь смотрите, Сталин не пожелал ожидать исхода Курской битвы и приказал всей московской науке ехать в Москву и заняться, по существу, будущими мирными делами. Выходит, что Сталин был уверен, что он в Курской битве победит. Наша семья, конечно, снова оказалась в Ухтомской — у тещи Евдокии Петровны. Дом довольно-таки обветшал, был поврежден осколками крупного снаряда, уничтожившего соседнее двухэтажное здание.

Сотрудники Института снова забеспокоились, как придется в Москве жить? Хлеб в Москве всем жителям давали по 400 граммов в день, карточки на другое питание далеко не всегда отоваривались. Под Москвой жители получали только по 300 граммов хлеба в день. Однако научные работники получали из своих учреждений специальные карточки с литерами А, Б, В. А получали академики и членкорреспонденты, Б — доктора наук, В — кандидаты наук.

Я, таким образом, получал литер Б. Для меня лично продовольствия было бы достаточно, для всей семьи нет.

Сергей Львович получил в ЦАГИ с помощью своего приятеля академика С. А. Христиановича для Математического института 250 кг посевной картошки. ЦАГИ предоставило Институту также кусок земли у себя за оградой.

Помню, как сложно мы с М. А. Тахтамышевой получали ордер на картошку. Вернее, вся сложность легла на плечи Тахтамышевой, потому что из тактических соображений именно она имела дело с начальником, от которого зависела выдача ордера. А я в это время лежал невдалеке в кустах и ухитрился там доказать трудный момент в моем очередном исследовании по приближениям полиномами в метрике L . Когда ордер был получен, надо было перетащить картошку со склада до огородного участка. Это мы сделали вдвоем с Игорем Ростиславовичем Шафаревичем. Он моложе и сильнее меня и таскал большие мешки.

Меня сделали председателем колхоза, в который входили сотрудники Института — Соболев, Понтрягин, Делоне,

Марджанишвили и другие. Была заведена такая система, что каждый получил из урожая пропорционально сделанному труду. Труд разной тяжести (копка, прополка и т.д.) оценивался соответствующим коэффициентом. Участник колхоза мог прийти на участок индивидуально, выполнить очередную работу в посильных размерах, обмерить результаты работы и сообщить их мне. Все оказались честными и конфликтов никаких не было. Уборка картофеля довольно поздней осенью произошла, я бы сказал, при трагических обстоятельствах. Собрались для уборки многие. К вечеру образовалась куча собранной картошки. Константин Константинович Марджанишвили должен был приехать за ней на машине из Москвы, но запоздал. Видимо, приедет уже завтра. Все уехали, остался я, Шафаревич и Коля Делоне. Решили, что я останусь один около кучи, а они уедут в Москву и пришлют своих отцов, чтобы сменить меня на ночь. Я остался один ночью среди одиноких мрачных заводских строений, пошел сильный дождь и я спрятался в военную щель, недалеко от кучи. Дождь стал превращаться в бурю, поблизости стали падать деревья. Вдруг я слышу жалобный женский крик: “Помогите!” Я побежал на крик. Оказывается, это Ариадна Дмитриевна, жена Сергея Львовича, в тщедушном, насквозь промокшем плащишке и туфельках. Я привел ее в щель. Она дрожит, да и я дрожал, плаща на мне не было. Через некоторое время услышали мы мужской голос — отца Шафаревича. Он остался в щели до утра, а мы продрогшие и голодные отправились искать квартиру Христиановича, чтобы у них заночевать.

Рано утром я отправился на электричке домой в Ухтомскую. Около дома лежало несколько поваленных бурей деревьев. Одевшись, я немедленно отправился обратно к куче. Вскоре приехал на машине Константин Константинович. Накануне вечером буря заставила машину вернуться в Москву.

Действия Бориса Николаевича мне так и остались непонятными. Вместо того, чтобы самому приехать к куче, он позвонил Соболевым. Сергея Львовича дома не было, а Ариадна Дмитриевна вместо того, чтобы воздействовать на Делоне, сама поехала в Жуковское, чтобы тёмной ночью, в

бурю, пробираться среди мрачных заводских строений к нашей картошке. Удивительная женщина, все-таки.

По поводу бурь. Под Москвой такие бури бывают не так уж редко, двигаясь совсем неширокой стеной. Мне часто приходилось бывать в лесах под Москвой. Приходилось наткаться на лесоповалы, произведенные ураганом на небольшой площадке.

Осенью 1943 года я добавил к своей нагрузке педагогическую. До докторантуры я проработал 10 лет в Днепропетровском университете и по совместительству в технических вузах Днепропетровска в качестве ассистента и доцента. Теперь я с 1942 года стал доктором. К тому же я был исполняющим обязанности зав. кафедрой в общем больше 6 лет (в Днепропетровском Транспортном институте и университете). Но когда я подавал заявления на конкурсы на заведование кафедрой, два московских вуза меня отвергли, предпочитая своих доцентов.

Все же я поступил в Московский Автодорожный институт без конкурса, по рекомендации Сергея Львовича. Меня сделали зав. кафедрой математики сразу же с профессорской ставкой. А утвердили в звании профессора через год. Мне полагалось за ставку отрабатывать 540 часов в год. Я читал на механическом факультете лекции по математике. Были еще 2 доцента, которые имели свои потоки на строительном факультете. Каждую неделю по два часа я давал консультации всем желающим, преимущественно преподавателям. Один механик серьезно готовил докторскую диссертацию. Других волновали вопросы: “Вот я диссертацию написал, а в ней нет формул, как быть?” Останавливались на какой-то формуле, получаемой из таблиц по методу наименьших квадратов. Два сотрудника моей кафедры под моим руководством написали научные работы, опубликованные в Докладах, один из них защитил кандидатскую диссертацию в Пединституте им. Ленина. Еще был Морозов, который после фронта доводил до конца начатую им в МГУ под руководством Колмогорова работу по приближениям.

Оловянишников закончил в 1918 году (или 1917) МГУ. Я обнаружил, что он вовсе не знает вычетов, и спросил как это могло случиться? Он сказал, что в те времена они сдавали зачеты (теперешние экзамены) когда хотели, студенты

старшего курса тянули сдачу — иначе, после полной сдачи, им выписывали диплом и отправляли в военкомат. Меня, он говорит, встречает наш декан, профессор Млодзиевский и спрашивает, обращаясь ко мне, как к оканчивающему университету студенту, по имени и отчеству. “Виктор Михайлович, почему Вы не сдаете аналитические функции?” — “Я еще не знаю их”. — “Не может быть. Вы знаете, дайте Вашу зачетку”, — и зашел мне. Так я комплексный анализ не учил. Однажды меня зовет к себе зам. директора по учебной части и говорит: “Сегодня была проверка в нашем институте. Проверял директор другого института по назначению Министерства. Он начал с того, что сверил институтские часы. Они отставали на 5 минут. Студенты запаздывали, и институт часто нарочно переводил стрелки назад. Затем обратился к расписанию. Там значилась лекция профессора Никольского для потока из 5 групп. Звонок прозвонил еще на 3 минуты позже, а профессор Никольский запоздал еще на 2 минуты”. Проверщик, оказывается, заранее уже был в зале, где я читал. “Больше того, я подсчитал, — говорит проверщик, — к Никольскому зашли в зал без спроса 12 студентов. Формулируя теоремы, он явно их диктовал”.

“Это все верно”, — сказал я. “Но насчет 12 студентов это неправда. Студенты всегда спрашивают у меня. Другое дело, я на них не сержусь”. — “Так что Вы думаете, что проверщик лжет? Это тоже не может быть”. Так мы и разошлись. Через неделю я пришел к зам. директора и сказал, что я понял в чем дело. В зале есть задняя дверь. Запоздавший студент в щелку высматривает, когда я отвернусь к доске, и тогда только шмыгает в аудиторию.

Оказывается эти мои провинности рассматривались на совещании в Министерстве.

Эксперт-методист квалифицировал мое двухминутное запоздание с правовой точки зрения, сказав, что в пределах Института профессор может и запоздать. А может быть он давал в это время консультацию? Насчет моих диктовок он сказал, что с методической точки зрения это вполне допустимо.

Пока шли военные годы, в Институте преобладали девчонки. Если я замечал, что они перестают меня слушать и шушукаются, сейчас же начинал писать на доске формулы. Они замолкали, шурша в своих тетрадках перьями.

Однажды я пришел на экзамены к моим доцентам. Вижу, что около доцента Файнберга сидит какая-то личность. Файнберг улучшает минутку, отводит меня в сторону и испуганно говорит, что пришел профессор математики из другого института, сказал, что он проверяет наши экзамены по распоряжению министерства, а сам сел именно около него, Файнберга, и упорно следит, как он экзаменует. Я поздоровался с пришедшим профессором и стал его от Файнберга разговорами отвлекать. Ни в какую, профессор упорно молчит и сидит только около Файнберга. Наконец, он прощается и идет к нашему директору. Как хозяин, я его сопровождаю. Он по пути спрашивает меня, что наделал Файнберг? Я ничего не знаю. Он, придя к ректору, заявил, что ничего предосудительного он во время проверки за Файнбергом не заметил. По просьбе директора он это написал письменно и ушел.

Впоследствии выяснилось следующее. В потоке Файнберга был студент довольно великовозрастный и видимо отсталый. Его фамилия была Вавилов. Он с Файнбергом не поладил и стал посещать лекции на другом потоке — именно моем. Я это знал, но никак не реагировал.

На экзаменационной сессии он просил меня принять от него экзамен. Но я отказал ему, сказав, что ему надлежит экзаменоваться у Файнберга. Студент реагировал на это обстоятельство следующим образом. Он послал министру высшего образования телеграмму примерно следующего содержания: “Обращаю Ваше внимание на недопустимое отношение к своему делу со стороны Файнберга, доцента математики Московского Автодорожного института. Вавилов”.

Министр, видимо, решил что эта телеграмма от Президента АН СССР С. И. Вавилова и приказал расследовать.

В дальнейшем дирекция жестоко поступила с этим взбалмошным парнем и выгнала его из института. Все же я жалею, что не защитил его.

Я был членом Ученого совета Автодорожного института, аккуратно посещал занятия, но молчал. Молчал даже тогда, когда заслуженный деятель науки, расхваливая диссертацию своего ученика, говорил, что она высококачественная — вся написана в частных дифференциалах. В то время вузы подчинялись разным министерствам по специальности.

Автодорожный институт входил в министерство НКВД. На Ученом совете, особенно после войны, сидело много важных генералов. Они любили на Ученом совете, как бы к слову, рассказывать какие хитрости они придумывали на фронте. Нужно сделать переправу через болото. Если сделать понтонный мост, то он все равно увязнет под весом танков. Лучше сделать мост наносной. А про дорожные кюветы — непрерывные разговоры. Изобретение, как правило, не считалось диссертацией. Нужно, чтобы это было плановое исследование, заканчивающееся экспериментальными формулами.

Я работал в Автодорожном институте до 1947 года. В одном из дней этого года я был в Стекловке, меня позвали в кабинет к Ивану Матвеевичу, там был М. В. Келдыш и С. А. Христианович. Сергей Алексеевич сказал, обращаясь ко мне, что организуется очень важный институт (Физико-технический), предлагается мне поступить в него на кафедру математики. “А кто будет зав. кафедрой? — спрашиваю я. — А что я буду там делать?” — “Вы будете моим заместителем по кафедре”, — говорит Мстислав Всеволодович. — “А что я буду читать?” — “Вы будете вести упражнения”. Меня это шокировало, потому что к этому времени я имел уже большой опыт чтения лекций и во ВТУЗах, и в университете (Днепропетровском, правда, но все-таки).

“А как быть? — я сказал. — В Автодорожном институте меня директор любит и обещает первую квартиру, которую получит после войны Автодорожный институт, дать именно мне”.

“Вас директор обманет”, — ответил С. А. Так я учился жизни. Тогда мне было 42 года, но я в первый раз узнал, что директор может так нагло обманывать.

В дальнейшем оказалось, что заведовать кафедрой математики будет Б. Н. Делоне. Сам он будет читать аналитическую геометрию на I курсе, а мне предлагает читать анализ. Хотя я не считал, что в МАДИ меня обманут с квартирой, но все же я перешел в МФТИ. К тому же в это время МАДИ чуть ли не раскассировали.

О работе в МФТИ, где я успел, таким образом, проработать 50 лет, я писал в юбилейном сборнике МФТИ и здесь повторяться не буду.

* * *

Но я забежал далеко и хочу вернуться к работе в Стекловке с 1943 года (приезда в Москву).

Как и всю войну, Москва в 1943–45 гг. была на военном положении. Ночью быть на улицах запрещалось. На ночь воздвигалась над Москвой завеса, держащаяся на больших надувных колбасах, прожекторы и зенитки были наготове, но немцы уже не прилетали. В наше здание, теперь уже освобожденное от госпиталя, вернулся и Энергетический институт. Я уже ночевал в институте по пожарным делам значительно реже, чем в 1941 году.

Надо сказать, что уже через месяц после отъезда (в 1941 году) института Стеклова в Казань в Москве образовалась группа — филиал нашего института — работавшая преимущественно по вычислительным делам, возглавил эту группу профессор А. Ф. Бермант в ранге зам. директора Института с ученым секретарем И. Я. Акушским.

Так что по приезде в Москву нашего Института в 1943 году у него уже был готовый зам. директора (Бермант). Имеющийся зам. директора А. А. Марков перешел в прежнее свое состояние зам. директора МИАН по ЛОМИ. ЛОМИ оставался в Казани, пока не отогнали от Ленинграда немцев.

Из Казани в Москву приехал постоянный Ученый секретарь К. К. Марджанишвили. Анисим Федорович явно не любил его, но ничего не мог сделать. Однако, он оставил при себе Акушского в качестве помощника Ученого секретаря. Для дела это конечно было излишне, но давало возможность Берманту, игнорируя К. К., все существенные бумаги проводить через Израиля Яковлевича Акушского.

Это угнетало Константина Константиновича, и он искал случая выйти из этого положения. Анисим Федорович был властный. Например, он заставлял научных сотрудников института сидеть на заседаниях Ученого совета. Раз я запоздал на Ученый совет и он потребовал, чтобы я написал письменное объяснение.

Однако в Институте были и другие скрытые для меня течения, созревающие среди сотрудников более высокого ранга.

Однажды ранней весной 1944 года собрался Ученый совет. Члены Ученого совета расположились вокруг длинного

стола под председательством Анисима Федоровича. Мы, не члены Ученого совета, сидели вдоль стенок. Ивана Матвеевича не было, Сергея Львовича тоже не было. Анисим Федорович четко зачитал отчет о научной работе Института за прошедший год. Отдельно было отмечено, что сделал каждый сотрудник. Помню и я был отмечен. После доклада собрание было опрошено: утвердить этот отчет? Минута молчания. Первый сказал П. С. Александров: “Конечно утвердим, отчет хороший, но дело не в этом. Директор, Сергей Львович, у нас плохой. Он занимает все существенные должности в Академии наук и не дает места другим, а сам он не Цезарь, и столько должностей ему не под силу, не годится он быть директором”. Я выразил своими словами суть выступления Павла Сергеевича. Оно было произнесено совершенно категорически. После П. С. буквально по порядку сидящие за столом члены Ученого совета выступали в том же духе. Или соглашались с предшествующим. Когда круг замкнулся на Анисиме Федоровиче, тот сказал, что он присоединяется к выступавшим. Единственный, кто не присоединился и заявил об этом, был секретарь парторганизации Бенцион Израилевич Сегал. Я запомнил среди сидящих за столом членов Ученого совета, кроме П. С., Лазаря Ароновича Люстерника, Л. С. Понтрягина, кажется, А. Я. Хинчина. После этого в Институте наступила тишина, а через месяц или два был повешен на стенке приказ Президиума АН СССР об увольнении С. Л. Соболева с должности директора Института и назначении на эту должность И. М. Виноградова.

Сергей Львович начисто ушел из Института. Его перевели в Атомный институт, где он возглавил математический отдел. Впоследствии он один или два года читал математическую физику в МФТИ. Но по занятости часто пропускал, и именно мне приходилось его замещать.

Однажды я сижу в Институте, а в это время К. К. ходит по комнатам и приглашает сотрудников почитать вывешенный приказ. Оказывается, в приказе написано, что А. Ф. увольняется с должности заместителя директора по каким-то неблагоприятным причинам, четко не отмеченным в приказе. Это писалось так потому, что иначе он должен был бы быть отданным под суд. Дело в том, что К. К. поймал

его с поличным — он длительное время получал карточку с литером Б и у нас и в Военной Академии, где он состоял профессором.

В этих делах был замешан как-то и Акушский, которого поэтому тоже уволили с должности помощника ученого секретаря.

Раз уж я пустился в рассказы об инцидентах, то расскажу еще об одном инциденте, который, безусловно, составляет историю Института.

Однажды, видимо в 1946 году, я взглянул на приказ, вывешенный на стенке в коридоре Института и вижу — о, ужас — дирекция снимает на один год А. Н. Колмогорова с должности зав. Отделом вероятностей и назначает его ординарным научным сотрудником, а на его место назначает член-корреспондента АН СССР А. Я. Хинчина. Я пришел в исступление, как это можно так обращаться с Колмогоровым. Оказывается, Андрей Николаевич побил по физиономии самого Н. Н. Лузина в кабинете Ивана Матвеевича.

Ну это другое дело, тем более, что оно имело место в связи с выборными делами. Н. Н. обещал сначала голосовать за П. С., а потом неожиданно от своего обещания отказался — кажется в пользу М. А. Лаврентьева. Мне не известны конкретные обстоятельства, связанные с этими обещаниями. Но по-видимому, у А. Н. были основания возмутиться. Был ли это неконтролируемый порыв со стороны А. Н., осталось неизвестным.

Однако я спрашивал Ивана Матвеевича, как это произошло. “Что, имел место сильный удар по лицу?” — “Нет”, — был ответ. — “Андрей Николаевич подошел к сидящему Лузину, выражая свое возмущение им, и приложил свою ладонь к лицу Николая Николаевича”.

А говорят, что у нас нет демократии. Между прочим, несколькими годами позднее в Институте произошел такой случай.

В кабинет Ивана Матвеевича пришла девушка и выкрикнула, рыдая: “Скажите Постникову, чтобы он не дрался”. Выяснилось, что М. М. Постников действительно “дрался”. Иван Матвеевич немедленно позвал к себе заведующего отделом Л. С. Понтрягина, у которого работал Михаил Михайлович и спросил: “Лев Семенович, что нам делать?” — “Иван

Матвеевич, — сказал Лев Семенович. — У нас в Институте уже выработано правило как в таком случае поступать, надо Постникову уменьшить ставку на одну ступень — вместо 120 руб. платить в течение года 100 руб”. Так Иван Матвеевич и сделал.

Николай Николаевич Лузин, кажется, с 1938 года находился в “опале”, которая формально выразилась в том, что его перевели в технический отдел. С этого времени и его научная тематика изменилась — приобрела более прикладной характер. По-видимому, он тоже был в эвакуации, но не в Казани. В 1943 году он вернулся в Москву, как и все академики-москвичи. К этому моменту с него “опала” была снята и Михаил Алексеевич передал ему теорию функций. Таким образом, Н. Н. оказался моим зав. отделом. Но недолго, потому что вскоре я перешел в отдел С. Н. Бернштейна. По научным делам у нас с Н. Н. никаких связей не было. В это время, пока я находился в Отделе, он интересовался более близкими к нему исследованиями супругов Л. В. Келдыш и П. С. Новикова. С ними он работал раньше, когда заведовал отделом до 1938 года. А с Петром Сергеевичем он работал еще раньше — в МГУ, когда его семинар блистал. Все же мы с Николаем Николаевичем находили общие интересы. В частности, нередко выявлялось единство взглядов на Ученый совет. Я в то время был уже членом Ученого совета, хотя был просто доктор, не облеченный организационными обязанностями.

В то время в Москву приехал академик С. Н. Бернштейн. До войны он был в Ленинграде. С началом войны еще до того как немцы подошли к Ленинграду, он был вывезен в Казахстан — в Боровое — классное курортное место, где и был со своей женой до 1943 года. Затем в 1943 году он стал обосновываться в Москве. Ему был предоставлен номер в Центральной московской гостинице, в которой он жил в военные годы рядом с приезжающими с фронта генералами, а потом и после войны, пока не построили новое крыло в доме академиков по Ленинскому проспекту, 13. С приездом в Москву он сначала проявил активность в Московском государственном университете, где открыл свой семинар, собравший в себе лучшие в Москве силы по теории приближений: В. Л. Гончаров, Н. И. Ахиезер (живший в то время в

Москве), И. Н. Хлодовский, А. О. Гельфонд, я и еще молодой талантливый С. Б. Стечкин.

Сергей Натанович произнес тронную речь, наметив пути предстоящей деятельности семинара. Он не преминул подвергнуть критике постановку Колмогоровым задач теории приближения, которой следовал я. Не называя имен, он сказал, что некоторые считают важным решение задач на точное вычисление верхней грани тех или иных приближений, распространенных на классы функций. Но такая постановка, он говорил, не имеет отношения к теории функций, потому что константы приближения для классов функций не связаны с константами приближения отдельных функций класса, изучение которых и есть одна из целей теории функций. Получив константу для класса, мы не получаем какой-либо информации для констант отдельных функций этого класса.

С. Н. поставил вопрос об организации в институте Стеклова нового Отдела конструктивной теории функций и о привлечении в этот отдел меня и Сергея Борисовича Стечкина, в способностях которого он удостоверился у себя на семинаре, хотя Стечкин тяготел, как и я, к точке зрения Колмогорова. Отдел был организован, я и Стечкин вошли в него и еще Д. Е. Меньшов, работавший в метрической теории функций. Кроме того, историк (фамилию я забыл) специально изучавший жизнь Чебышева.

Уже находясь в новом отделе, я получил результаты, доказывающие, что суждения С. Н. о колмогоровском направлении не являются основательными. В обычных классах функций существуют отдельные функции, константы приближений которых понимаемые в обобщенном смысле (в смысле верхнего предела), равны константе, вычисленной для класса. Теперь, уже в более поздних работах сотрудника отдела теории функций К. И. Осколкова, даются оценки, характеризующие множества таких индивидуальных экстремальных функций.

На семинаре в МГУ делали доклады А. О. Гельфонд и Н. И. Ахиезер. Помню, что оба доклада были встречены довольно резкими критическими замечаниями со стороны С. Н. Возможно поэтому докладчики стали посещать семинар редко, Ахиезер потом уехал в Харьков. Все же оба они

и А. О., и Н. И. были всегда в самых лучших отношениях с С. Н. К этому времени я добил свою задачу об асимптотической оценке наилучших приближений непериодических функций алгебраическими многочленами. Метод совсем отличный от метода уже упомянутого выше отношения определителей, о котором я уже говорил, и за который брался А. О. Гельфонд. Таким образом, задача с определителями тоже была решена косвенным путем. Я до сих пор не осознавал истинную аналитическую связь между этими двумя способами. Александр Осипович слушал мой доклад и после семинара завел меня в Дом ученых и угостил водкой.

Впоследствии этот мой результат С. Н. обобщил на производные любого порядка своим методом, тем самым приближаясь к колмогоровскому направлению. А я затем усилил его тем, что сконструировал линейный метод приближения, с той же асимптотической оценкой, которая получается для наилучших приближений.

В дальнейшем семинар Бернштейна проводился в здании Института. По четвергам на семинар приходил С. Н. и часто один из нас сообщал, что у него получилось за последнее время. Это встречало в ряде случаев ответные результаты остальных. Но печатались эти результаты всегда отдельно с соответствующими ссылками.

В Докладах появились подряд три заметки, посвященные оценкам производных от тригонометрических полиномов или целых функций экспоненциального типа при помощи норм их разностей (С. Н. Бернштейна, С. М. Никольского, С. Б. Стечкина).

Происходили и споры, даже проявления амбиций. Но они, в конце концов, решались железной логикой.

Тоже в Докладах имеются две статьи Сергея Натановича и моя об оценках смешанных производных и разностей через несмешанные.

В это время при Отделе в течение нескольких лет был докторант из Баку И. И. Ибрагимов, впоследствии ставший азербайджанским академиком. Он был прямым учеником Сергея Натановича, следуя его тематике. Но он был также под влиянием М. В. Келдыша и А. О. Гельфонда и имел с ними совместные работы. У нас с ним тоже были научные связи.

В 1950 году я присутствовал у нас в Институте на защите докторской диссертации ученика Соболева В. И. Кондрашева. Я понял, что теорию Соболева о так называемых теоремах вложения можно изложить на языке теории приближений. Для этого только нужно иметь неравенства для тригонометрических полиномов или целых функций экспоненциального типа не только типа Бернштейна, но и другие, которые я впоследствии называл неравенствами разных измерений и разных метрик. Я их получил. Некоторые случаи неравенств второго типа оказались уже известными в литературе (Джексон, Харди). Возникла замкнутая теория вложений для класса периодических функций или заданных на пространстве, дифференциальные свойства которых выражаются их разностями. Эти классы не совпадают с соболевскими. Они только параллельны соболевским. Полученная для них теория на том этапе обогнала соболевскую, потому что в этих разностных классах (классах H) вопросы “разных измерений” замыкаются, в то время как эти вопросы для соболевских классов продолжали ждать своего решения.

Эти мои результаты опубликованы в номере Трудов Математического института, посвященном юбилею Виноградова.

Далее последовала другая большая моя статья в Математическом сборнике (1953), в которой указанные вопросы предназначались для классов функций H , заданных на областях n -мерного пространства с достаточно гладкой границей.

Различные конференции и семинары по дифференциальным уравнениям охотно стали звать меня делать для них доклады.

Я сам организовал по этим вопросам семинар (в 1950 г.), который работал сначала в МГУ, а потом перешел в Стекловку.

Уже 55 лет он существует. Мы собираемся по пятницам в 14–16 часов. Сейчас руководителями его являются я и мои ученики: член-корреспонденты РАН О. И. Бесов и Л. Д. Кудрявцев.

В 1953 году я перешел в отдел теории функций, перешли также затем С. Б. Стечкин и С. Н. Бернштейн. Отдел конструктивной теории функций прекратил свое существование.

После ухода из Института А. Ф. Берманта заместителем директора стал И. Г. Петровский. Он был энергичный и занятый. Появлялся в Институте на короткое время, но всегда что-нибудь продвигал. Пока он был зам. директора, его сделали член-корреспондентом АН СССР и вскоре академиком, и тут же секретарем Отделения АН, в 1952 году — ректором МГУ. Да еще в такой момент, когда МГУ сильно расширялся в только что построенном высотном здании. Он, конечно, сделался депутатом Верховного совета СССР. Мне говорили, что он как депутат был неизменным членом комиссии по помилованию.

Один осведомленный человек меня уверял, что Иван Георгиевич сказал некоему ответственному лицу: “Я так повышаюсь. Может мне надо вступить в партию?” — “Нет, не надо, — был ответ. — Оставайтесь беспартийным”.

Он полностью подходил под категорию сталинского определения: беспартийный большевик.

По своему общественному положению он обогнал всех математиков, за исключением все же М. В. Келдыша, прах которого погребли в кремлевской стене.

Все же оборонная наука в СССР была на первом месте.

Иван Георгиевич Петровский знал меня давно. Я рассказывал, что в тридцатых годах к нам в Днепропетровский университет приезжали ученые из Центров читать лекции. Приезжал и Петровский два раза (1933, 1934), каждый раз недели на три. В первый приезд я его слушал, он читал цикл — обоснование теории Штурма–Лиувилля вариационным методом. В период его второго приезда я был в Москве.

В 1945 году было решено восстановить деятельность Трудов института Стеклова. Назначили главным редактором Ивана Георгиевича, а заместителем главного редактора меня. Иван Георгиевич сказал мне: “Давайте действовать независимо, будем обращаться друг к другу только в крайних случаях, а так нечего терять время”. Мне это понравилось и я строго соблюдал это указание. В особенности это было удобно, когда И. Г. сделался ректором МГУ. Все, что можно было делать без него, я делал под свою ответственность.

Я все же однажды проявил амбицию. Передают мне корректуру первого послевоенного тома. На обложке напечатано: главный редактор академик И. Г. Петровский, заместитель главного редактора пр. С. М. Никольский.

Я посчитал, что это явление чрезвычайное и, отыскав Ивана Георгиевича, сказал ему: “Я согласен только на одно из трех: либо 1) академик и профессор, либо 2) ак. и пр., либо 3) акад. и проф”.

Он посмотрел на меня многозначительно, молча взял корректуру и ушел. На вышедшем из печати томе был первый вариант.

Иван Георгиевич чувствовал себя истинным хозяином университета и, видимо, ему это нравилось. Я как-то выходил с ним из университета. Возле крутящейся двери он остановился, а я его толкаю, чтобы он шел вперед. Он как закричит на меня повышенным голосом: “Идите”.

Ученый Иван Георгиевич был высокого класса, но и администратор тоже.

В 1951 году Анатолий Иванович получил Сталинскую премию второй степени. По этому случаю мы с ним угостились в ресторане на весьма высоком уровне.

В 1952 году я получил Сталинскую премию второй степени, С. Н. Мергелян тоже получил такую же премию. Отдельно от меня. Так что я получил 100 тысяч рублей. Много. По тем временам я за эти деньги мог купить 6 машин “Победа” или 12 машин “Москвич”. Надо устроить угощение.

Собрались в ресторане “Москва”. Там были среди других А. И. Мальцев, П. С. Новиков, А. А. Ляпунов, Н. В. Смирнов — люди, которые вскоре поднялись на более высокую научную ступень, а тогда они, как и я, были докторами, старшими научными сотрудниками Стекловки. Подходит официант: “Что угодно”. Я совсем растерялся. “Николай Васильевич, что Вам заказать?” — спрашиваю Н. В. Смирнова. “Мне ничего”. — “Как ничего?” — “Да так, мне нельзя ничего”. — “Позвольте, Вы же пришли сюда кушать”. — “Дайте мне чаю”. — “Дайте ему чаю, — совсем уже растерявшийся, говорю официанту. — Алексей Андреевич, что Вы хотите? Шампанского?” — “Что Вы — это же отравя”. — “Тогда красного?” — “Нет, у меня холецистит”. — “Тогда белого?” — “И белого нельзя”. — “Тогда коньяку?” — “Что Вы!?” — “Остается только водка”, — говорит официант. “Водка? Водку можно”, — восклицает Алексей Андреевич. — У меня в списке против холестерина она не записана”.

Я обрадовался и, вместе с тем, понял всю свою глупость. “Дайте чаю, водки, черной икры, салат, не забудьте бифштексы, да и бутылку коньяка поставьте на стол для вида”.

И все получилось хорошо, даже Николай Васильевич в свой чай решил подлить коньяка.

С Петром Сергеевичем и его женой Людмилой Всеволодовной Келдыш мы вместе до 1953 года были в одном отделе — теории функций. Мы с П. С. ряд лет сидели в одной комнате в Институте. Людмила Всеволодовна в любом здании Института находила маленькую конуру, куда обычно складывают тряпки, и добивалась того, чтобы ей ее отдали для ее институтских занятий. В 1953 году ожидалась выборы и нашлись круги, решившие сделать Петра Сергеевича член-корреспондентом. Для верности было решено его выбирать по прикладной математике. Благо у Петра Сергеевича была хорошая работа по обратной задаче потенциала. Была организована для П. С. специальная научная тема и семинар по прикладной математике. Я тоже был включен в этот семинар. Больше того, меня там эксплуатировали в смысле докладов. В это время я имел результаты по экстремальным задачам для квадратурных формул. Эти результаты носят теоретический характер, но могут рассматриваться и как прикладные.

Петр Сергеевич был выбран в 1953 году в корреспонденты по прикладной математике. В 1953 году вообще были большие выборы — в академики тогда избрали Н. Н. Боголюбова, А. А. Дородницына, очевидно, по прикладной линии и еще по теоретической — П. С. Александрова, который был близок к избранию еще в 1946 году. В член-корреспонденты были выбраны 6 человек. Из них 3 места были забронированы для КГБ — по ним выбраны Ю. В. Линник, А. А. Марков, А. И. Мальцев и на остальные 3 места были выбраны Д. Е. Меньшов, С. Н. Мергелян, П. С. Новиков.

Интересно, что Анатолий Иванович каким-то образом фактически не привлекался на работу, которую, видимо, ему прочили и остался на теоретической работе. Я не знаю в чем дело — мой друг Анатолий Иванович в такие вещи меня не посвящал. Однако, вот что я от него услышал. Ему сообщили, что он в назначенный момент должен быть на аудиенции у Берии. И вот он явился за 5 минут до назначенного срока

в кабинет заместителя Берии (его впоследствии расстреляли вместе с Берией). Поговорили о том, о сем, и за 3 минуты до назначенного срока заместитель встает, оправляется перед зеркалом и ведет Анатолия Ивановича по коридорам. Как только они повернули на последнее звено коридора, он подчеркнуто вытянулся и пошел гусиным шагом по пустому коридору вплоть до бериевского кабинета и сдал Анатолия Ивановича секретарю. Больше я ничего не знаю.

Дмитрий Евгеньевич Меньшов по праву был выбран в корреспонденты, а затем его всегда выдвигали в академики. Он всегда имел большое количество голосов, однако недостаточное, чтобы быть избранным. Когда я появился в Институте, еще до войны, он был сотрудником Института по совместительству с МГУ.

Между прочим, в нашем Институте долгое время и до и после войны уделялось особо большое внимание празднованию 8 Марта. Когда была жива мать Константина Константиновича Надежда Дмитриевна, она тщательно подготавливала как режиссер художественные экспромты на этих вечерах. Мне запомнился такой экспромт: в зал, где происходил банкет, вводится страшный тигр. Основу этого тигра составлял согнутый в пояснице, покрытый лохмотьями Дмитрий Евгеньевич Меньшов. Он обхватил руками стан нашей секретарши, обсыпанной какими-то перьями, долженствующей изображать шею и голову тигра. Сзади Дмитрия Евгеньевича обхватывает другая секретарша, украшенная в виде хвоста. И все это сопровождается веселыми каламбурами, заранее выученными на репетициях Надежды Дмитриевны.

Но шутки в сторону. Этот знаменитый ученый — последователь Лузина, все время до своей кончины состоял сотрудником Отдела теории функций (одно время конструктивной теории функций) — получал полставки, когда давали, или ничего не получал, но работал и когда не давали. Тем самым он вместе со своими учениками внес в научные достижения Отдела бесценный вклад.

Однажды я должен был докладывать при утверждении Президиумом АН СССР Д. Е. Меньшову премии им. Чебышева. Я тогда сказал, что работа Д. Е. Меньшова вносит определенный философский вклад. Если считать с практической точки зрения естественным, что любая функция есть

измеримая функция, то Д. Е. показал, что всякая встречающаяся на практике функция может быть записана формулой в виде сходящегося почти всюду к ней тригонометрического ряда.

Попутно я хочу сделать замечания о моих исследованиях по квадратурным формулам. Эти исследования я докладывал на семинаре по прикладной математике Лазаря Ароновича Люстерника. Лазарь Аронович предлагал мне написать популярную книжку в моем духе о квадратурных формулах. Такая книжка была написана и издана “Наукой” в 1958 году. В ней популярно излагается задача об экстремальной квадратурной формуле для класса функций с решением этой задачи моих и других математиков, главным образом моих учеников. Эта книжка получила переиздание еще 3 раза с дополнениями Н. П. Корнейчука, который всякий раз суммировал результаты, возникавшие по этому вопросу. Многие результаты этого рода были получены в моей Alma Mater — в Днепропетровском университете. Два года тому назад группа днепропетровцев, присоединившая к себе меня и Н. П. Корнейчука (днепропетровца, живущего сейчас в Киеве), получила Государственную премию Украины.

Мой вклад в это дело — упомянутая книжка “Квадратурные формулы”, Н. П. Корнейчук и В. П. Моторный — мои докторанты (институт Стеклова), остальные участники премии — их ученики (В. Ф. Бабенко, В. Л. Великин, А. А. Лигун).

На сумму, которую я получил, нельзя угостить друзей в ресторане. Это, по-видимому, и есть “демократический рынок” применительно к ученым.

В двадцатых годах наши советские ученые ездили за границу широко. Профессор математики И. Е. Огиевецкий, который меня учил в Днепропетровском университете, ездил на месяцы в Германию, чтобы побыть на семинаре Гильберта в Геттингене, П. С. Александров, А. Н. Колмогоров и другие профессора МГУ ездили в Германию и Францию и находились там подолгу.

С 1935 года, по-видимому, эти поездки прекратились. Первый после войны Международный Конгресс математиков состоялся в Америке, но Сталин никого из советских математиков и математиков соц. стран не пустил и приказал устроить свой конгресс, объединяющий социалистические страны. Это и было сделано под видом Первого Венгерского математического Конгресса в Будапеште. Нас туда

поехало человек 10 под водительством И. М. Виноградова и С. А. Христиановича. В качестве комиссара был еще К. А. Рыбников, в делегацию входили А. Н. Колмогоров, П. С. Александров, А. А. Марков, Н. М. Коробов, С. М. Никольский, Штокало (Киевский академик). Может быть, был еще один-два — не помню. От социалистических стран были делегации человек по 5–6. Нас принимали шикарно. В особенности советскую делегацию. Бесконечные приемы с богатым угощением, поездка по Дунаю на пароходе и на автомобилях вокруг Балатона. Советские делегаты делали пленарные доклады на русском языке.

Я познакомился с Фредериком Риссом, Л. Фейером. Обоим им было тогда по 70 лет. Фейер восхищался тем, что я получил оценку для приближений его суммами. Возможно, он думал, что у нас вообще дикая страна. А тут, смотрите, знают его суммы. Познакомился также тогда с совсем молодым Надем. Его оценки приведены в русской монографии Н. И. Ахиезера “Теория аппроксимации”. Русскую транскрипцию фамилии Nagy Наум Ильич воспроизводил как Наги. Но венгры говорят Надь.

Теперь уже V. Cz.-Nagy — венгерский академик, член нашей Академии и наоборот, я — академик Венгерской Академии наук.

Через год мы еще с Павлом Сергеевичем Александровым ездили в Будапешт на юбилей Бойяи. Но более существенная заграничная поездка была следующая за этой, в 1954 году в Амстердам, на Международный Конгресс математиков.

Наша делегация состояла из 5 человек: П. С. Александров, А. Н. Колмогоров, С. М. Никольский, Д. Ю. Панов (директор Института информации) и мальчик из Иностранного отдела Академии.

Мы ехали поездом с длинной остановкой в Бресте, так что мы даже выкупались и покатались на лодке по Бугу. Останавливались еще в Берлине.

На Конгрессе было два доклада для всего Конгресса: доклад Фон-Неймана при открытии и доклад Андрея Николаевича при закрытии Конгресса.

А. Н. изложил недавно перед этим опубликованные его две знаменитые заметки об устойчивости движения. Впоследствии он за эти заметки и В. И. Арнольд за их развитие получили Ленинскую премию.

Павел Сергеевич и я делали секционные доклады. Я сделал еще краткое сообщение. Оно делалось строго по расписанию и во время доклада двери запирались на засов. Тут произошел казус.

Предыдущий докладчик кончил свой доклад раньше положенного ему срока. Я тут же вышел к доске. Председатель предупредил меня, что я могу подождать и делать свой доклад в положенное для меня время. Но я сказал, что это не имеет значения и начал доклад. Тут же дверь закрыли на засов. Потом оказалось, что ко мне на доклад пришли такие важные люди как Зигмунд, Фавар, Аткинсон, Хермандер (в то время мальчишка). Они увидели меня только после моего доклада. Между прочим, когда был в отделе С. Н. Бернштейн, он сразу после войны получил письмо от Фавара, в котором последний писал, что заинтересовался оценками молодого русского математика (на самом деле мне было тогда больше 40 лет) и он предлагает, чтобы Никольский приехал во Францию на некоторое время. Но это приглашение осталось без последствий.

Я сидел на секционном заседании. Ко мне присел Фавар. Председатель объявляет: “Сейчас будет доклад на тему: интуиционистическое доказательство теоремы Рисса–Фишера”. Фавар громко на всю аудиторию закричал: “Теорема Рисса–Фишера давно доказана и нечего каких-то интуиционистов слушать, мне придется уйти отсюда. Уйдем”, — обращается он ко мне. Но я не реагировал, и он ушел, а через 15 минут, когда интуиционистский доклад закончился, приходит Фавар, понося вслух интуиционистов.

Во время конгресса Голландская королева приняла у себя во дворце глав делегаций конгресса. Павел Сергеевич блистал перед ней знанием языков и светского тона.

Мне пришлось побывать на Международных конгрессах в Стокгольме, Ницце, Ванкувере, Варшаве и на ряде Международных конференций и школ. Позднее я остановился только на Варшавском конгрессе, с которым я оказался связанным особо.

После войны я продолжал жить в Ухтомской. Когда я работал в Автодорожном институте, я ухитрялся после лекций заезжать в Стекловку и таким образом мне удавалось быть дома на даче 2–4 дня в неделю. До обеда я занимался,

а после обеда уходил на прогулку в лес. Зимой на лыжах, часто уже ночью.

После перехода в Физико-технический институт занятия в Ухтомской пришлось сократить. Это меня удручало. С квартирами в Москве было плохо. Однако, появилась возможность. Президент АН академик Несмеянов добился перед Правительством об организации Реферативного журнала по естественным наукам. Он лично сам запуская дело. По математике понадобился главный редактор. Он предложил мне, пообещав дать квартиру. Но он хотел, чтобы я перешел в Институт информации на штатную работу, совмещающую только в Стекловке. Но я не согласился. Тогда он сказал: “Я Вам квартиру не дам”. — “Ну и не давайте”, — я ответил этому важному сановнику и ушел из его кабинета.

Между прочим, этот кабинет исторический. В нем, например, была спальня Наполеона, когда он во время пожара убежал из Кремля. Однако меня по-прежнему звали на совещания к президенту. Тогда я заявил директору Института информации Д. Ю. Панову, что раз уж президент хочет, чтобы я работал у него по реферативному журналу, я буду работать один год бесплатно, в порядке общественной работы, и за это время пушу в ход журнал. Так я и работал. Но все же через год мне сказали: “Пойдите, получите ордер на квартиру”. А когда я его получил, зам. директора Информации принес мне сберкнижку, в которую, оказывается, в течение года откладывали для меня зарплату.

Но в том же 1953 году меня вдруг позвали в Административный отдел ЦК. Меня посадили за стол, где уже сидело человек 7, некоторые в военной форме КГБ. Они расспрашивали меня и говорили, что хотят назначить на некую должность, где требуется знание математики, но не говорили какую. Я спросил, смогу ли я, находясь на этой должности, заниматься личной научной работой. Мне сказали, можете, но мы не рекомендуем. Мое согласие, собственно, не спрашивали.

Все же я решил просить Президента через Панова, чтобы он помог не назначать меня на эту должность. Видимо, он помог.

Но вскоре в Математическом институте произошло преобразование. И. Г. Петровский с уходом в ректоры МГУ перестал быть зам. директора института Стеклова. Вместо

него стало два зам. директора: М. В. Келдыш и К. К. Марджанишвили, в то время уже доктор физ.-мат. наук.

Но в 1953 году из нашего института выделилось Отделение (прикладной математики), которое возглавил М. В. Келдыш.

Для Мстислава Всеволодовича деятельность зам. директора нашего института была, конечно, промежуточной, но он ее использовал, создав еще в недрах Стекловки группу способных молодых математиков, видимо, по расчету движения спутников.

Но это не все. В 1953 г. вдруг был организован в Стекловке “сильно закрытый отдел”, связанный с КГБ. Его заведующим назначили К. К. Марджанишвили. Видимо, на эту должность хотели назначить меня.

Этот отдел был особенный. Заместители директора не знали, что делается в этом отделе. Только директор знал что-то в целом.

Таким образом, сразу же освободились две должности зам. директора института Стеклова. Одну из этих должностей Иван Матвеевич предложил мне. Я не мог ему отказать, а на вторую должность позднее был назначен приехавший из Тбилиси член-корреспондент АН СССР и Грузинской АН академик Илья Несторович Векуа. Как раз в это время в Грузинской АН что-то произошло, в результате чего И. Н. Векуа оставил все грузинские должности и приехал побитый в Москву. Здесь в Москве в наших академических кругах не обратили внимания на это гонение, сразу же дали Илье Несторовичу квартиру, назначили заместителем директора Стекловки. Илья Несторович сделался профессором МФТИ и членом редакции реферативного журнала “Математика”. Получилось, что мы с ним во всех указанных местах стали коллегами. Да и квартиры наши оказались рядом. Мы быстро с ним подружились. Всегда считается, что заместители у начальника интригуют друг против друга. Но есть, как видите, исключение.

Впоследствии, когда Илья Несторович опять приехал в Тбилиси, чтобы стать Президентом Академии наук, он меня всегда принимал самым дружеским образом. В конце его жизни неумолимая болезнь заставила его посещать Москву для медицинских консультаций. Я сидел у его кровати и

веселил его как мог, а он писал на грифельной доске шуточные ответы. Перед смертью он обратился ко мне, чтобы я организовал печатание подготовленной им рукописи и согласился быть его редактором.

Я подробно ознакомился с этой рукописью и, убедившись, что она в научной редакции не нуждается, решил, что титул научного редактора ставить на ней не следует. Книга полностью до конца подготовлена ее автором. Когда Ильи Несторовича не стало, я приезжал в Тбилиси, чтобы участвовать в похоронах этого большого ученого и моего друга на кладбище — важном и престижном в Грузии.

Я расскажу сейчас об эпизоде, в котором я участвовал еще до приезда Ильи Несторовича в Москву (1954).

У М. А. Лаврентьева был докторант Мигиренко. Он был полковником морской службы, приехавший из Ленинграда. Сразу же стал секретарем партийной организации Института. После того как он вник в дела Института, его поразило, что Институт сплошь состоит из людей действительно ученых, действительно одержимых наукой. И это как-то не вяжется ни со скромностью помещения, которое занимает Институт, ни с величиной его.

Видимо, он считал, что многие наши сотрудники могли бы быть начальниками целых групп других сотрудников. И, таким образом, Институт должен быть расширен, ему следует отпускать больше средств. В результате Институт достигнет размеров обычных советских исследовательских институтов с многочисленными штатами. Мигиренко уговорил Ивана Матвеевича и меня написать письмо по этим вопросам Хрущеву. Мне было поручено его написать. Я поговорил с заведующими отделов. Они соглашались с тем, что их отделы можно расширить, они соглашались на увеличение их отделов на 5–7, много — 10 человек. А когда я спрашивал, а что если увеличить на 20–30 человек? С таким увеличением не соглашались. Помню Михаил Алексеевич, который после смерти Лузина снова был заведующим отдела теории функций, назвал максимальную цифру увеличения — 6–7 человек. И в то же время он как бы сам себе противоречил, сказав: “У Вас получится увеличение института на 50 человек. Никто вам этого не даст, другое дело, если бы Вы поставили вопрос об увеличении на 700 человек

— это Институту утвердили бы с легкостью”. Но если бы это увеличение было осуществлено, то у нас получился бы такой же институт, как тот, из которого произошел Мигиренко.

Так или иначе, письмо было написано и отослано в ЦК. У нас в Отделе науки ЦК был доброжелатель Николай Иванович Глаголев. Он постарался, чтобы наше письмо не оказалось достоянием авгиевых конюшен ЦК и действительно было положено на стол Хрущеву. Никита Сергеевич поручил это письмо рассмотреть секретарю ЦК. Тот позвал к себе Ивана Матвеевича и секретаря парторганизации (возможно, это был уже не Мигиренко, уехавший в Новосибирск). Иван Матвеевич и, видимо, не очень четко говорили, что собственно они хотят. Поэтому Суслов отделался общими фразами, что, мол, институт Стеклова, конечно, важный институт и надо подумать как ему помочь, но как помочь надо подумать. Но Суслов ухватился за последний пункт письма — совершенно конкретно. В нем отмечалось, что многие наши сотрудники крайне нуждаются в улучшении их жилищных условий. В результате Суслов сказал: “Надо еще подумать, чем помочь институту Стеклова, а вот вопрос о квартирах — это в наших руках”, — и тут же он отдал распоряжение воздействовать на Президиум АН СССР, чтобы он при распределении своего квартирного фонда большее внимание уделил Стекловке, приказать Моссовету выделить специально Стекловке квартиры (2 или 3 — не помню).

Эти решения оказались реальными. Моссовет в порядке выполнения этого распоряжения дал нам квартиры — правда не сразу, а что-то через 2 года.

В это время М. В. Келдыш для своего Института надстроил на большом доме два этажа. Президент Несмеянов приказал Мстиславу Всеволодовичу несколько квартир дать Стекловке. В этом порядке получили хорошие квартиры Н. М. Коробов, В. С. Владимиров и комнаты Е. Ф. Мищенко, Г. С. Монахтина и другие наши сотрудники.

Однажды я присутствовал при беседе Ивана Матвеевича с Анатолием Алексеевичем Дородницыным по поводу того, кому дать Сталинскую премию. Они как-то не могли остановиться на определенных лицах. Наконец Иван Матвеевич обращается ко мне: “А...С...С... Сергей Михайлович, Вы

что молчите? Кому надо дать премию?!” “Конечно Колмогорову”, — отвечаю я. — “Вы что, Вы что” — встрепенулся Иван Матвеевич, поднялся со своего кресла, подбежал ко мне и, приложив ладонь к моему лбу, сказал: “У Вас нервы не в порядке”.

Такое же отношение к Колмогорову было и со стороны других представителей нашей, математической элиты, именно тех, которые претендовали на научное первенство в математике.

Партийные и Советские власти относились с уважением к науке. А как же иначе, если при помощи науки получается, например, атомная энергия. Властям, конечно, было известно, что в таких вопросах Математика играет не последнюю роль. Но тогда возникает вопрос, кто же из математиков лучший, чтобы ему при случае можно было бы поручить ответственное дело и, во всяком случае, вовремя поддержать перед теми же математиками.

Конечно, властители знают, что это трудный, вообще неразрешимый вопрос. Но все-таки?

Речь здесь идет о математиках, которые так или иначе выбрались “на гора”, скажем, сделались докторами наук, профессорами. На эти научные позиции у нас всегда попадали на демократических началах. Оплачиваемых должностей, соответствующих этим высоким званиям, у нас всегда было в общем больше (не тут, так там), чем имеющих докторскую степень или звание профессора. Выше уже не так, член-корреспондентских мест по математике всегда было меньше количества имеющихся ученых член-корреспондентского уровня. При выборах в корреспонденты нельзя утверждать, что выбраны лучшие из возможных. Поэтому, начинают играть привходящие обстоятельства, которые иногда ведут к тому, что выбирается лицо заведомо более низкой научной квалификации, чем средняя упомянутая квалификация.

Колмогоров был выбран в академики в 1939 году. До этого он член-корреспондентом не был, хотя и имел много лет до этого выдающиеся работы. В академики его выбрали не без привходящих условий. Явно здесь оказали влияние правительственные круги (Сталина, вероятно). Это видно из того, что его тут же выбрали еще и секретарем физико-математического Отделения. А это заведомо, надо полагать,

было задумано в высших партийных кругах еще до выборов. Не только математические, но и физические институты оказались в его ведении.

В следующий созыв секретарем стал уже физик — академик Иоффе. Это естественно, потому что к этому времени началось наступление на атом.

Непосредственно перед войной впервые присуждались Сталинские Премии. Премию первой степени дали Виноградову и Соболеву, а Колмогорову дали премию второй степени, да и то вместе с Хинчиным.

Позднее работы Колмогорова и Арнольда по динамическим системам Комиссией по Ленинским Премиям, состоявшей из математиков и механиков, были отклонены.

Премия все же была присуждена общим Комитетом по премиям, т.е. коллективом физиков, химиков, биологов, инженеров.

В дальнейшем Илья Несторович уехал в Новосибирск, а его место занял Е. Ф. Мищенко. Но меня, в общем, работа зам. директора тяготила. Я чувствовал, что я на этой должности нужен не столько для работы по Институту, сколько как деятель своеобразного высшего Математического Двора, возглавляемого Иваном Матвеевичем.

Иван Матвеевич мою просьбу об отставке принял, не скрывая, впрочем, своего неудовольствия. Заместителем директора вместо меня стал Л. Д. Кудрявцев.

Но в Сибирь Михаил Алексеевич Лаврентьев уехал окончательно и Иван Матвеевич меня назначил вместо него на должность заведующего отделом теории функций.

В связи с этим работу главного редактора реферативного журнала “Математика” я тоже оставил, передав ее Ревазу Валериановичу Гамкрелидзе. По реферативному журналу я остался редактором раздела теории функций действительного переменного.

Как я уже говорил, с 1950 года я вплотную перешел на изучение теории вложений дифференцируемых функций и теорию прямых вариационных методов и организовал семинар, который работает систематически до наших дней. Ко мне еще на заре этой деятельности присоединился Л. Д. Кудрявцев, теперь член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии.

По приглашению С. Л. Соболева, который тогда заведовал кафедрой прикладной математики мехмата МГУ, я прочитал на этом факультете спецкурс, посвященный вопросам вложений. Два слушателя этого курса О. В. Бесов и В. Фуфаев были затем моими аспирантами по институту Стеклова.

Кандидатская работа Фуфаева представляет собой тонкое исследование поведения гармонической функции в окрестностях угловых точек области. Эти результаты обобщались в работах математиков других школ.

Мои интересы к этим вопросам никогда не ослабевали. Именно поэтому я, когда сделался заведующим Отделом, взял в Отдел, как бы со стороны, Евгения Алексеевича Волкова, развивавшего и развивающего эти вопросы с большим успехом с точки зрения приближения решений уравнения Лапласа сетками. Сейчас Евгений Алексеевич стал крупным уникальным представителем этого направления математики, имеющего значение и для теории и для практики вычислений.

Олег Владимирович Бесов в своей диссертации ввел новые классы функций B_{pq}^r ($r > 0, 1 \leq p, q \leq \infty$), обращающиеся в классы H_p^r при $q = \infty$, и доказал для них теоремы вложения аналогичные моим.

После того как выяснилась связь этих классов с соболевскими W , они получили потом широкое применение в анализе.

Их называют классами Бесова. Тем самым О. В. Бесов получил среди специалистов большую известность. Теперь Олег Владимирович член-корреспондент РАН.

Мне пришлось по возрасту передать заведование Отделом Л. Д. Кудрявцеву, который затем по той же причине передал заведование О. В. Бесову.

Вопрос об установлении свойств граничных функций для функции класса Соболева W в пятидесятых годах был проблемой. Эта проблема решалась математиками разных стран по частям. В нашем семинаре тоже были решены отдельные части этой проблемы (С. В. Успенский, П. И. Лизоркин, О. В. Бесов). В результате показано, что граничные функции для функций классов $W_p^r(\Omega)$, $\Omega \subset R^n$ суть функции,

принадлежащие классам $B_p^\rho(\Gamma)$ (Γ — граница Ω), где ρ определяется по числам r, p, n, m (m — размерность Γ). Я написал книгу по теоремам приближения и вложения функций, заданных на всем пространстве и его координатным подпространствам. За нее мне дали Премию имени Чебышева.

Я написал также главу для монографии “Интегральные представления функций и теоремы вложения” О. В. Бесов, В. П. Ильин, С. М. Никольский.

За эту книгу мы втроем получили Государственную премию. В ней читатель найдет неравенства типа теорем вложения для функций, заданных на областях.

Инициатором представления нас на эту премию был С. Л. Соболев. Теперь уже вышло второе издание этой книги, пополненное новыми результатами.

* * *

Меня выбрали в член-корреспонденты АН СССР в 1968 году. Мне рассказывали, что на традиционном чае, который обычно устраивает президент для выборщиков, выступили И. Г. Петровский и С. Л. Соболев с предложением выбрать на этих выборах в корреспонденты женщин: О. А. Олейник и О. А. Ладыженскую, а мужчины пусть потерпят на этот раз. Сергей Львович в своей речи обратил внимание, что за время существования советской власти по физико-математическому, а затем математическому Отделению, женщины не выбирались. Даже при царизме в Российской Академии была член-корреспондент женщина — Софья Ковалевская. Мстиславу Всеволодовичу это предложение понравилось. Он предложил проголосовать неофициально, в открытую. Проголосовали единогласно. Однако на первом туре обе Оли получили только примерно по 18–20 голосов, а надо было 26. Я набрал и того меньше. Больше 20 получил Н. В. Ефимов. На втором туре голоса Оль уменьшились, а у меня увеличились до их голосов. Я приблизился к Н. В., у которого тоже произошло некоторое увеличение. В это время я, идя по двору Института, встретил Андрея Николаевича Тихонова. Андрей Николаевич трясет мою руку и говорит: “Поздравляю”. — “С чем же”, — спрашиваю я. “А как же, у Вас большое количество голосов”. — “Но это неинтересно, — говорю. — Ведь их не хватает”. — “Конечно,

— говорит А. Н. — Вас не выберут. Но надо это ценить”. На третьем туре получилось 25 голосов у меня и 24 у Ефимова. Четвертый тур возможен, но нужно специальное разрешение Президиума Академии. Но собрание упросило Мстислава Всеволодовича произвести четвертый тур тут же, сразу, так сказать в долг, если завтра Президиум согласится на это. Так и сделали. Результат был неожиданный. Ефимов получил 25 голосов, а я получил 31, на 6 голосов больше, чем было. Как это объяснить, не знаю. Было еще тогда одно место в корреспонденты, по нему был выбран В. С. Владимиров, спокойно, в третьем туре.

В дальнейшем в одном из последующих выборов Н. В. Ефимов был выбран в корреспонденты, а Ольга Александровна Ладыженская и Ольга Арсеньевна Олейник теперь уже академики. Недавно Ольга Арсеньевна стала работать в нашем Отделе. Это, конечно, для нас большая честь.

Я был вполне удовлетворен своим корреспондентством и в академики поступать совсем не помышлял. Однако к выборам 1972 года ощутимая по количеству группа академиков пожелала выбрать меня в академики. Меня выдвинул Ученый совет по представлению академика Л. С. Понтрягина. Некоторые из них желали выбрать на другое имевшееся место Михаила Михайловича Лаврентьева. Они, видимо, решили, что за меня они будут фактически голосовать в три тура, т.е. в первом и втором турах уделят внимание только Михаилу Михайловичу. В первом и втором турах никто не был выбран, а меня выбрали в третьем. В дополнительном четвертом туре был выбран Ю. В. Прохоров. Михаил Михайлович впоследствии был выбран в академики, я за него голосовал.

Отмечу теперь некоторые события, когда я был академиком.

Академия наук СССР, конечно, дружила с Академиями социалистических стран. Президент АН СССР М. В. Келдыш любил, чтобы такая дружба проявлялась в чем-то конкретном. В этот период он договорился с Президентом Венгерской Академии наук, что будут заведены три совместных журнала: по механике, химии и математике. Решили, что журнал по математике будет специализироваться по теории вероятностей. От венгров был выделен главным редактором Б. Секефальви-Надь, а от нас Ю. В. Линник. Но Юрий

Владимирович вдруг умер и назначили от нас Юрия Васильевича Прохорова. Венгры приехали в Москву и в Президиуме в торжественной обстановке зачитали Соглашение, выпили отпущенное за счет Президиума шампанское и поехали, за тот же счет, в Центральный ресторан с тем, чтобы после обеда вернуться в Президиум и Соглашение подписать. Обед съели, но после этого почему-то объявили венграм, что подписывать пока не будем. В чем дело, не знаю. Видимо, к тому же, это было сделано неловко. Рассерженный Б. С.-Надь уехал домой и поднял там шум. Венгры по дипломатическому каналу заявили о своем возмущении. Возмущение дошло до секретаря Математического Отделения академика Н. Н. Боголюбова. Тот почему-то обратился ко мне и просил, чтобы я взялся быть главным редактором советской части журнала. Я отказался. Иван Матвеевич вызывает меня к себе на определенное время. Оказывается, пришел Николай Николаевич. Я тогда сказал, что если Вы пришли насчет венгерского журнала, то теперь уже я вижу, что этот вопрос действительно Вас беспокоит. Мне придется согласиться быть главным редактором журнала. Однако я согласен только при условии, что журнал будет посвящен анализу, но не вероятностям. “Какая там вероятность, пусть будет анализ”.

Так образовался советско-венгерский журнал “Analysis Mathematica” с Б. Секефальви-Надем — главным редактором венгерской части и с главным редактором советской части — С. М. Никольским.

Журнал существует до сих пор. Только советская часть заменена на российскую.

Видимо, главным образом за участие в этом журнале меня Венгерская Академия наук сделала своим иностранным членом Академии. Хотя наибольшее внимание этому журналу уделяет мой заместитель Сергей Александрович Теляковский.

Наш журнал оказался живучим и разные перипетии, всякие перестройки и суверенизации ему не помешали. Других двух советско-венгерских журналов давно уже не существует. Наш журнал оказался синхронно действующим вместе с развитием математической науки.

Обе стороны подобрали подходящий состав редакторов, действующих согласно, без излишней суеты.

Советские, а теперь российские члены редколлегии: С. А. Теляковский, Н. С. Бахвалов, П. Л. Ульянов, А. Н. Ширяев (а в прежнем К. И. Осолков и покойный А. Ф. Леонтьев) работают самоотверженно и при том безвозмездно. Квалифицированно и весьма добросовестно весь период существования журнала (с 1977 г.) работает заведующая редакцией Римма Ивановна Сорокина. Большую ответственную работу постоянно ведет мой заместитель по редколлегии С. А. Теляковский.

Впоследствии и Б. С.-Надь сделался нашим иностранным членом Академии.

Но Мстислав Всеволодович конкретизировал также связь с Польской Академией наук. Было решено, что в Варшаве будет организован Международный Математический институт под названием Международный Математический Центр имени Банаха.

Этот институт будет устраивать длительные семинары (семестры), на которые будут приезжать ученые математики из социалистических и других стран. Для чтения лекций и ведения научной работы Академии наук социалистических стран будут посылать лекторов и для учебы молодых математиков типа аспирантов или кандидатов наук.

Центр Банаха будет иметь Ученый совет по два человека от каждой Академии.

Отделение выделило от нас в члены Ученого совета меня и член-корреспондента АН СССР Сергея Всеволодовича Яблонского. Каждый год мы приезжали на заседание Ученого совета, которое устраивалось по очереди в столицах разных социалистических стран (в том числе в Ханое и Гаване). Конечно, мы нередко принимали участие в работе семинаров по специальности, находясь в Варшаве длительное время.

Эта наша деятельность продолжалась более 20 лет до разрушения Советского Союза. При желании ее можно было бы описывать на многих страницах.

Польская Академия наук, видимо, учитывая эту мою деятельность по Центру Банаха, сделала меня своим иностранным членом, а также наградила меня высшей наградой Польской Академии — медалью Коперника, Чешская Академия наградила меня золотой медалью Больцано.

Весь период, пока я был членом Ученого совета Центра Банаха, директором Центра был академик пан Чеслав Олех. Он стал моим незабвенным другом.

Я теперь хочу остановиться еще на одной большой деятельности, которую мне поручила наша Академия.

В 1982 году должен был происходить Международный Конгресс математиков в Варшаве.

Поляки на предыдущем Конгрессе в Хельсинки добились того, чтобы Конгресс был у них. Следовательно, этого хотело их правительство. Поляки выделили из своей среды председателем оргкомитета пана Чеслава Олеха.

Тем временем в Польше в это время происходили известные политические события: борьба между ПОРП во главе с маршалом Ярузельским и массовой организацией Солидарность. Ярузельский держал власть при помощи военной силы. США были против него и поддерживали Солидарность. В International Mathematical Union возникла тенденция Конгресс в Варшаве отменить. Ярузельский хотел, чтобы Конгресс был. Пан Олех оказался очень подходящим для него человеком, энергичный и целеустремленный. Ярузельский обратился за поддержкой к Андропову и Политбюро постановило послать на Конгресс от Советского Союза делегацию в 500 математиков. Это, конечно, было совсем необычное постановление, потому что обычно мы посылали на такие конгрессы вместе с туристами разве что 20–30 человек. Было при этом где-то на уровне Отдела науки ЦК решено, что советские математики докладчики, выдвинутые ИМУ, должны все ехать в Варшаву. Пан Олех на этом настаивал.

Наш национальный комитет главой нашей делегации назначил меня и создал при мне соответствующую комиссию. Под моим руководством должно было проходить укомплектование делегации. Это была сложная работа. Институты и университеты, выдвигая на Конгресс людей, посылали на них в Иностраннный Отдел нашей Академии документы. Университетские работники должны были пройти еще через фильтр Иностранного Отдела Министерства Высшего образования, который оказался очень строптивым. Надо было проталкивать документы или вовремя их заменять документами других лиц. Но с докладчиками конгресса было особенно трудно, потому что их уже не заменишь.

И на этой почве было много трагических перипетий, про которые рассказывать было бы интересно и сейчас. Но лучше их забыть. Приходилось обращаться за содействием к важным партийным персонам. В этом, между прочим, активно помогал Василий Сергеевич Владимиров. Но это было не просто, потому что центральные организации подчас сами себе противоречили. Например, в разгар набора 500 делегатов вдруг выяснилось, что Политбюро после своего постановления о посылке в Варшаву 500 человек постановило, что на любые конгрессы можно посылать не более 20 человек. Снова пришлось писать длинные бумаги, говорить по телефону с секретарем ЦК. В результате вышло новое постановление Политбюро: послать в Варшаву 300 человек. В этом количестве мы в конце концов и приехали в Варшаву в отдельно выделенном для нашей делегации поезде. Удалось посадить в поезд всех докладчиков за исключением трех. Пан Олех встретил наш поезд при подступах к Варшаве.

Обо всем этом можно было бы написать большой рассказ. Ведь я ничего не сказал, что мне пришлось по делам Конгресса побывать в Париже вместе с Алексеем Борисовичем Жижченко на заседании комитета ИМУ, участвовать затем на Пленуме ИМУ в 1982 году в Варшаве, когда по ее улицам маршировали ерусельские солдатики; не сказал я также, что на этом Пленуме было постановление отложить Конгресс на 1 год. И, таким образом, наша делегация ехала в Варшаву уже в 1983 году.

Мне хочется отметить, что во всех этих вопросах мне очень помогли В.С. Владимиров, А.Б. Жижченко, К.И. Осколков, А.К. Погребков, А.Г. Сергеев и многие другие. Сильно воодушевлял меня Л.С. Понтрягин.

Я вспоминаю теперь еще о моем участии в подготовке к Канадскому Конгрессу в качестве председателя панели “Общая топология и функциональный анализ”. В эту панель я привлек Павла Сергеевича Александрова. Я ставлю себе плюс за то, что мне удалось добиться пленарного доклада для молодого шведского математика Епфо, который решил в отрицательном смысле давнюю трудную проблему об аппроксимации вполне непрерывного оператора в банаховом пространстве. В свое время, еще в 1934–1935 годах я над

этой проблемой бился, желал доказать ее в положительном смысле.

Я еще участвовал по подготовке Финского Конгресса математиков. В качестве члена консультативного комитета.

На заседаниях этого комитета (в Хельсинки и Париже) пришлось сражаться с председателем комитета, профессором Борелем, отстаивая наши советские интересы. Мне много в этом помогал А. Б. Жижченко.

Расскажу анекдотический, но на самом деле реальный факт. В конце заседания консультативного комитета в Париже генеральный секретарь ИМУ устроил для нас обед в древнем ресторане в великолепном помещении, но полуподвальном. В разгар обеда вдруг на скатерти стола появился таракан. Все рассмеялись. Лионс побледнел, официант быстро поймал таракана и все забылось. Однако, на следующем заседании пришел Лионс и вручил каждому из нас в отдельности новые приглашения отобедать в том же ресторане, сказав, что теперь уже тараканов не будет. Так и было — отобедали мы на этот раз этажом выше. Об этом я писал в печатных статьях.

* * *

Мой учебник “Курс математического анализа” для студентов, математиков и физиков университетского уровня пережил пять изданий.

Но у нас с моим покойным учеником Я. С. Бугровым есть также учебник для вузов в трех книгах с задачником под общим названием “Высшая математика”, переживший 5 изданий. За этот учебник мы с Яковом Степановичем получили Государственную премию.

Яков Степанович был моим аспирантом и докторантом по Стекловке. В молодости он учился и работал на Дальнем Востоке — в Благовещенске, затем в Москве (в Зеленограде) в техническом вузе. Он был непрерывный участник моего семинара.

Другая моя деятельность — школьные дела. До революции я успел проучиться 4 года в царской гимназии и потому имею возможность сопоставлять тогдашнее обучение с современным. Конечно, ученье постепенно прогрессирует. Но подчас bestолково и неуклюже. То, что было хорошо, нередко не закрепляется и даже изгоняется.

В молодости я нередко зарабатывал на уроках и даже преподавал математику в школах. В Стекловке мне пришлось много работать в комиссии по школьному преподаванию математики. Я узнал в деталях школьные программы по арифметике, алгебре и началам анализа. У меня создалась своя точка зрения на все это дело. Однако я понял, чтобы внедрить свои мысли, придется писать учебники — статьи с призывами ничего не дают.

Я этим занялся. Мне помогают мой ученик профессор МГУ М. К. Потапов и учителя — кандидаты педагогических наук Н. Н. Решетников и А. В. Шевкин. Кстати, Шевкин тоже мой ученик — по педагогической линии. Мы написали “Арифметику” для 5–6 классов школы и “Алгебру” для 7, 8, 9 классов.

Эти книжки в последние 15 лет уже издавались в качестве учебных пособий и пробных учебников. Они официально проверялись в школах (алгебра в двух районах). Сейчас мы достигли новой стадии. Наша “Арифметика” в новом издании МГУ утверждена Министерством Просвещения РФ как учебник математики в 5 и 6 классах (Арифметика 5, 6). Утверждена также, изданная в новом издании “Алгебра 7”. Предстоит еще новое издание “Алгебры 8” и “Алгебры 9”.

Вопросы о распространении учебников для школ совсем не простой. Массовый школьник не может платить за каждую книжку 15 тыс. руб. Денег на учебник поступает от Правительства недостаточно. А главное, отпущенные деньги не контролируют и к ним немедленно приобщаются коррупционеры.

В двух массовых изданиях выходила (до перестройки) моя книжка “Элементы математического анализа”, в которую я вложил свой опыт преподавания анализа на наивном языке.

Школьной математикой много занимался А. Н. Колмогоров. Ему привыкли приписывать все неудачи, которые скопились в его время в школьном преподавании математики.

Неудачи, конечно, были. Но не во всех их надо винить Колмогорова. Например, учебники алгебры в те времена писались под руководством вице-президента Педагогической Академии наук СССР академика этой академии профессора МГУ Алексея Ивановича Маркушевича. А ведь когда,

например, некоторые академики на собрании Отделения математики хохотали по поводу задачи из учебника алгебры, то хохотали над Колмогоровым, а не Маркушевичем, хотя Маркушевич, скорее всего, к своим книжкам Колмогорова не подпускал. Задача была такая: решить уравнение $x = 3$.

На одном из заседаний Бюро Отделения математики, на котором присутствовал ряд важных академиков, критиковали школьную деятельность Колмогорова. Затем появилось заранее подготовленное письмо в ЦК от членов Бюро Отделения о недопустимых преобразованиях в школьной математике под руководством А. Н. Колмогорова. Письмо подписали все, кроме меня. Я сказал, что я член партии, партия не рекомендует мне участвовать во фракциях. Если я найду нужным заметить какую-либо неправильность, я сам отдельно об этом скажу.

Все же Колмогоров ввел в школе много полезного. Именно при нем в школе утвердились начала анализа. Но я не буду говорить, что я во всем в этих вопросах с Андреем Николаевичем согласен. Например, в вопросе о том, куда помещать действительные числа и как их излагать. Я считаю, что этот вопрос в условиях школы надо сильно элементаризировать, увязав с понятием длины отрезка, и поместить пораньше в конце арифметики или в начале алгебры. Как элементаризировать, я показываю в своем учебнике.

Для этого надо сохранить (не выбрасывать) периодические десятичные дроби, как это было при Киселеве. Дальше остается сделать добавление в совершенно элементарном духе.

За пять лет до своей кончины Андрей Николаевич специально интересовался моими рукописями на этот счет. Он их одобрил, даже в письменном виде — в своем письме ко мне.

Мне пришлось отстаивать Колмогорова в комиссии, учрежденной Боголюбовым. Лев Семенович Понтрягин выгонял его из редакции Математического сборника. Но, кажется, у меня из этого ничего не вышло. Люди, которых Колмогоров поддерживал, даже вытягивал за уши, отвернулись от него.

Комиссия состояла из семи человек. Трое из них стояли за то, чтобы Колмогорова оставить в редакции — это были я, Павел Сергеевич и Колмогоров. Лев Семенович без

обиняков был против. К. К. Марджанишвили и С. В. Яблонский, подходя к вопросу интеллигентно, сказали, что они не возражают оставить Колмогорова в редакции, если только согласится на это Лев Семенович. А председатель комиссии Ю. В. Прохоров был и не за, и не против. С этим мы и разошлись. Больше комиссия не собиралась. А что было дальше, посмотрите сами по страницам журнала.

Уже после кончины Колмогорова в одном журнале с названием, содержащем слово “Россия”, была помещена статья, в которой фигурирует слово “Экология”. Автор среди организаций, которых он обвиняет как виновников “Чернобыля”, отмечает Академию наук СССР и тут же добавляет, что академик Колмогоров получил даже Ленинскую премию за ошибочную работу. Никакие другие виновники не отмечаются и получается, что академик Колмогоров виновник Чернобыля. Об “ошибках” я сейчас не говорю, никаких ошибок за Колмогоровым по этой работе не числится. Я просил на заседании Отделения математики официально записать возмущение по этому поводу. Меня поддерживал один Юрий Васильевич Прохоров. Остальные члены Бюро не поддержали. В дальнейшем мне пришлось уговорить С. П. Новикова — главного редактора УМН — поместить в УМН заметку, осуждающую этот злостный выпад.

* * *

В восьмидесятых годах я объединился в своей научной работе с сотрудником моего Отдела, покойным П. И. Лизоркиным. Обобщая один мой результат, мы получили существование и дифференциальные свойства решения краевой задачи для дифференциального уравнения полигармонического типа с сильным вырождением на всей границе. Видимо, мы впервые решили этот вопрос, когда сильное вырождение имеет место “на всей границе”.

Мы перешли затем к классическим задачам по приближению на сфере при помощи сферических полиномов. Мы сконцентрировали свое внимание на трудных случаях, когда дифференциальные свойства приближаемых функций определяются обобщенными разностями высшего порядка. Наши исследования затем продолжали участники нашего семинара (Сатаров и Рустамов из Баку).

Теперь я продолжаю работать в теории аппроксимации на общих многообразиях посредством алгебраических многочленов и целых функций экспоненциального типа. Пишу монографию на эту тему.

Продолжаю работать над школьными учебниками вместе с моими уже названными выше коллегами.

Список заведующих Отделом теории функций:

академик Н. Н. Лузин — 1935–1938 гг.,

академик УССР М. А. Лаврентьев — 1938–1943 гг.,

академик Н. Н. Лузин — 1943–1950 гг.,

академик М. А. Лаврентьев — 1950–1962 гг.,

доктор физ.-мат. наук, а затем член-корреспондент АН и академик С. М. Никольский — 1962–1988 гг.,

член-корреспондент АН СССР — Л. Д. Кудрявцев 1988–1994 гг.,

член-корреспондент РАН — О. В. Бесов — с 1994 г.

Срок начала работы Н. Н. Лузина взят с переезда Института из Ленинграда. Не исключено, что он заведовал Отделом Института в Ленинграде, хотя и жил в Москве. В 1938 году в стенах Института было организовано побоище на Н. Н. — собрали сотрудников Института и других математиков, каждый из них пинал Н. Н. как мог. Затем Н. Н. оказался в Отделении технических наук. Работы его перешли в прикладную сторону. Мне помнятся его заметки о корнях векового уравнения. Н. Н. становится заведующим Отделом теории функций Института после 1943 года, тогда же он вел семинар в МГУ. Этот семинар, например, посещал С. Б. Стечкин. Он говорил, что “я последний ученик Лузина”.

После кончины Николая Николаевича заведующим Отделом был М. А. Лаврентьев, живший уже в Москве до его отъезда в Новосибирск.

Настоящий состав Отдела теории функций:

академик О. А. Олейник,

академик В. А. Ильин,

академик С. М. Никольский,

зав. отделом член-корреспондент РАН О. В. Бесов,

член-корреспондент РАН Б. С. Кашин,

член-корреспондент РАН Л. Д. Кудрявцев,

член-корреспондент РАН С. И. Похожаев,

член-корреспондент РАН П. Л. Ульянов,
доктор физ.-мат. наук С. В. Бочкарев,
доктор физ.-мат. наук Е. А. Волков,
доктор физ.-мат. наук С. А. Теляковский,
старший редактор Р. И. Сорокина.

Дела, с одной стороны, хорошие: 3 академика и 5 член-корреспондентов, но и плохи. Недавно двое скончались (Лизоркин, Стечкин) и двое молодых ученых уехали за границу (Буренков, Темляков). Надо восполнять, а сейчас это трудно. Предложили Конягину, а он уехал за границу. Я бы предложил без всяких мою докторантку Хоа Нгуен-Тхитхвеу (Н. С. Касянчук), а она вот уже несколько лет ушла в коммерцию.

В. А. Ильин с молодых своих лет делал доклады на нашем семинаре. Мы ценим его глубокие исследования по несамосопряженным дифференциальным операторам. Он, в частности, их связал с вопросами сходимости тригонометрических рядов Фурье.

В наш Отдел Владимир Александрович пожелал войти после того, как был расформирован Отдел А. В. Бицадзе, в котором он состоял.

У себя в университете он имеет большую школу учеников. Они часто участвуют у нас в семинаре.

С. И. Похожаев — крупный специалист в теории нелинейных дифференциальных уравнений. Изучение нелинейностей требует не только привлечения, но и развития вопросов теории функций и функционального анализа. На этой почве мы имеем с ним общие связи. С. И. Похожаев — постоянный участник и соруководитель нашего семинара. Он успешно готовит кадры докторского уровня. И, видимо, из его кадров можно будет взять некоторое пополнение штатного состава Отдела.

О. А. Олейник недавно пожелала войти в члены института имени Стеклова и выбрала наш отдел теории функций. Ее связи с нашим Отделом давнишние. Издавна она делает доклады о своих результатах в нашем семинаре. Многие из этих результатов являются продвижением тех или иных направлений теории функций.

В университете О. А. Олейник имеет свою собственную мощную научную школу.

* * *

Про И. М. Виноградова я впервые узнал еще до войны в Днепропетровске. Один физик, приехавший к нам из Ленинграда, рассказывал, что в Ленинграде есть такой профессор Виноградов, математик. Он с утра до вечера упорно думает и вычисляет. Иногда у него что-то получается и тогда его сильно хвалят. Подчас его занятия прерывает разная приходящая публика — преподаватели, студенты. Ведут веселые разговоры и в конце концов борются. Виноградов обычно побеждает и всегда требует реванша, если кому-либо удалось его побороть.

Можно было слышать про него такие рассказы: “Иван Матвеевич, почему Вы не женитесь?” — “А зачем? 9 месяцев в году я доказываю теоремы, а на 3 месяца всегда жена найдется”. Он так и не женился. Все время жил с сестрой, тоже незамужней — профессором по экономическим наукам.

О своей силе он рассказывал мне так: “Главная моя сила в пальцах. Я читал математику в Политехническом институте (в Ленинграде). На переменку в учительскую не ходил, оставался на коридоре со студентами. Однажды мы заговорили о силе. “Вы сильный?” — спрашивают они. “Конечно, сильный”. — “Ну есть и посильнее”. — “Не думаю”. — “А у нас есть студент сильный”. — “Ну, куда ему!” — “Да нет, очень сильный”. — “Не думаю”. — “А можно попробовать”. И т.д. Кончилось тем, что я должен был согласиться померяться с этим студентом. Тогда я сказал, что правила игры я назначу сам. “Пожалуйста”, — был ответ. И вот началась борьба. Я предложил, чтобы мы сцепились с этим студентом загнутыми указательными пальцами. За наши спины должны ухватиться студенты в любых количествах и тянуть в разные стороны. Кто будет считать себя побежденным, может потребовать пощады и второй немедленно должен отпустить свой палец. Я обхватил своим железным указательным пальцем его палец. Если бы мы не расцепились, то наши пальцы просто были бы разорваны. Моментально, как только начали тянуть, студент закричал — сдаюсь! После этого он долго на лекциях сидел с повязкой на руке, угрюмо поглядывая на меня.

По приезде в Москву (в 1934 г.) Ивану Матвеевичу дали шикарную квартиру на улице Горького (Тверская) возле

памятника Пушкину. Чуть не целый этаж солидного дома. Грузчики засуетились около рояля. Тут был Иван Матвеевич. “Положите рояль мне на плечи, — говорит он, — и отстранитесь”. И он снес рояль самолично на 4 этаж.

Когда мы были в Казани, Академия наук получила баржу дров. Нужно было ее разгрузить. Наш Институт в целом составе явился для разгрузки. Иван Матвеевич указывал на самые толстые трехметровые бревна и требовал, чтобы их ему грузили на плечи. Надо было носить бревна на берег по сходням.

По правде сказать, он позволял себе, как бы шутливо, крутить руки другим у себя в кабинете, те в общем терпели, внешне делая вид, что это шутка. За полтора месяца до его смерти я его посетил в санатории “Узкое”. Он сидел на кровати и почти ничего не говорил. Когда я уходил и мы пожимали руки, я заметил, что его пожатие было довольно сильным. Я восторженно сказал: “Иван Матвеевич, Вы считаетесь больным, а какой Вы сильный. Не можете ли Вы сказать, Вы многим крутили руки, почему Вы мне не крутили?” Но он не ответил. Больше я его живым не видел.

Иван Матвеевич имел невероятную память. Про любую реку мира, какую-нибудь Тунгуску он моментально мог сказать, какая у нее длина и сколько кубометров воды в секунду проходит через ее сечение. Исторические даты разных событий во все времена он помнил наизусть.

Уже в наше время он решил изучать английский язык. Вероятно, из гордости он учителя не нанял, а начал с того, что выучил все английские слова по толстому словарю. Но синтезировать их так и не удосужился.

Люди из его близкого окружения льстили ему, что он самый лучший математик. Некоторые, впрочем, выдающиеся из них возможно это делали в порядке тактического приема — чтобы затенить Колмогорова, который очень уж выделялся.

Мстислав Всеволодович и Михаил Алексеевич дружили с Иваном Матвеевичем. Тот любил еще Льва Семеновича Понтрягина. А вместе они не возлюбили Колмогорова.

Впрочем, Лев Семенович признавался мне, что в более ранние годы он хотел “помирить” Виноградова с Колмогоровым. Я тоже это хотел, но ничего не вышло.

Борьба, конечно, была не прямая, а косвенная. В особенности действовал при этом Мстислав Всеволодович — сам по

себе очень талантливый математик, но не могущий сделать в ней много, постоянно отвлекался то в практическую аэродинамику, то в механику движения спутников и ракет. Михаил Алексеевич тоже был очень талантлив в чистой математике, но он тоже отвлекался от нее в прикладные вопросы — взрывы и т.д. — и в строительство Сибирского научного Городка.

Иван Матвеевич исключительно занимался оценками в теории чисел на базе элементарных методов, которые он весьма талантливо и изощренно развивал. Он привык к тому, что в этой области он является первым. Больше того, его устно и письменно величали первым вообще среди математиков, во всяком случае Советского Союза.

Как всегда на этой почве у этого действительно большого математика развивалось болезненное самолюбие. При Иване Матвеевиче в тридцатых годах ряд лет находился приехавший из Саратова теоретико-числовик, выдающийся математик Н. Г. Чудаков. Иван Матвеевич, видимо, его любил. Однако однажды Иван Матвеевич сильно ошибся: думал, что он доказал знаменитую проблему. Он заметил ошибку уже тогда, когда статья была в корректуре в Докладах. Пришлось с некоторым скандалом ее снять с печати. Но Иван Матвеевич к этому добавил, прогнав от себя Чудакова (перевел его в Ленинград), потому что последний читал рукопись этой статьи и не заметил ошибку. Но статья в Доклады, надо полагать, не содержала в себе полного доказательства.

Второй случай был уже гораздо позднее. В его отделе был талантливый теоретик-числовик Н. М. Коробов. Однажды Коробов получил, пользуясь методом Виноградова, оценку, на какое-то маленькое число улучшающую оценку Виноградова. Обе они не окончательные достаточные оценки. Оценка Коробова была напечатана. Этого Иван Матвеевич не мог перенести. Произошел конфликт. А Коробов тоже очень непреклонный. Коробов был выжит из Института на основании каких-то формальных соображений, которые выглядели с точки зрения трудовых законов очень натянуто.

У Ивана Матвеевича тоже были свои противники. В частности, президент Александров. Тот вступился за Коробова,

применяя законы, подкрепляя их своей властью. Но Иван Матвеевич послал такую бумагу самому Брежневу, что дело это прекратилось и Коробов остался навсегда вне Института.

Иван Матвеевич приходил в Институт три раза в неделю и сидел в своем кабинете более 4 часов. В это время он любил общаться с сотрудниками Института и других учреждений, подолгу беседовал с ними, вникал в суть их проблем и часто советовался с ними. Свои решения он делал осторожно, советуясь со своими помощниками и секретарем парторганизации.

Просят меня срочно прийти к Ивану Матвеевичу. Оказывается, дело идет о недавно поступившем в наш Отдел молодом математике С. В. Бочкареве, который жил у жены за городом и подал заявку на приобретение кооперативной квартиры. Но чтобы его прописать в Москве, было возбуждено ходатайство перед Моссоветом о разрешении прописки по списку талантливых молодых ученых, вселяющихся в Москву.

Председатель Моссовета, имея у себя на столе такой список, подписанный, надо полагать, самим президентом АН СССР спрашивает по телефону: “Настаивает ли лично Виноградов на прописке Бочкарева или, быть может, Виноградов механически подписал это дело?”

Иван Матвеевич, спрошенный по телефону из Моссовета, решил тоже спросить лишний раз меня. Я сказал, что я поддерживаю свою просьбу. Тогда Иван Матвеевич спросил своего заместителя академика Ю. В. Прохорова как быть.

Юрий Васильевич сказал, что Сергей Михайлович никогда ничего не просит, нужно его уважить. Но пусть он пообещает в ближайшее время ничего не просить. Я все же сказал, что такое обещание давать не могу. Если у меня в Отделе появится еще один такой способный математик, как Бочкарев, и ему нужно будет помочь, то я без всяких обращусь к Вам. Иван Матвеевич после таких советов позвонил председателю Моссовета с просьбой об утверждении прописки Бочкарева.

После войны я продолжал жить на даче и однажды решил прийти к Ивану Матвеевичу просить содействия в получении квартиры в Москве. Вхожу к нему. Он меня приветствует: “А, Сергей Михайлович, заходите, с Вами всегда

легко. Вы никогда ничего не просите”. Я так и сел, и не решился просить и просто с Иваном Матвеевичем побеседовал.

Уже в наше время сотрудник нашего Отдела П. И. Лизоркин пришел в дирекцию просить какую-то справку на квартиру. Иван Матвеевич сказал: “Дайте Лизоркину справку, он пока не испортился. Согласуйте это дело с моей общественной организацией”.

Иван Матвеевич жил долго. На его глазах некоторые люди успевали и “портиться”.

Объективно, благодаря стараниям Виноградова, институт Стеклова все время продолжал быть маленьким, но высоко качественным — стоящим на высоком мировом уровне. К счастью, последующие директора продолжают эту традицию.

Сейчас, впрочем, настали новые времена, которые могут состояние Института изменить. Пока эти изменения происходят к худшему. Зарплата сотрудников сделалась совсем мизерная и сравнительно молодые перспективные ученые уезжают за границу. Не так просто на освободившиеся 4 места подобрать математиков, эквивалентных по силе убывшим, в особенности сейчас, потому что молодые перспективные уезжают и из других учреждений Москвы.

Ивану Матвеевичу можно поставить в укор, что при нем Математический институт не имел собственного здания и ютился как придаток в зданиях других институтов. Физики и биологи тех времен построили себе громадные здания, а сейчас “приватизируют” их распивочно и в розницу. Однажды Иван Матвеевич делал на Президиуме АН СССР отчетный доклад по Математическому институту за большой срок. После доклада Мстислав Всеволодович сказал: “Ну что ж, у вас все хорошо, давайте одобрим работу Математического института”. Но Иван Матвеевич сказал: “Нет, у меня еще не все”. — “А что?” — “Надо построить отдельное здание для Математического института”. — “Здание, пожалуйста. Запишите на следующую пятилетку здание для Математического института”, — сказал Мстислав Всеволодович, обращаясь к секретарю. “Нет, говорит Иван Матвеевич, так это не годится. Нужно, чтобы здание было хорошее”. — “Хорошо. Запишите: здание мемориального

типа”, — сказал Мстислав Всеволодович, снова, обращаясь к секретарю. Академик Капица добавил: “Математический институт проявил себя настолько, что ему здание из мрамора не жалко”.

Но дальше Математический институт, видимо, действовал не активно, дирекцию интересовали другие вопросы и здание при Иване Матвеевиче так и не построили.

Решительно сдвинул этот вопрос только наш теперешний директор академик Ю. С. Осипов. Мы теперь оказались в новом здании, значительно лучше, чем мы отдали.

Слышно, что другие специальности укоряют президента за постройку здания Математического института — деньги, видите ли, можно было бы дать на зарплату их сотрудникам. Но это не мешает им под шумок сбывать свои помещения преуспевающим русскоязычным. А получаемые миллиарды, что-то не видно, чтобы шли на сотрудников их же специальностей и вообще на их же науку.

Ордена и юбилеи

При Сталине, в конце его жизни, было издано постановление, в силу которого научным работникам к определенным срокам их добросовестной работы должны были давать ордена определенного ранга для определенного стажа. Это постановление касалось любых научных работников доцентского и профессорского звания.

В этом порядке я получил в 1953 году орден Трудового Знамени. Помню, что к тому времени у меня не хватало до ордена Ленина одного или двух лет трудового научного стажа.

Я в это время был заместителем директора и потому получал свой орден вместе с академиками и член-корреспондентами.

Полагалось являться при всех уже имеющихся регалиях на груди. А у меня было только три медали. Я посчитал, что они будут выглядеть без орденов совсем неловко и нацепил на грудь не медали, а ленточки их представляющие.

У Андрея Николаевича на груди красовались все его ордена и медали в натуральном виде. Видимо, он ощущал нелепость своего вида. Взглянув на мои ленточки, сказал:

“Нас Вы заставляете приходить в полной форме, а сами форму не исполняете”. Конечно, я его не заставлял, но Андрей Николаевич, как понимающий все тонкости бюрократии, свое замечание сделал мне как зам. директору — приказчику государства.

После смерти Сталина Хрущев сказанное постановление отменил и я уже стал получать “очередные ордена” только после того, как был выбран корреспондентом. Таким образом, следующий мой орден я получил к своему 70-летию — это был орден Ленина. Со времен Хрущева просто докторам и профессорам к их юбилеям ордена систематически не давали.

К 70-летию мне дали орден Ленина, а к 80-летию — орден Октябрьской Революции.

Когда мне было 60 лет, я был доктор наук и никто мне никаких орденов не выписывал. Я сам себе справлял юбилей. Мой сын любил говорить: “В 1812 году Кутузов приехал в Москву, чтобы следовать далее в Армию, и благодарные московские дворяне устроили ему банкет вскладчину. Банкет был на 100 персон. Именно на такое количество хватило воображения у Л. Н. Толстого. А папа устроил банкет сам на 220 персон в Центральном ресторане Москвы”. Широта эта скорее относится к моей жене Нине Ивановне, чем ко мне.

Однако я не могу пожаловаться в этом отношении на народ. “Народ” всегда ко мне хорошо относился и оделял меня подарками, устраивал конференции и банкеты. Народ — это Отдел, семинар, кафедра, Институт, Физтех.

В 1985 году большой банкет устраивала для меня кафедра математики МФТИ. Был на ней пан Олех. Он специально приехал из Польши, привез яблони и лично посадил их у меня на даче.

В 1990 году Днепропетровский университет устроил конференцию, посвященную мне. Я благодарил тогда Днепропетровский университет за то, что он определил мою профессию математика. Ведь я хотел быть инженером, а поступил в университет только потому, что тогда меня в инженерный институт не приняли. Я думал побыть год в математиках, чтобы опять попытаться поступить в инженерный вуз. Но, побыв год в Днепропетровском

университете, я понял, что моей профессией должна быть математика.

Конференцию, которую устроили для меня в Москве в 1995 году я уже совсем не ожидал. Инициатива и громадный самоотверженный труд по ее организации принадлежат нашему Отделу во главе с Л. Д. Кудрявцевым.

Академия наук РФ оказала решающее внимание этой конференции. Многие организации помогли материально — как Фонд фундаментальных исследований, Фонд Сороса, Мэрия Москвы и др. Ряд наших бывших питомцев физтеховцев внесли от себя средства. Даже бутылками водки. Костя Осколков и Володя Темляков, сотрудники нашего Отдела, теперь профессора в США, прислали по 500 долларов каждый. Но были и другие спонсоры, которые для меня, по крайней мере, остались в тени.

Сложность данного времени заключается в том, что ряду приглашенных надо было оплачивать транспортные расходы. Приехали мои друзья украинцы (Дзядык, Корнейчук, Моторный, Бабенко, Доронин и другие) и привезли мне диплом о получении вместе с некоторыми из них премии Украинского государства.

Приехали мои друзья поляки (Олех, Боярский, Чесельский). Пан Олех опять привез яблони и лично посадил их в моем саду.

Приехали математики из ряда наших городов, из Казахстана, Азербайджана, Армении, Грузии, Америки, Германии и др. Чувствую, что в сутолоке я мало уделил внимания, приехавшему из США Tablesone, который как никак в свое время опубликовал свою рецензию на перевод моей книги “Приближение функций многих переменных и теоремы вложения”.

В общем все оказалось очень хорошо. Невероятно хорошо, потому что я таких почестей никогда не ожидал.

Размышляя обо всем этом, я понял, что успех этой конференции нельзя приписать только мне лично — это успех нашего семинара, действовавшего на протяжении более полувека постоянно и кропотливо. Тем самым установившего крепкие научные связи с широким кругом математиков аналистов.

Московский Физико-технический институт тоже уделил мне большое внимание. На Ученом совете ректор Николай Васильевич Карлов произнес мне хвалебную речь.

Теперь я уже сделался “почетным доктором МФТИ и заслуженным профессором МФТИ”. Кроме того, МФТИ дало мне степень “почетного магистра естественных наук”. Тем самым осуществилась моя еще юношеская мечта “стать инженером”. Дали мне полмиллиона рублей и устроили богатый банкет, на котором ректор опять произнес теплую речь.

На все это у меня теперь есть магнитофонная пленка. Между прочем, после банкета, как это часто бывает, остались любители допивать остатки. Они, конечно, тоже произносили между собой тосты. По крайней мере, один тост был за меня. Я очень умиляюсь, глядя на этот кусочек кинофильма. Ведь меня во время этого тоста уже не было.

Вскоре после этого, в 1997 году, Физтех справил свое 50-летие, а следовательно, и мое 50-летие работы в МФТИ, потому что я работаю в МФТИ с самого начала его организации.

Я начал читать математический анализ на первом курсе ФТИ. Я был тогда доктором, рядом со мной читал аналитическую геометрию член-корреспондент АН СССР Б. Н. Делоне, а физику — академики Капица и Ландау. Между прочим, со Львом Давидовичем Ландау я ездил на машине из Долгопрудного в Москву еженедельно, кажется, два года. Он садился сзади, я — рядом с ним. Он говорил, что такие предметы, как механика и теория вероятностей, в условиях Физтеха должны быть включены в физику, потому что механики и математики не знают как надо читать эти предметы физикам. Например, о Колмогорове он говорил, что он делает большие вещи в теории вероятностей и пусть делает, мы это уважаем, но нечего ему соваться в физику — мы сами лучше для себя все сделаем.

Он еще распространялся о том, что в науке процветает жульничество, в физике больше, в математике меньше.

* * *

Мне пришлось работать в ВАК’е. Первое мое соприкосновение с ВАК’ом заключалось в том, что я получил от Математической комиссии ВАК’а докторскую диссертацию

Рымаренко с просьбой дать на нее рецензию. Я обнаружил в диссертации полученные автором асимптотические разложения некоторых ортогональных многочленов. С этими разложениями Рымаренко затем манипулирует, интегрируя и дифференцируя их, не обращая внимания на то, что для их остаточных членов не установлены равномерные свойства.

Я написал в отзыве, что докторскую степень Рымаренко можно дать, если он представит доказательство указанных равномерностей. Вопрос этот, конечно, трудный, но это уже другое дело. Меня вызвали на заседание математической комиссии ВАК'а. Председатель заседания профессор Курош сказал, что мы сейчас вызовем Рымаренко, а Вас просим задавать вопросы при нас.

Я отказался, сказав, что в отзыве все написано и что Вы можете спрашивать Рымаренко сами. Вам может помочь в этом сидящий на заседании А. О. Гельфонд — специалист по анализу.

Я отправился в Институт, а через два часа пришел в Институт Рымаренко и с улыбкой сообщил мне, что его докторскую диссертацию комиссия утвердила.

Так я понемножку учился правилам тактики в науке.

Я рассказывал об этом Сергею Натановичу. Он только улыбался. Позднее я узнал, что Рымаренко — брат жены Сергея Натановича. Впрочем, Сергей Натанович в данном случае отнесся ко мне вполне добродушно, не сердясь, признавая, видимо, резонность моей агрессии.

Но потом меня сделали членом Математической комиссии ВАК'а. Председателем ее был в это время академик Н. Н. Боголюбов, но он передавал эти дела в это время академику А. Н. Тихонову.

Эта должность престижная. До Боголюбова председателями комиссии были И. Г. Петровский, затем М. В. Келдыш.

В следующем году А. Н. Тихонов сделал меня своим заместителем, но еще был заместителем профессор Н. В. Ефимов. Фактически Тихонов поручал в свое отсутствие дела именно Ефимову — не мне, хотя Николай Владимирович был уже в это время в довольно-таки болезненном состоянии.

Потом, оказывается, сделали председателем комиссии меня. Мне позвонили вдруг из ВАК'а и сообщили, что меня назначили председателем комиссии и что полагается об-

новить комиссию на несколько человек. Мы тут же решили кого вычеркнуть из комиссии, очевидно, из таких ее членов, которые плохо посещали, и кого назначить вновь.

На должность председателя комиссии назначает министр Высшего Образования (Елютин), но с согласованием с рядом организаций, в частности, с Академией наук СССР, фактически с соответствующим Отделением АН.

Я приступил к работе. Одним из членов комиссии был А. А. Марков. Он как член-корреспондент был старше по званию меня, доктора наук, и я это постоянно чувствовал, но не исключено, что он болезненно это чувствовал. Начинали работу в 7 часов вечера, кончали в 11 часов. Члены комиссии разбирали по своей специальности приготовленные на столе папки диссертаций и изучали их в течение часа. Затем докладывали о них всему собранию. Кандидатские диссертации утверждались после трехминутных обсуждений, либо посылались на отзыв, а докторские все посылались на отзывы, которые затем обсуждались и предлагались или нет для окончательного их утверждения ВАК'ом.

По статусу требовалось протокольное мнение комиссии, которое затем докладывал на заседании ВАК'а председатель комиссии. Он мог сказать, что общее мнение комиссии было такое, а вот такие-то члены комиссии были не согласны с объяснением, почему не согласны. Его, лично председателя мнение такое-то. Голосования в комиссии не требовалось, но рекомендовалось широкое обсуждение. Опрос буквально каждого члена комиссии.

Михаил Михайлович Постников докладывает кандидатскую диссертацию. Диссертация хорошая, оппоненты знают. Но вот в папке лежит на нее 10 отзывов. “Выходит, что надо утвердить”, — говорю я. — “Так-то так, — говорит Михаил Михайлович, — но почему 10 отзывов”. — “Но диссертация ведь хорошая?” — “Хорошая. А почему 10 отзывов?” И так несколько раз. В конце концов я говорю: “Давайте пошлем еще на 11 отзыв теперь уже к рецензенту от ВАК'а”. Все согласились.

Случай, который я привел, конечно, не характерный. Я его привел потому, что он мне запомнился как смешной факт. Но я и сейчас думаю, что мы поступили не неправильно. В самом деле, зачем нужно было диссертанту собирать 10 отзывов. Выходит, что он сам не уверен в качестве своей работы. А мы за 5 минут не можем решить этот вопрос.

Согласно положению о научных степенях и званиях, изданному еще в 1934 году за подписью Сталина и председателя Совета Министров, человек, защитивший кандидатскую диссертацию, тут же за нее получает от Ученого совета кандидатскую степень. А в обязанности ВАК'а вменяется только, чтобы он следил за правильностью этих действий вообще. Но на практике это вылилось в то, что стали утверждать в ВАК'е каждую защищенную кандидатскую диссертацию.

Впоследствии, уже без меня, эта деятельность комиссии была ужесточена еще сильнее — при комиссии создавались специальные подкомиссии, которые коллегиально решали эти вопросы, докладывая в целом комиссии результаты.

По докторским диссертациям в бытность мою я насчитываю два сомнительных случая, все же приведшие к утверждению ВАК'ом ученой степени.

В первом случае все члены комиссии были против утверждения, но в ВАК'е этому не вняли и утвердили претендента доктором. Я доказывал пленуму ВАК'а о нашем, в том числе и лично моем, отрицательном мнении, но были члены ВАК'а, которые это мнение комиссии критиковали и тайное голосование в ВАК'е дало утверждение претендента в докторрах.

Здесь уже работала политика. Этот новоиспеченный доктор сразу же стал академиком, а далее Секретарем Отделения Республиканской Академии.

Во втором случае результаты, принадлежащие претенденту, трудно было выделить из общей работы, принадлежащей трем авторам, двое из которых были приличными учеными. С большими спорами комиссия все же согласилась за эту диссертацию дать доктора и в ВАК'е с готовностью утвердили это.

Здесь тоже, видимо, играла “высшая политика”. Оба эти эпизода я считаю своим браком.

Был еще специальный случай, когда мы неожиданно оказались на стыке математики и философии, по поводу вполне хорошей докторской диссертации.

Рассматривали диссертацию В. А. Успенского по логике, защитившего ее в Новосибирске при оппонентах А. Н. Колмогорове, А. И. Мальцеве и П. С. Новикове. Доложил нам

эту диссертацию естественно А. А. Марков и предложил послать ее на отзыв его ученику Николаю Александровичу Шанину (Ленинград).

Отзыв Шанина был: работа ошибочная.

Андрей Андреевич подтверждает — Шанин прав, улыбается, но ничего не предлагает. Мы все понимаем, в чем тут дело.

Шанин прав с точки зрения интуиционистской логики, которую он как религию исповедует, будучи обученным своим учителем Андреем Андреевичем Марковым. Никакой другой логики Шанин не признает. Они ложны. Обычная логика неверна. По диссертации высказались 5 крупных логистов — кому еще послать диссертацию. Да и Андрей Андреевич никого не предлагает, надо судить самим.

Было предложено: проголосовать этот вопрос. Я в таких случаях опрашивал поименно. Начал с рядом стоящего с А. А., тот — за присуждение степени доктора, следующий (в сторону от А. А.) — тоже за и т.д. — все за, кроме Андрея Андреевича, последнего. Итак, решили рекомендовать В. А. Успенского в доктора. Но это еще не конец — по инструкции надо обосновать решение словами в протоколе. Обычно написание обоснования поручали специалисту по теме диссертации. Но А. А. писать проект обоснования отказывается.

Тогда было решено считать проектом нашего заключения три фразы в отзывах оппонентов диссертации (Колмогорова, Мальцева, Новикова). Я с Немыцким вдвоем в другой комнате скомпоновали эти три фразы и В. А. Успенский был рекомендован в доктора физ.-мат. наук.

Впоследствии, гораздо позднее, на конференции в Пединституте им. Ленина, посвященной памяти П. С. Новикова, Николай Александрович в своей речи сказал, что он теперь не держится безапелляционной (я назвал ее религиозной) точки зрения, отрицающей все логики, кроме конструктивной. В то время ежегодно утверждалось 20–30 докторских диссертаций по математике.

Прошел второй срок и зовет меня к себе Ученый Секретарь ВАК'а профессор Волков. Говорит: “Мы хотели утвердить Вас на третий срок и послали это решение (как это положено) на согласование с организациями, в частности,

в Отделение математики АН СССР. Последнее отказалось Вас рекомендовать в очень решительной форме. Но мы, — сказал он, — решили оставить Вас еще на срок, невзирая на этот категорический отказ Отделения”. “Как знаете”, — сказал я. Зашел в пельменную, но, покушав, вернулся со словами: “Я не могу бороться с ветряными мельницами, не делайте меня председателем комиссии”. — “Тогда, — сказал Волков, — мы сделаем Вас членом ВАК’а”. Действительно, вскоре я получил бумагу — Постановление Совета Министров СССР о назначении меня членом ВАК’а.

Я стал посещать ВАК, точнее, заседания его физико-математической секции, охватывающей математику, физику, химию и географию.

Министр и в то же время председатель ВАК’а член-корреспондент АН СССР Елютин обычно фактически председательствовал именно на физико-математической секции. Из математиков со мной был П. С. Александров и А. Н. Тихонов.

По географии чаще всего представляли диссертации по изучению рек. Причем явно считалось, что если Вы хотите получить степень кандидата, то надо взять для описания небольшую реку и не соваться в большие. А будущему доктору совсем не подобает получить степень доктора за маленькую речку. Если происходили споры, то иногда мы с Павлом Сергеевичем вступали в них, особенно защищая тех претендентов, которые фактически побывали на очень дальней и дикой реке, независимо от ее размеров.

Но в общем проходила монотонная работа, требовавшая от меня большего внимания, когда утверждались математические или близкие к математическим диссертации.

Елютин находил нужным иногда ставить на суд нашей секции диссертации уже явно не имеющие отношения к секции. Например, Елютин просил секцию подтвердить или опровергнуть присуждение кандидатских степеней по темам: 1. Влияние пробок на качество шампанского. 2. Лисицы в условиях Армении.

Дело в том, что Хрущев, оказывается, где-то критиковал деятельность ВАК’а и привел в качестве примеров указанные диссертации как не имеющие отношения к науке. Члены ВАК’а с удовольствием обсудили эти темы, в особенности

тому о хранении шампанского, потом проголосовали и подтвердили “научность” этих тем.

Где-то в конце моего пребывания в ВАК’е незадолго до “перестройки” Елютин нашел нужным проинформировать секцию о том, что вскрыта преступная мафия в роли Ученого совета, действовавшего в Якутии. Большинство членов этого совета приезжают на его заседания из Москвы. Происходили дутые защиты с присуждением ученых степеней кандидата и доктора по экономическим и юридическим специальностям, оформлявшиеся затем в соответствующей секции ВАК’а. Выступавшие по этой информации Министра, выразили уверенность, что по физико-математической секции пока такое разложение не наблюдается.

Скажу еще о низовых Ученых советах, кафедрах и отделах, где такая уголовщина не процветает.

Я член Ученого совета много лет, и заведующим кафедрой и Отделом был много лет. Через меня прошло много диссертаций кандидатских и докторских. У меня такое впечатление, что выработанные уже давно правила, по которым мы даем ученые степени, себя в общем оправдали. Они подходят к нашей большой стране. Главное в том, что любой наш гражданин, имеющий высшее образование, может заявить о желании защитить диссертацию и ее надо принять, изучить и поставить ее защиту, если она этого заслуживает. Я не знаю случаев, когда математик, имеющий очень хорошие, принадлежащие ему новые научные результаты, не был бы утвержден доктором, если, конечно, он подаст диссертацию на защиту. На самом деле это утверждение относится к абсолютному большинству математиков, имеющих результаты на уровне средней докторской диссертации.

Впрочем, в деталях основных правил защиты, выработанных еще в тридцатых годах, происходят изменения. Тут ничего не поделаешь, потому что каждый уважающий себя бюрократ обязательно хочет проявить свою инициативу. Обычно серую инициативу, потому что он сам серый.

Возьмите, например, правило, в силу которого в каждом отзыве на диссертацию надо писать, что работа может иметь применения в таком-то и таком-то институте. Попробуйте проигнорировать его. ВАК может послать на перезащиту.

А вот еще перл: докторская диссертация должна определять новые направления в науке. Попробуйте не написать

эту фразу, диссертацию заведомо завернут в том или ином направлении. А ведь этому “перлу” большинство диссертаций не удовлетворяет. Он не жизненный — не подходит к большинству докторских диссертаций.

Но в основном правила хорошие и нет нужды их изменять. И если какой-либо ученый, пусть трижды большой ученый, препятствует подаче диссертации на защиту потому, что диссертант не захотел предварительно доложить свою работу на его семинаре, то этот трижды ученый не прав — он не следует основным правилам защиты.

В феврале 1996 года я был в Англии в трех университетах (Кардифф, Бат, Брайтон). Застал в них русских математиков, устроившихся на постоянной работе. Есть, правда, такие, которые работают на временной работе и надеются перейти в постоянный штат. Англичане привередничают и требуют знания английского языка. Некоторые наши учатся там на курсах языка.

Я спрашивал их, чего это англичане их берут. Они в один голос отвечают, что, например, по анализу у англичан математиков, специалистов ученого уровня мало. Англичанин Эванс (Кардифф) это подтверждает. Вроде того, что традиции по анализу, идущие от Харди, Литтльвуда, Титчмарша как-то в Англии утерялись. Знаменитый сейчас в Англии математик Атья по происхождению ливанец полностью принят в среду англичан. Его сделали сэром. Насколько я знаю, он стал знаменит по своим работам именно в анализе. Но сейчас про него говорят, что он “против” анализа, против научного развития анализа. Сейчас он занимается алгебраическими вещами. Но анализ все равно оказывается нужен.

Сейчас приехали из США наши В. Н. Темляков и К. И. Осколков. Они говорят, что в американских университетах студенты в массе своей знают плохо математику. Костя Осколков говорит, что недавно он доказывал студентам теорему Пифагора.

Они говорят, что в американских школах обучение сильно растянуто. И в то же время при обучении математике господствует догматизм, изгоняется логизм.

В этом году, они говорят, президент США Клинтон в ряде своих речей призывал Штаты обратить внимание на улучшение преподавания математики в школах.

В. И. Арнольд подтверждает это. Но тут же отклоняет, добавляя, что Клинтону его призывы скорее всего не удадутся — деньги на образование не у него, а в штатах и штаты могут не захотеть послушать его.

Недавно советская школьная математика стояла на первом месте в мире. Сейчас на первом месте находятся Япония, Китай, далее ряд таких стран как Сингапур, Бельгия; РФ где-то позади их. Но, видимо, пока у нас лучше, чем в США. Это видно из таблицы, которую я только что видел в одной из наших мало известных газет.

Пару лет назад мой коллега по школьным учебникам Н. Н. Решетников завез меня в г. Воскресенск Московской области, в советские времена знаменитый своей военной химией и, кажется, футболом. Мы приехали в поселок, недавно построенный каким-то русскоязычным миллиардером, состоящий из богатых двухэтажных коттеджей служащих этого предпринимателя, подвизающегося на строительстве домов. В поселке школа. Великолепное здание с кортами, спортивными площадками, бассейнами. В школе 10 классов, в каждом из них 10 скамеек. На каждой скамейке сидит один ученик, детей привозит из города специальный автобус.

За детей тогда, когда мы были в школе родители платили по 1/2 миллиона рублей в месяц. Но приличную сумму доплачивает меценат.

Они говорили мне, что при поступлении среди детей устраивали конкурс. Думаю, что скорее этот конкурс среди пап и мам.

Я написал “10 классов”. Так ли это? Надо проверить у Н. Н. Решетникова. Для фасона я бы так и сделал: 10 классов по 10 человек — звучит хорошо. Если все же сейчас 11, то надо бы посоветовать сократить до 10, хотя бы, как я сказал, для фасона.

Я начинаю думать, что у нас 11-летка слишком длинная. Для математики хватило бы и 10 классов. В Днепропетровске до отделения от нас Украины производился официальный эксперимент по нашим учебникам алгебры. У нас есть отзыв Великина — доцента Днепропетровского Государственного университета и в то же время учителя Сороса. В отзыве о наших учебниках алгебры (тогдашних 6, 7, 8), он восхищается ими и говорит, что, учась по ним, можно сократить время обучения. Изложение в логическом порядке упрощает и сокращает курс.

О выборах в академики

Я уже был академиком. В академики пробивался Сергей Петрович Новиков. В перерывах между турами Николай Николаевич возбужденно мне говорил: “Голосуйте за Новикова”. — “Я же голосую”, — отвечал я.

Между вторым и третьим турами все уставшие сидят молча в спертom воздухе и ждут подсчета. Я прихожу и восклицаю: “Ничего все равно не выйдет, лучше, если бы предложили Дмитрия Евгеньевича. Он сразу бы прошел”.

Мстислав Всеволодович как окрысится на меня: “Вы думаете, что Ваши сходимости почти всюду главное в науке? Есть кое-что и поглавнее”. — “Что Вы, я же голосую за Сережу, я говорю только, что раз не выходит, то совсем не плохо использовать место для Дмитрия Евгеньевича”. Иван Матвеевич тогда голосовал за Сережу.

Однако потом, Мстислава Всеволодовича тогда уже не было, Иван Матвеевич был категорически против Сережи. Это естественно, потому что Сережа незадолго до этого вместе с Александром Даниловичем поносили Ивана Матвеевича на общем академическом собрании.

Иван Матвеевич специально просил меня, но я его не послушался. Лев Семенович тоже голосовал за Сережу, несмотря на уговоры Ивана Матвеевича. И Сережа был избран.

Теперь много с ним хлопот.

Людвиг Фаддеев несколько раз прорывался в член-корреспонденты, Иван Матвеевич его всячески поддерживал, но ничего не выходило.

Придя в кабинет Ивана Матвеевича, я застал его обсуждающим вместе со своим окружением вопрос как провести Фаддеева в корреспонденты.

Я сказал, что ничего у Вас не выйдет, они (корреспонденты) не хотят его, а Вы попробуйте провести его прямо в академики. У Ивана Матвеевича лицо озарилось, и он стал действовать. Мы с Львом Семеновичем были за. Но интересно, что Боголюбов был категорически против. Он специально даже прислал ко мне одно лицо, чтобы передать его просьбу ко мне не голосовать за Людвига. Но я сказал, что уже поздно, я обещал.

Людвиг мне говорил, что после его избрания в академики он благодарил Ивана Матвеевича, тот сказал: “Благодарите Никольского”.

Но это не помешало Фаддееву, как только он сделался Секретарем Отделения, освободить меня от бюро Отделения и всех комиссий. Даже в экспертную комиссию по выборам меня перестали привлекать.

Однако, один раз при Фаддееве я в экспертной комиссии был. Там произошел такой случай.

Академик С. П. Новиков очень пространно доказывал, что если мы на этот раз двух таких-то не выберем, то это будет для нас позор на весь мир.

Все терпеливо слушали, но я не выдержал, хотя и вполне поддерживал одного из этих двух математиков и сделал замечание: “Вы что считаете, что других хороших математиков нет?” Сергей Петрович встрепенулся и закричал: “Не перебивайте меня, Вы там, в тридцатых годах, людей убивали”.

До сих пор не понимаю, почему я отнесся к этому спокойно, только с презрением. Больше того, после речи Сергея Петровича я спокойно сказал, что по моей специальности есть хорошие кандидаты и я их отстаиваю. Однако независимо от специальностей я считаю, что очень хороший математик Анатолий Тимофеевич Фоменко. Вы, Сергей Петрович, кажется, считаете его своим учеником, почему Вы его не предлагаете?

“А Фоменко действительно хороший математик, — сказал Сергей Петрович. — Давайте мы его рекомендуем”. И все дальше пошло. Когда уже в третьем туре у Фоменко не хватило, может быть, двух голосов, Сергей Петрович попросил меня выступить. Я сказал, что он специалист и должен выступить первым.

Я, со своей стороны, рассказал, что в свое время на Советско-Американском Симпозиуме по дифференциальным уравнениям Курант на свой доклад принес бадейку с разведенным мылом. Он макал в нее проволочные фигуры. Образовывались натянутые на них пленки разной формы. Курант сказал, что математики знают как прийти к такой форме только в простейшем случае, когда пленка натянута на один замкнутый контур, а в общем случае эта задача не решена.

Я знаю, что топологи теперь эту задачу решили и Фоменко внес в это решение существенную долю.

Фоменко был избран в член-корреспонденты. В дальнейшем он был выбран в академики, видимо, при содействии Сергея Петровича.

Но потом что-то случилось. Сергей Петрович жестко ополчился против Фоменко и любым образом, письменно и устно, не дает ему прохода.

Дело дошло до того, что на последних выборах он (приехав уже из заграницы) настойчиво агитировал общее собрание академиков и член-корреспондентов не голосовать в член-корреспонденты за А. Н. Ширяева только потому, что последний написал введение к исторической книге Фоменко.

Внешне это выглядело так. Фоменко ряд лет наряду с математикой (Фоменко еще художник и музыкант) занимается историческими изысканиями, в которых не последнюю роль играют математические подсчеты и соображения вероятностного порядка. В результате он приходит к выводам, которые зачастую совершенно не соответствуют установившимся представлениям. Но он находит доводы для подобных исследований и считает не исключенным (но и только), что на самом деле так и было, как получается из вычислений, а не так, как этому учит установившаяся история.

История, например, учит, что в таком-то году в таком-то месте была битва, во время которой произошло затмение. Но в указанном месте в это время затмения не было, а было такое на 4 века позднее.

Почему бы не заключить, что битва тоже имела место на 4 века позже.

Конечно, здесь речь идет сразу о противоречиях для ряда фактов, которые снимаются, если передвинуть историю. Это серьезное соображение исходит еще от Морозова, который сидел долгое время в Петропавловской крепости и все время изучал историю по книгам, которые он систематически получал в тюрьму из императорской библиотеки. Я лично впервые узнал об этих идеях из доклада на нашем методологическом семинаре профессора Михаила Михайловича Постникова — старейшего сотрудника Отдела геометрии. Фоменко является продолжателем этой деятельности Постникова.

Постников, взяв в руки мел, начал доклад буквально со следующего.

В Риме было столько-то императоров. Вот список количеств лет, в течение которых был императором каждый из них. Пишет слева направо весь список 27 императоров.

В другой Византийской империи тоже было 27 императоров и пишет их список под первым списком. Совпадение чуть ли не для 25 императоров, а для остальных разница на пару лет.

Он еще выписал на доске третью династию, кажется, Иудейских царей. И там тоже почти полное совпадение. “Но это невероятно”, — вскрикнул я из последних рядов.

“Конечно”, — сказал Постников. Он только такого восклицания и ждал. Факты эти Михаил Михайлович выписал из Морозовских работ. Их, конечно, можно проверить, да они, надо полагать, и проверялись, как я говорю, по установившимся историческим книгам.

Наука развивается в сомнениях. Фоменко сомневается и пытается свои сомнения своими способами примирить. Кажалось бы, и пусть примиряет. Но Сергей Петрович объявляет эту деятельность вредной. Настолько вредной, что и Ширяев становится вредной личностью, не достойной член-корреспондента только за то, что он похвалил Фоменко.

Альберт Николаевич Ширяев один из лучших учеников Колмогорова, сейчас он один из самых лучших ученых в области теории вероятностей и статистики, имеющий большое мировое имя. И это было основательно доведено до общего собрания Академии наук.

Но Сергей Петрович тоже имеет свое влияние, главным образом на физиков. В результате Ширяеву было брошено ошутимое количество черных шаров.

Но справедливость восторжествовала. Альберт Николаевич теперь член-корреспондент РАН.

Мы с Альбертом Николаевичем часто советуемся по поводу сохранения памяти А. Н. Колмогорова.

Как-никак я сейчас, по-видимому, старейший ныне живущий его ученик. Издана книга “Колмогоров в воспоминаниях” под редакцией А. Н. Ширяева.

Там и моя статья есть, точнее, текст моего доклада в Риме, прочитанного на мемориальном заседании, посвященном

памяти А. Н. Колмогорова на Конференции по случайным процессам (1988, Рим).

На этом заседании были выступления представителей Академии Линчен и организации, которая ведает международными премиями, одну из которых получил в свое время А. Н. Колмогоров наряду с Папой Римским.

А. Н. Колмогоров и П. С. Александров имели дачу под Москвой по Северной ж.д. в д. Комаровка.

Даже в рабочее время они жили на даче по 3–4 дня в неделю, а в Москве каждый в своей квартире, которые, впрочем, после 1953 года были рядом в высотном здании МГУ. На каникулах они все время пребывали на даче, если не считать их туристические походы на байдарке, лодке, в случае Андрея Николаевича пешком. До войны в тридцатых годах при всяком моем приезде из Днепропетровска в Москву я был приглашаем в Комаровку по своим личным научным делам, а также делам, связанным с приездом “Пусиков” в Днепропетровск. После войны такие мои визиты были уже единичны.

На этой даче я познакомился с учеником А. Н. — Михаилом Дмитриевичем Миллионщиковым. Знакомство мимолетное. Но, оказывается, для меня через много лет полезное — он помог мне, когда был всеильным вице-президентом Академии наук, с обменом прежней моей квартиры.

Эту дачу приобрел после кончины П. С. и А. Н. Альберт Николаевич Ширяев и сделал теперь из нее конфетку. Она не была в таком состоянии при Пусиках, но я думаю, и при их предшественниках по даче — купцах Станиславских — тоже.

Но Колмогорову посчастливилось, потому что их библиотека и архивы полностью сохранены новым хозяином. Альберт Николаевич как преданный его ученик сохранил в полном порядке каждый его листочек и нашел ему достойное место в специально отведенных помещениях, которые Альберт Николаевич к тому же украсил художественными поделками собственного производства. Альберт Николаевич прекрасный резчик по дереву. Впрочем насчет Александровских “листочков” я не проверил, вероятно, их забрали в МГУ.

Теперешние люди будут иметь возможность приобщаться к наследию этих выдающихся математиков нашего уходящего столетия и подчас получать зарядку для собственной научной работы.

Я рад, что Альберт Николаевич наконец стал член-корреспондентом АН РФ. Он давно уже этого был достоин.

Эти выборы для Стекловки были удачными. Кроме А. Н. выбрали еще трех молодых выдающихся математиков: в академики — А. А. Болибруха, в член-корреспонденты — Васильева и Б. С. Кашина.

Борис Сергеевич Кашин — подлинный питомец нашего Отдела, ученик П. Л. Ульянова. Когда он заканчивал у нас аспирантуру, стало ясно, что его аспирантские результаты могут составить выдающуюся докторскую диссертацию. Из тактических соображений было решено, что аспирант Кашин сначала все же защитит кусочек своей работы на степень кандидата, а затем уже защитит докторскую диссертацию по главным его достижениям.

Между прочим, к этому времени должны были происходить выборы в депутаты Верховного Совета СССР. По существовавшей тогда разрядке среди депутатов должен был быть молодой выдающийся ученый. Запросили ВАК. Тот ответил, что в последнее время среди утвержденных ВАК'ом докторов к такой категории можно отнести математика Кашина и еще одного атомщика. Ухватились сначала за атомщика, тем более, что он был учеником академика Александрова — президента АН СССР. Все было хорошо, но вдруг обнаружили, что этот молодой атомщик успел сделаться кандидатом ком. партии. Однако, по правилам указанной разрядки кандидат в депутаты должен был быть не только молодым и не только хорошим ученым, но и беспартийным. И был выбран в депутаты СССР наш Боря Кашин. Всем нравилась его работа в депутатах, он многим помог и его не только научные, но и человеческие качества остались в сердцах многих.

В мировой науке по специальности Борис Сергеевич тоже пользуется признанием.

Должен буду сказать, что при выборах Б. С. в депутаты мне назначили роль его крестного отца (я забыл как эта роль называется официально). Уже на первичном выборном собрании в Стекловке я в своей речи “крестного”

упомянуть имя Брежнева забыл, хотя упомянул Косыгина и это несмотря на инструкции, которые перед этим мне навязывала некая приставленная к выборам серая личность. После собрания секретарь райкома партии, которая присутствовала на этом собрании, устроила вместе с нашими лидерами в кабинете Ивана Матвеевича совещание. После этого совещания, вышедший из кабинета К. К. Марджанишвили укоризненно посмотрел на меня, а Евгений Фролович Мищенко сказал: “Что же вы? Но не волнуйтесь, Вас простили”. Но убрали из “крестных”, а вместо меня назначили “двоих крестных” — В. И. Буслаева и Ю. В. Прохорова. Новые “крестные” были уже безукоризненными “крестными”. Но я не волновался — это не в моей натуре. Помните, что сказал мне мой друг Анатолий Иванович, когда я показывал булочки.

Я долгое время работал вместе с профессором Марком Ароновичем Наймарком. Мы долго вместе работали в МФТИ. Он был редактором раздела “Функциональный анализ” у меня в реферативном журнале “Математика”, а после того как я стал заведующим Отделом теории функций, он был зачислен ко мне в Отдел и был в Отделе до своей кончины.

Его научные интересы относились к теории представления групп и теории несамосопряженных функциональных операторов. По этим темам у него есть обстоятельные монографии.

На одном из отчетных заседаний Отдела Марк Аронович заявил, что ему и профессору Университета Дружбы Народов Д. П. Желобенко удалось доказать долго стоявшую в математике проблему о представлении групп. Мы все, отдавая себе отчет в важности этого результата, постановили рекомендовать Ученому совету института включить этот результат в список лучших работ, выполненных по институту за отчетный год.

На Ученом совете мы сидели рядом с Игорем Ростиславовичем Шафаревичем и я еще до своего доклада рассказал ему о результате Наймарка. Игорь Ростиславович оживился и, схватив меня за руку, сказал: “Идемте в библиотеку”. И мы отправились, оставив заседание. И. Р. взял с полки обзор о работах по математике за период 19...–19... отыскал там обзорную статью М. А. Наймарка, которая начиналась с того,

что за обзорный период лучшим результатом надо считать доказательство И. М. Гельфанда и М. А. Наймарка теоремы о представлении групп. Игорь Ростиславович сказал, что после этой обзорной статьи появилась статья американского математика с индусской фамилией Чандра, в которой сообщалось, что на самом деле проблема о представлении групп Гельфандом и Наймарком не решена, потому что случаи, которые они рассмотрели, не исчерпывают проблему. Об этом Марк Аронович на заседании Отдела нам не рассказывал.

На Ученом совете мне пришлось рассказать все это.

Лев Семенович предложил, как он сказал, в наказание Наймарку отложить рассмотрение его отчета на один год. Через год Ученый совет Института решение проблемы о представлении групп М. А. Наймарком и Д. П. Желобенко отметил как одну из лучших работ, выполненных в Академии за отчетный период.

Это было в начале 1945 года. На исходе войны я сидел в кабинете Ивана Матвеевича. Там были еще А. Н. Колмогоров, Л. А. Люстерник, может быть еще кто-либо, не помню.

Раздался стук в стеклянную дверь кабинета, входит старик. Оказывается это академик А. Н. Крылов. Он был тогда очень стар. Иван Матвеевич сразу же подбежал к нему и бережно повел, чтобы посадить на свое кресло, но Алексей Николаевич наотрез отказывается от кресла Ивана Матвеевича и последнему пришлось подвести его к боковому дивану. Взоры были устремлены на Алексея Николаевича, а он должен был еще отдышаться после подъема на второй этаж. Наконец он сказал, что пришел по чрезвычайному делу. Президент АН СССР академик Комаров только что был на приеме у Сталина. При этом он сказал Сталину, что Академии наук исполняется 220 лет, не худо бы по случаю этой важной даты сделать юбилей Академии, на что Сталин будто бы ответил: “Вы хотите устроить 220-летие Академии. Это можно сделать, устроили же мы перед войной 168-летие Ленинградского университета, а через несколько лет его 157-летие”. Эти слова Сталина президент воспринял как указание организовать юбилей. Были распределены доклады по каждой науке одному докладчику. Доклад по математике поручен ему Алексею Николаевичу Крылову.

Все это нам рассказал А. Н. Единственно, что я заведомо воспроизвожу не точно — это числа 168 и 157, подлинные, сказанные А. Н., даты я позабыл. Но наверняка первое число было большее, а второе — меньшее и оба не круглые.

Закончил А. Н. свои слова просьбой помочь ему подготовить доклад. Такая помощь была ему оказана. Фактически, писал доклад Б. Н. Делоне. Он скрупулезно согласовывал детали доклада с академиками математиками, непременным ученым секретарем А. Н. и с самим А. Н. Крыловым.

Нужно сказать, что сообщение Алексея Николаевича было встречено далеко не с энтузиазмом: опять не дают нам спокойно заниматься наукой, кому это нужно? Алексей Николаевич полностью согласился с этими высказываниями и добавил, что, видимо, это нужно только Владимиру Леонтьевичу Комарову. Он получил уже все награды и теперь еще хочет получить страусовое перо в задницу. Через несколько минут эти слова стали достоянием всего Математического института.

Факты, которые я привел, действительно имели место. Нет сомнения, что устройство юбилея 220-летия Академии задумал сам Сталин и когда, обратите внимание, когда еще наша страна не добила врага.

Если верен приведенный выше разговор Комарова со Сталиным, то его можно только понять так, что было дано указание Академии, чтобы она подняла официально вопрос о юбилее.

Мне рассказывал Борис Николаевич, как он помогал Алексею Николаевичу делать доклад. Все делал Борис Николаевич, но любые детали надо было согласовывать с Алексеем Николаевичем, который относился к этому делу внимательно.

Вот один факт. Та часть доклада, которая касалась Ивана Матвеевича, в первой редакции, принадлежащей Борису Николаевичу, начиналась так.

Иван Матвеевич Виноградов, сын священника, родился на погосте таком-то Велико-Лукского уезда, в таком-то году.

Прочтя это, А. Н. сказал: “Все это хорошо, однако, никто теперь не знает, что такое погост, надо разъяснить и, взяв ручку, добавил: погостом называется то-то и то-то.

Впрочем, к моменту юбилея А. Н. сильно заболел и доклад на самом деле делал Борис Николаевич. Разъяснения

о погосте были им выкинуты. Это мог себе позволить А. Н., но не Б. Н.

На юбилей были приглашены иностранцы. Французы заведомо были. Помню как Адамар, где-то в углу Большого театра обнаружил вывеску “Пожарная охрана”. “Это что, у Вас охранка?” — саркастически спрашивал он. Французы попросили, чтобы их снабдили на дорогу продуктами. В это время во Франции уже были американские войска. Несмотря на фронт, французские делегаты как-то добрались до Москвы, по-видимому, военным самолетом. В июне 1945 года Владимир Леонтьевич Комаров был освобожден от должности президента Академии наук и был выбран на эту должность Сергей Иванович Вавилов.

Помню в этот день я встретил на мехмате МГУ Андрея Николаевича и мы с ним и Борисом Владимировичем Гнеденко отправились к Гнеденко пить чай. Мы сидели в подвальчике, в котором жил тогда Б. В., пили чай, а А. Н. рассказывал свои впечатления о выборах. Мы все (академики) пришли на собрание, уверенные, что мы выберем одного из старейших академиков, как это всегда было в традиции Академии. С удивлением узнали, что нам предлагают выбрать совсем не самого старого. Мы поняли, что принцип, по которому выбирались академики, меняется. Теперь уже учитывали и деловые качества выбираемого. “Если это так, — сказал А. Н., — то понятно, почему выбрали Сергея Ивановича. За последнее время не было комиссии, в которую он бы не входил”.

Меня выбрали в член-корреспонденты в 1968 году. До этого я выдвигался, но не проходил. К 1968 году я даже решил заявить, чтобы меня не выдвигали, но оказывается меня без меня выдвинул Физико-технический институт. Я решил, что многие профессора института выдвигаются и они заполняют соответствующие анкеты. Если я не заполню, то будет выглядеть странно. Стекловский Ученый совет узнал об этом выдвижении и выдвинул тоже — независимо.

Как меня выбирали в член-корреспонденты, затем через четыре года — в академики я уже говорил выше.

* * *

С днепропетровцами я никогда не порывал. Даже во время войны в 1944 г. я посетил Днепропетровск, освобожденный от немцев, и купался в чистых быстринах Днепра.

Запорожская плотина была тогда взорвана. Я подготовил ряд кандидатов днепропетровцев, но здесь отмечу только четырех, ставших выдающимися представителями теории приближений: А. Ф. Тиман, В. К. Дзядык, Н. П. Корнейчук, В. П. Моторный. Александр Филиппович Тиман в студенческие годы до войны был участником колмогоровского семинара, который я в отсутствие Колмогорова вел. Его деятельность по теории приближений хорошо представлена в его фундаментальной монографии по теории приближений, известной всем специалистам мира.

Имел собственную научную школу Владислав Кириллович Дзядык. Мой дипломник, кандидат наук, докторант (по Стекловке). Член-корреспондент АН Украины имеет собственную научную школу.

Николай Павлович Корнейчук, мой докторант (по Стекловке), лауреат Государственной премии СССР (выдвинут Стекловкой) и Государственной премии Украины, член-корреспондент, а теперь академик АН Украины, имеет собственную научную школу.

Виталий Павлович Моторный мой аспирант и докторант (по Стекловке), лауреат Государственной премии Украины. Имеет ряд учеников.

Недавно у меня был случай охарактеризовать Днепропетровскую школу теории приближений. Я писал.

В Днепропетровске традиции по теории приближения функций возникли еще в тридцатые годы. Теперь в разных городах живут (или жили) многие ученые математики, работающие в теории приближений и имеющие собственные научные школы. Они учились в Днепропетровском университете и первые их научные работы выполнены в этом университете.

Отмечу четырех математиков, подходящих под эту характеристику. Но, кажется, подхожу и я (Москва). Брудный (Израиль) и Тригуб (Донецк). Дзядык и Корнейчук живут в Киеве.

В 1981 году умер академик Константин Константинович Марджанишвили. В Москве он был кремирован и прах его был перевезен в Тбилиси. Я и В. Т. Хозяинов ездили в Тбилиси, где похороны были разделены на два этапа. Во-первых, прах К. К. был перевезен в Институт математики АН Грузии. Там была краткая панихида, в которой

участвовали не более 20–30 человек. Но среди них пришли на панихиду три генерала, один из которых командующий Закавказским Военным Округом. Теперь уже, сопоставляя факты, я прихожу к заключению, что это был теперь хорошо известный всем генерал Родионов. Три эти генерала стояли во время панихиды, не произнося ни слова. Своим присутствием они, быть может, подчеркивали больше, чем произносимые речи большую тяжесть утраты. Присутствующим при этом становилось яснее, что покойный делал при жизни что-то очень важное для военных. Хоронили прах Константина Константиновича на первоклассном Тбилисском кладбище.

Я дружил с Константином Константиновичем с момента моего приезда в Москву, когда я был кандидатом и К. К. тоже был кандидатом и ученым секретарем Математического института. Моя жена, Нина Ивановна, тоже дружила с его матерью Надеждой Дмитриевной, женой знаменитого Грузинского режиссера Константина Марджанишвили (отца К. К.), в прежнем артисткой.

Я сижу в кабинете Ивана Матвеевича. Приходит Леонид Иванович Седов. “Иван Матвеевич, скоро Михаилу Алексевичу будет 75 лет, войдите в комиссию по его юбилею”. — “Не хочу я с таким ... дело иметь”. — “Ну Иван Матвеевич, войдите, дел у Вас в этой комиссии не будет, а Вы этим украсите юбилей”. — “Не хочу я с таким ... ” И так продолжалось полчаса. Вдруг Иван Матвеевич встрепенулся и обратился ко мне: “Сергей Михайлович, Вы что молчите? Как мне поступить?” — “Совершенно очевидно как Вам надо поступить, — говорю я. — Вы ведь друг Михаила Алексевича”. Иван Матвеевич замолчал, а Леонид Иванович только одобрительно хмыкнул и, не говоря ни слова, стал прощаться. Так Иван Матвеевич был записан в юбилейную комиссию Михаила Алексевича.

У Льва Семеновича однажды произошел аппендицит. Его хотели везти в Кремлевскую больницу. Но он решительно запротестовал и потребовал, чтобы его везли в 1-ую Градскую больницу. Он твердо считал, что средний врач 1-ой Градской больницы скорее всего лучше среднего врача Кремлевской, где не может не быть большое количество врачей, попавших туда по благу.

Делали ему операцию при местном наркозе. Так что он говорил, что он чувствовал, как распарывали его живот. Врач запустил руки в кишки и с силой решительно вытащил их наружу на поверхность тела. “Я убедился, — рассказывал Лев Семенович, — что кишки у человека очень крепко приделаны к телу и оторвать их совсем не просто”.

Лев Семенович в конце своей жизни под влиянием Александры Игнатьевны питался в основном разными травами.

Меня иногда Понтрягины оставляли обедать. Для меня эта травяная пища была совершенно неподходящей и я должен был проявлять максимум вежливости, прося, чтобы мне дали порции поменьше.

Знаменитый Репин, как известно, тоже некоторый промежуток своей жизни должен был под воздействием своей жены кушать вегетарианскую травяную пищу. В результате он развелся.

Лев Семенович действовал иначе. Приходя в институтскую лабораторию, говорил лаборантке: “Наташа, там в шкафу остался кусочек колбасы, дай мне его. Сергей Михайлович, не хотите ли колбасы?” Я конечно отказывался, пусть лучше останется в шкафу маленький кусочек на следующий раз.

Но в шкафу было еще и кофе. Дома Льву Семеновичу его не давали. И мы распивали вдвоем кофе.

Лев Семенович Понтрягин был избран в академики в 1958 году. Инициативу в его избрании проявил Иван Матвеевич Виноградов. Мы с Евгением Фроловичем Мищенко особенно поддерживали перед И. М. кандидатуру Льва Семеновича. Я тогда был зам. директора, а Евгений Фролович — секретарем парторганизации. Кроме того, Е. Ф. был преданный ученик Понтрягина, который к тому времени полностью перешел в дифференциальные уравнения, успешно продвигая новый по тем временам их раздел — оптимальные процессы. В это время в научных и прилегающих к ним кругах Льва Семеновича совсем не считали возможным академиком. Считалось, что это только математик, получивший фундаментальные результаты в топологии. За это он получил, как-никак, звание корреспондента. Не достаточно ли это при его слепоте? Во всяком случае, в любых предшествующих выборах он как кандидат не фигурировал.

Мы с Евгением Фроловичем перед выборами посетили Отдел науки ЦК, вели разговоры с зав. отделом Николаем Ивановичем Глаголевым.

Когда мы сказали, что в Стекловке возникает кандидатура Льва Семеновича Понтрягина, он был удивлен. Более того, тут в ЦК приходили М. В. Келдыш и М. А. Лаврентьев и говорили о совсем других возможных кандидатах. “Ведь Понтрягин слепой, — говорит Н. И., куда же ему в академии?” Все же мы с Е. Ф. твердо заявили, что Понтрягин хотя и слепой, но стоит десяти зрячих. Наряду с большой талантливостью, он невероятно трудоспособен и свою слепоту он компенсирует невероятной памятью. Льва Семеновича не пускали за границу — видимо потому, что он слепой. В среднем такое отношение к слепым, пусть даже талантливым ученым, возможно и правильно. Но не ко Льву Семеновичу. Мы, таким образом, Николая Ивановича уговорили. Впрочем, по моим наблюдениям влияние ЦК на академических выборах, во всяком случае по математике, было к тому времени ничтожным, по крайней мере, в отношении общих демократических выборов. Но были и полудемократические выборы. Если ЦК хотел, чтобы было выбрано определенное лицо в академики или корреспонденты, он выделял именно для него определенное место и предлагал Академии выбрать его демократическим путем. Обычно академики и член-корреспонденты “слушались” ЦК и тайно голосовали за указанного кандидата. Таким путем проходили не только талантливые математики, но и заведомо “серые” ученые, главным образом по прикладной линии.

Напомню выборы Лысенко, происходившие во времена Сталина. Партийные и общественные организации АН СССР приняли, очевидно, все меры, чтобы Лысенко был выбран. Но когда были вскрыты урны, то оказалось, что абсолютное большинство выбирающих “воздержались”. Выход из положения нашли в том, что “воздержание”, было квалифицировано как: (1) “не против”, т.е. “за”. С тех пор многие годы выборов в АН СССР пользовались формулой (1).

Таким образом, даже в отношении Лысенко “тайность” выборов не была нарушена.

Но я отвлекся. В те времена я аккуратно посещал Математическое общество. Обычно на предвыборных собраниях

Общества выписывались на доске лица, которые уже были выдвинуты на механико-математическом факультете и в Стекловке, добавляли к этим спискам кандидатов Общества и весь такой список голосовался тайным образом. Помню, как профессор Мейман, узнав, что Стекловка выдвинула Понтрягина, сказал: “Я не думал, что Лев Семенович котируется в академики. Но для меня всегда было ясно, что Понтрягин первый кандидат, поэтому я его в нашем списке ставлю на первое место”. В результате Лев Семенович хорошо прошел и в Стекловке, и на мехмате, и в Обществе. На собрании Отделения он тоже прошел гладко, возможно, что в первом туре.

Интересно, что в выборах не участвовали П. С. Александров и А. Н. Колмогоров. Они приехали из-за границы в день выборов, но после них. В результате между Л. С. и Пусиками прошла “черная кошка” навсегда. Впоследствии Лев Семенович особо ополчился против А. Н. Колмогорова, в особенности по делам школьных учебников. В своем кругу он нередко подчеркивал, что Колмогоров и Александров за него не голосовали — он считал, что они нарочно не приехали на выборы, чтобы не голосовать за него.

Сказанное является примером эволюции взаимоотношений между великими математиками.

Лев Семенович в прежнем лучший ученик Павла Сергеевича. Долгое время он Павла Сергеевича боготворил. Его в свое время выбрали в член-корреспонденты совершенно заслуженно, но не без старания П. С. и А. Н.

Лев Семенович все время пользовался большим авторитетом перед Иваном Матвеевичем. Но долгое время во время своего член-корреспондентства он проявлял также глубокое уважение к научным заслугам и Павла Сергеевича, и Андрея Николаевича. Он рассказывал мне: когда он почувствовал ненормальность отношений Виноградова с Колмогоровым, он решил их “помирить” и применял в этом отношении практические меры. Но у него ничего не вышло.

Между прочим, я тоже независимо всегда думал примерно так же, как Л. С. и иногда действовал в таком же духе, но у меня тоже ничего не выходило. Я уже рассказал, как я на вопрос Ивана Матвеевича, кому дать премию, сказал, что надо дать Колмогорову и что из этого вышло.

Разница между мною и Л. С. в этом вопросе только та, что Л. С. изменил в конце своей жизни свое отношение к Колмогорову, а мое отношение было до конца неизменным.

Я уже писал, что когда мне исполнилось 60 лет, я устроил обширный банкет. На этом банкете Лев Семенович в качестве тоста сказал: “Я выражаю благодарность Сергею Михайловичу за то, что он сам знает”. Видимо за нашу с Е. Ф. пропаганду за его выборы.

“Гении не выносят друг друга”, — сказал Анатолий Франс. Сделанные выше заметки могут послужить лишней иллюстрацией к этому открытому Франсом “закону природы”.

О распре между Колмогоровым и Понтрягиным я мог бы написать довольно много. Но для себя считаю это несвоевременным. Если бы я знал, что мне осталось жить два года, я бы написал. А вдруг, Господь Бог мне отпустит больше. Я должен беспокоиться и о себе. Лучше пока эти вопросы отложить.

1998 г.

* * *

Этот текст был написан мною пять лет тому назад (1998). Писал я быстро, в течение одной недели, и не очень обременял себя “систематичностью” — исключительно “по памяти”. Писал только то, что “врезалось в память”. Получилось не совсем связное собрание аспектов из моей жизни, главным образом, математической жизни и, отчасти, моих размышлений о том, что происходило вокруг моей жизни.

Теперь некоторые факты требуют пояснения.

Список сотрудников отдела теории функций изменился. Нет среди нас Ольги Арсеньевны Олейник — замечательной женщины, крупной ученой, академика не только нашей Академии, но и итальянской Академии Линчей.

Взят в отдел Коля Андреев, отличившийся уже молодой математик.

Все же я заметил, что я в данном изложении ничего не написал о пребывании в нашем отделе Сергея Львовича Соболева в последние годы его жизни (примерно 5 лет).

Сергей Львович говорил, что он на старости лет после сибирской длительной работы вернется доживать свой век

в Ленинград, где прошли его детство и юношество. Но на самом деле оказалось естественным ехать в Москву, где жили его взрослые дочери и сын. Институт Стеклова хорошо принял в себе С. Л. и предложил организовать для него специальный отдел. Но Сергей Львович отказался от отдела, сказав, что много в своей жизни был “начальником”, а сейчас уже не хочет быть таковым. Но он не хочет, чтобы над ним были начальники. “Запишите меня в отдел Сергея Михайловича”.

Видите, я “хвастаюсь”, но и без “хвастовства”, с научной точки зрения наиболее естественным было С. Л. быть именно в нашем отделе. Сергея Львовича мы сделали одним из руководителей нашего семинара. Он, пока мог, постоянно посещал семинар и активно в нем участвовал.

О моих “школьных делах”, прошедших в течение последних пяти лет я тоже мог бы здесь рассказать. Но эти дела сами по себе находятся “на раздорожье” и проще будет их описать, когда в этих “раздорожьях” наметятся определенные пути — хорошие или плохие, это будет видно позже.

2003 г.

С. М. Никольский

ПАМЯТИ ЛЬВА СЕМЕНОВИЧА ПОНТРЯГИНА

Я впервые узнал Льва Семеновича в 1930 году — в Харькове на Всесоюзном Математическом съезде. Я был просто посетитель съезда, состоя в делегации на этот съезд от Днепропетровского университета, где я только начал работать. Лев же Семенович блистал на съезде, рассказывал свои очередные блестящие достижения в топологии, сделавшие его выдающимся математиком мирового класса.

Результаты этого молодого проникновенного математика, к тому же слепца, обсуждались с большим восхищением непосредственно в связи с его докладом и в кулуарах съезда.

Но мы не были тогда знакомы. Его руководителя, Павла Сергеевича Александрова, я тогда тоже не знал. Теперь я знаю от самого Льва Семеновича, что он в то время очень сильно уважал Павла Сергеевича и боготворил. Такие отношения между учителем и учеником продолжались долго. Лев Семенович в 1939 г. стал член-корреспондентом АН СССР при решающей поддержке Павла Сергеевича, который в это время был член-корреспондентом.

В 1934–35 гг. я жил в Москве, прикомандированный из Днепропетровска в МГУ для работы над кандидатской диссертацией. Большую часть времени я проводил в читальне Математического кабинета МГУ, где можно было в то время заниматься с 9 часов утра до 9 часов вечера, пользуясь любыми книгами, которые посетитель мог брать непосредственно с полки. Там я познакомился с Анатолием Ивановичем Мальцевым, моим другом на всю жизнь и с некоторыми другими математиками. Среди них с аспирантом

Льва Семеновича — Гордоном, работавшим после аспирантуры в Горьковском университете. У него как-то было все в порядке. Совершенно определенная тема, которую он без задержки выполнил. Статья была отдана в печать в хороший журнал. При мне он, неспеша, проверял ее корректуру. У меня в это время было совсем другое дело. Теорема, которую я хотел доказать, не доказывалась, а осколки, которые при этом получались, мне казались недостойными корректур. Но дело не в этом. Из разговоров с Гордоном я понял, что он как аспирант пользовался повседневным очень заботливым и доброжелательным отношением к нему со стороны его руководителя Льва Семеновича Понтрягина. Простые человеческие отношения входили сюда тоже. Гордон рассказал, как они с Львом Семеновичем собрались кататься на коньках. И вот они выходят на лед. Тут же Гордон упал. Лев Семенович его поднял. Но Гордон тут же снова упал и Лев Семенович должен был снова его поднять. Выяснилось, что Лев Семенович с детства, когда он был зрячим, был научен кататься на коньках, а Гордон — нет. Так что Льву Семеновичу пришлось учить его не только топологии, но и бегать на коньках.

С конца 1940 г. я стал докторантом Математического института имени В. А. Стеклова и с тех пор связал свою жизнь, прежде всего научную жизнь, со Стекловкой. Лев Семенович работал в институте Стеклова со дня его основания в Москве (1934 г.). А. И. Мальцев уже год к этому времени был докторантом. Он дружил с Львом Семеновичем — постоянно бывал у него дома. Тем самым, и у меня с Львом Семеновичем постепенно зарождалось тесное знакомство. Но не на почве личных математических исследований, а на почве отношения к математическим вопросам вообще, в частности, к судьбе нашего Института.

Через три месяца после начала войны Институт переехал в Казань, где был размещен в кабинете имени Лобачевского Казанского университета, куда переехало также из Ленинграда ЛОМИ во главе с зам. директора А. А. Марковым.

С начала войны директором Института вместо И. М. Виноградова стал академик С. Л. Соболев, прежде занимавший должность зам. директора.

В Казани, таким образом, Институт был под начальством академика С. Л. Соболева и его заместителя доктора наук А. А. Маркова.

В Казани личные связи между сотрудниками Института сильно возросли. Например, большим стимулом для такой связи было то обстоятельство, что каждый день в определенный час сотрудники приходили в Институт получать полагающийся их семье по карточкам хлеб. Как правило, сотрудники не поручали это дело членам своих семейств, а сами приходили и задерживались для различных обсуждений — в том числе и математических.

У С. Л. Соболева в связи с его научными изысканиями, которые рассматривались как оборонные, возникла задача, относящаяся к спектральной теории оператора в пространстве с индефинитной метрикой. Эту задачу решил Лев Семенович, которого давно уже привлекали конкретные вопросы математического анализа. (см. Эрмитовы операторы в пространстве с индефинитной метрикой. Изв. АН СССР, серия матем., **8**(1944), 243–250).

В 1943 году Институт вернулся в Москву. Сразу же по приезде сотрудники Института организовали коллективную посадку картофеля. Каждый получил урожай пропорционально вложенному труду. Лев Семенович вместе со своей семьей (женой и матерью) тоже участвовал в этой работе — копал и т.д.

Весной 1944 г. в Институте произошло чрезвычайное событие, в котором инициативную роль играл Лев Семенович.

Мне пришлось лично присутствовать при самом трагическом моменте этого события. В то время новый зам. директора Анисим Федорович Бермант завел строгие порядки. Научные сотрудники обязаны были присутствовать на заседаниях Ученого совета Института. И вот я сижу на заседании Ученого совета. Члены Ученого совета сидят вокруг длинного стола, не члены, вроде меня, расположились вдоль стен. Председатель собрания зам. директора А. Ф. Бермант докладывает отчет о работе Института за прошедший год. Директора С. Л. Соболева не было. Отчет обстоятельный — с упоминанием, что конкретно сделал каждый сотрудник Института. Закончив отчет, А. Ф. предлагает его утвердить. Первым после него выступает П. С. Александров. Он говорит, что отчет, конечно, хороший и его надо утвердить. Однако, директор у нас не хороший: в Академии наук он занимает ведущее положение во всех математических организациях. Он и директор, и председатель комиссии по премиям,

и главный редактор журнала, и еще, и еще где-то председатель. Это под силу разве что Юлию Цезарю, но Сергей Львович не Цезарь и не может справиться со всеми этими делами. После этого по кругу буквально все члены Ученого совета высказались в том же духе или отметили, что они поддерживают предыдущих ораторов. Замкнул эти выступления сам А. Ф. Бермант, заявивший, что он согласен с выступавшими. Однако, за ним остался еще только один член совета — секретарь парторганизации Бенцион Израилевич Сегал — он не согласился с выступавшими. После этого в Институте долгое время была тишь да гладь — Божья благодать, а потом вывесили приказ Президента АН СССР о назначении директором Математического института академика И. М. Виноградова. А Сергей Львович перешел работать в Атомный институт. Лев Семенович, безусловно, пользовался большим расположением со стороны Ивана Матвеевича, часто посещал его, предлагал советы, которые обычно проводились в жизнь.

В академики Лев Семенович был избран в 1958 году. В это время я был зам. директора института Стеклова. Инициатива в этом вопросе принадлежала Ивану Матвеевичу Виноградову, секретарю парторганизации, ученику Льва Семеновича — Евгению Фроловичу Мищенко и мне. Перед выборами мы с Евгением Фроловичем были позваны в Отдел науки ЦК. Зав. отделом Николай Иванович Глаголев нам сказал, что в ЦК даже не к нему, а на уровне секретарей приходили наши математические лидеры: М. В. Келдыш и М. А. Лаврентьев с предложением своего кандидата. “Вот ребята, — говорит Николай Иванович, — придется с этим предложением согласиться”. — “У нас кандидат лучший”, — отвечаем. “Лев Семенович Понтрягин? Как Понтрягин? Какой Понтрягин? Никто о нем не говорил. Мстислав Всеволодович и Михаил Алексеевич нам о нем даже не упоминали. Да он же слепой, наконец. Куда ему в академики? Ладно, что он корреспондент”.

Мы с Евгением Фроловичем сказали: “Лев Семенович имеет личные математические результаты высшего мирового ранга. А что он слепой, то все равно стоит десяти зрячих”. Мы еще добавили, что вызывает возмущение, что “Органы”

отказывают Понтрягину в заграничных командировках, видимо, считают, что слепому нечего показываться за границей. Между тем заграничные ученые посчитают только за честь принять у себя такого высококлассного знаменитого ученого. “Как знаете, — сказал Николай Иванович. — Желаю вам успехов в Ваших начинаниях”.

В институте Стеклова без всяких Лев Семенович был выдвинут, поддержан мехматом МГУ и собранием Московского математического общества.

Я был на этом собрании. Там по этому вопросу делалось так: выписывались на доске выдвинутые Стекловкой и мехматом кандидаты, приписывали еще своих кандидатов и общий список голосовался.

Я запомнил, как реагировал на эти вопросы Наум Натанович Мейман. Сначала он активно выдвигал своего кандидата, кажется того, о котором говорили в ЦК, но, взглянув в списки на доске и обнаружив там Понтрягина, быстро отреагировал: “Оказывается, Понтрягина можно выдвигать; тогда какой может быть разговор, конечно, именно его и надо поставить на первое место”.

На собрании Отделения Лев Семенович легко прошел — кажется, с первого тура. И это при том, что П. С. Александров и А. Н. Колмогоров не голосовали. Они приехали из-за границы вечером того же дня. Лично я узнал об этом от Льва Семеновича гораздо позднее, когда его отношения с Андреем Николаевичем стали невозможными.

В чем тут дело? Как это случилось? Что это, сознательное запоздание? Я не знаю, если бы П. С. и А. Н. присутствовали на собрании, я не могу себе представить, чтобы они не голосовали за Л. С. Но, как видите, он и без них прошел.

Вторую половину своей жизни Л. С. посвятил дифференциальным уравнениям и оптимальным методам. Здесь, как мы знаем, он сделался крупнейшим ведущим специалистом. Все же на этой стороне деятельности Л. С. я здесь останавливаться не буду. Но есть еще и другие стороны, которые Льва Семеновича после того, как он стал академиком, все больше и больше увлекали — организация математической науки, математика в школе, реагирование на судьбы родной страны. При этом надо учитывать, что этот страстный человек был большой прагматик.

Возникшие у него идеи он старался непременно провести в жизнь. В свободные после науки часы, когда обыкновенный человек отдыхает, он интенсивно занят заседаниями, аудиенциями, журнальными статьями, телефонными звонками преимущественно в центральные государственные и партийные учреждения.

Лев Семенович ряд лет был членом Президиума IMU (International Mathematical Union), а затем его вице-президентом и постоянно находился в руководстве Национального Комитета математиков СССР. Его активное инициативное участие в этих организациях успешно повышало положение советской математики в мировой математической науке.

Важным таким достижением, в осуществлении которого большое инициативное участие принимал Л. С., было сохранение (.....) Варшавского Мирового Конгресса математиков (1982) и посылка на него от нас 300 делегатов.

Лев Семенович добился в Академии наук реорганизации контроля издания математической литературы по издательству “Наука” и затем постоянно руководил этим контролем. Суть реорганизации заключалась в том, что вся математическая литература, изданная по физико-математическому циклу, должна контролироваться специальной математической комиссией.

На этой почве возник конфликт с физиками, закончившийся, впрочем, примирением. Физики устроили свою подобную комиссию. Все же была оставлена общая физико-математическая (согласительная) комиссия, в которой пришлось работать мне вместе с физиком академиком Б. Б. Кадомцевым.

Лев Семенович ряд лет возглавлял Школьную Комиссию Академии наук. Эта Комиссия вместе с министерскими методистами подготовила улучшенную единую для СССР школьную программу по математике. По этим программам было организовано написание новых учебников. В настоящее время единой программы для всех российских школ нет. Однако на самом деле в большинстве наших школ при преподавании математических предметов исходят именно из сказанной выше единой программы СССР.

Я тоже участвовал в школьной комиссии и это было полезно для меня. Я давно уже интересовался преподаванием школьной математики. Теперь уже я с моими коллегами имею собственные учебники по арифметике и алгебре, утвержденные Министерством Образования РФ. Все же мне придется отметить, что я категорически всегда не был согласен с той жесткой критикой, которая велась по этим вопросам против Колмогорова лично ведущими нашими математиками, в числе которых был и Лев Семенович. У меня был случай выразить официально это мое несогласие перед ними — я отказался подписать документы в ЦК, которые они все при мне подписали.

Надо понять меня. Конечно учебники времен Колмогорова имели недостатки, подлежащие исправлению. Но приписывать их одному Колмогорову, в это время уже страдавшему тяжкой болезнью, недопустимо. Например, тогдашний учебник алгебры возглавлял вице-президент Академии Педагогических наук профессор МГУ Алексей Иванович Маркушевич. Да, он мог и на версту не подпустить Колмогорова к своему учебнику, где он искусственно культивировал множественные абстракции. По всему видно также, что математика 4 и 5 классов тоже обошлась без влияния Колмогорова. Да он просто и не мог, будучи к тому же тяжело больным, совладать со всем этим математическим хозяйством, обладающим мощной бюрократической инерцией.

Но интересно, что мы с Львом Семеновичем после таких “потасовок” оставались во взаимном уважении. Я его продолжал уважать, а он — меня. Я — потому, что был уверен и сейчас уверен, что он находился под сильным влиянием “окружения”.

Между прочим, Лев Семенович был очень прямой человек, лишенный всякой хитрости. Он мне рассказывал, что в прежнем он ради блага математики пытался “помирить” Колмогорова с Виноградовым. Но ничего у него не вышло. Я ему сказал, что я тоже пытался это сделать и у меня тоже ничего не вышло.

В брежневские времена Лев Семенович мужественно вместе с некоторыми патриотами-геологами боролся против планов поворота наших северных рек. И борьба закончилась победой.

При жизни Льва Семеновича в его Отделе постоянно работал (под руководством А. С. Мищенко) семинар по проблемам Каспия.

Именно по инициативе Льва Семеновича наше Отделение единогласно выбрало в академики специалиста по электронике В. А. Мельникова. Насколько это оправдалось — это уже другое дело.

Можно было бы перечислить много других мероприятий, которые произошли на почве недюжинной инициативы и напористости Льва Семеновича. Безусловная полезность многих из них несомненна.

Остановлюсь еще на выборах в Академию. Наши с Львом Семеновичем точки зрения на выбор кандидатов в академики обычно совпадали. Я говорю о реальных кандидатах, т.е. о которых можно было думать, что они будут иметь много голосов. В этой ситуации добавление или недобавление двух голосов может решить или не решить дело. Мы, например, с Львом Семеновичем дали наши два голоса Людвигу Фаддееву и вопрос был решен. Этим мы помогли Ивану Матвеевичу, который очень хотел выбрать Фаддеева. А вот еще пример. Иван Матвеевич специально просил нас с Львом Семеновичем не голосовать за Сергея Петровича. У него были чисто человеческие основания, понятные нам, как действовать. Однако, мы с Львом Семеновичем не послушались Ивана Матвеевича и продолжали голосовать за Сережу, как в предыдущие выборы, когда он не проходил. И что же — Сергей Петрович был избран. В обоих приведенных случаях без наших с Львом Семеновичем голосов не обошлось бы.

Между прочим, описывая эти строки, я подумал, что Лев Семенович как-никак крупная историческая личность. Его следует изучать всесторонне. Неплохо посмотреть, каким персональным составом он был избран в академики и с какими голосами. Я это обязательно постараюсь выяснить по свободе. Ведь Павла Сергеевича и Андрея Николаевича на выборах не было. Выходит, что у Льва Семеновича был запас и без них. И приличный запас.

В один из дней начала сентября 1983 года на даче Понтрягиных собралось немало народу. Тут были и члены Академии Г. И. Марчук, И. Р. Шафаревич, Ю. В. Прохоров, С. П. Новиков, Е. Ф. Мищенко, В. А. Мельников, доктора

наук Д. В. Аносов, М. С. Никольский, М. И. Зеликин, В. И. Благодатских, М. М. Постников и многие молодые ученые и аспиранты — ученики Льва Семеновича.

Мы собрались на лужайке перед дачей в этот прекрасный сентябрьский день, чтобы почтить своего коллегу и Учителя и порадоваться его славному юбилею, который он встречает на полном ходу своего неустанного творческого труда. Я тоже там был и, признаюсь, радовался и за себя, что судьбе удалось меня приобщить к этому знаменитому мыслителю.

Нас гостеприимно принимала Александра Игнатьевна — супруга Льва Семеновича. Мы пили за здоровье их обоих, за научные успехи школы Льва Семеновича, за математику. Незабываемый день, незабываемое торжество.

Но это было уже последнее радостное торжество, когда мы в такой большой единой совокупности общались с Львом Семеновичем.

Дальше были уже печальные проводы его души к Богу.

Мне еще хочется закончить эту статью словами благодарности Александре Игнатьевне от имени всех нас, почитателей Льва Семеновича, за то, что она неуклонно и постоянно печется об укреплении памяти Льва Семеновича. Проявленной его деятельностью является барельеф Льва Семеновича на стене МГУ. Очень удачно схваченное скульптурное изображение его лица. Другое проявление — это памятник на могиле Льва Семеновича — очень удачный, хорошо отражающий и научную и христианскую сущность Льва Семеновича.

С. М. Никольский

ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА ЛЕСНИЧЕГО МИХАИЛА ДМИТРИЕВИЧА НИКОЛЬСКОГО

В марте месяце этого (2000) года я приезжал в Екатеринбург на математическую конференцию и решил использовать этот приезд, чтобы посетить место своего рождения г. Талицу, где мой отец был помощником лесничего и преподавателем Лесной школы. Мне в этом помогли мои Екатеринбургские коллеги: профессор В. В. Бердышев и профессор Ю. Н. Субботин. Они организовали автомашину. Больше того, они были так добры, что сопровождали меня. До Талицы надо ехать 220 км в направлении на Тюмень. До Тюмени остается 120 км.

Были мы в Талице несколько часов. Конечно, главным образом, в Лесном техникуме, созданном в советское время на базе царской Лесной школы. Нас не ожидали, но встретили очень приветливо.

Нам показали музей техникума, в котором собрано большое количество экспонатов, характеризующих многолетнюю деятельность этого уникального учебного заведения. Как-никак в прошлом году техникуму исполнилось 100 лет. Я был, конечно, очень обрадован, увидя среди экспонатов музея список первых преподавателей Талицкой Лесной Школы, в котором значится Никольский — мой отец.

Оказывается, музею было бы интересно иметь сведения о дальнейшей деятельности моего отца. Ниже я пишу свои воспоминания о нем.

Вся его жизнь была связана с лесом: соснами, елями, дубами. Она и окончилась (в 1921 г.) трагически среди дубов.

Мой отец окончил реальное училище а Нижнем Новгороде, затем поступил в Петербургский Императорский (имени Александра III) Лесной институт и окончил его в 1896 году. В нашей обширной Российской империи в те времена

было около тысячи больших государственных лесных массивов — лесничеств. Институт готовил для них управляющих-лесничих, которые должны были быть не только администраторами, но и лесоводами. Но сразу окончивших институт лесничими не делали, они должны были сначала пройти стаж помощника лесничего. Отец пробыл в помощниках 10 лет, прежде чем его сделали лесничим. По-видимому, в те времена это была норма. Его послали на должность помощника лесничего в г. Царевококшайск Казанской губернии, теперь этот город стал столицей Марийской республики и носит название Йошкар-Ола. Там отец женился на моей матери Людмиле Михайловне (в девичестве Федоровой), она в то время была сельской учительницей. Отец успел, находясь в Царевококшайске, написать научную работу, которую защитил (1899 г.) в Петербургском лесном институте и получил звание ученого-лесоведа первого разряда. Специалисты мне говорили, что в настоящее время эта диссертация расценивается как нечто среднее между дипломом и теперешней кандидатской работой.

У меня есть толстая книга, “Исторический очерк развития С.-Петербургского Лесного института” (1803–1903), изданная в 1903 году Петербургским Лесным Институтом по случаю его столетнего юбилея. В ней на стр. 133 список окончивших Институт в 1896 году, среди них под номером 35 Никольский Михаил — мой отец, а на стр. 149 — список получивших в 1899 году звание ученого лесоведа первого разряда, среди них под номером 193 тоже мой отец.

После защиты отец был переведен в Талицу, где он стал в числе первых преподавателей вновь организованной Лесной школы помощником лесничего.

В Талице мой отец с молодой женой, моей матерью, прожил 7 лет (1899–1906) и нажил четверых детей (Екатерина, Надежда, Константин, Сергей), среди них я самый младший. Потом их стало шесть. Очень может быть, что это была самая счастливая часть их жизни. Преподавание в школе ему тоже удавалось. Во всяком случае он всегда вспоминал о нем с большим удовольствием. В Талице был заводчик-миллионер Поклевский-Козел, который принимал у себя дома местную интеллигенцию, устраивая культурные рауты.

Это тоже мои родители вспоминали с большой любовью. Оказывается, ближайшая к Талице железнодорожная станция носит название Поклевская. За покупками ездили в ближайший город Тюмень.

В 1906 году отец получил повышение — его назначили лесничим на крайний запад тогдашней Российской империи, на границе с Пруссией — теперь это Польша.

Отец уехал раньше. Мать с четырьмя малыми детьми ехала сложным путем: от Перми пароходом по Каме, Волге, Оке, Москве до г. Москвы, далее по железной дороге. Известно, что я учился ходить на палубе парохода.

Отец стал лесничим Щебро-Ольшанского лесничества Августовского уезда Сувалкской губернии. Канцелярия лесничества находилась в лесной деревне (по-русски в селе, потому что там был костел) Щебра, там же казенный дом лесничего — барский дом в 6 комнат, сад, сарай, две лошади, корова, куры, огород, полевая земля, луга и т. д.

Отец вошел в корпус лесничих — Российскую лесную номенклатуру.

По чиновничьей табели отец стал надворным советником — его высокоблагородием. Лесник, подходя к лесничему, вытягивался во фронт и начинал свой рапорт со слов: “Здравия желаю, Ваше высокоблагородие, у меня в обходе все благополучно”. Обычно, впрочем, выяснялось, что “не все благополучно”. При порубках лесник должен был составлять протокол, но он не любил составлять протоколы. И дело тут не в малой грамотности, а в боязни отмщения со стороны порубщика. Лесничий был большой начальник, и, в то же время, за каждую казенную копейку он отвечал самолично.

Он мог доверять своим помощникам как угодно, но отвечал за деньги только сам.

Лес так или иначе охранялся, лесники имели ружья (правда старого образца), а лесничий имел револьвер кольт.

Лес продавался с торгов (аукциона). Где-нибудь на лесной поляне ставился стол, за ним восседал лесничий, писарь, помощники. Произносилась нижняя цена очередной деланки, получал деланку тот, кто давал больше. Деньги наличные выкладывались сначала на стол и складывались в железный ящик. Покупатели — это крестьяне, помещики,

торговцы лесом. После торгов ящик с деньгами везли часто ночью через лесные дебри под вооруженной охраной в город в банк. Хорошо известно, что в те времена в таких случаях не редки были нападения грабителей, убийства при этом тоже.

Были питомники, сбор и подсушивание шишек, посадки культур и т. д.

Отец интересовался постоянно лесоводством как наукой и на свои деньги выписывал книги и журналы по этим вопросам, главным образом из Германии.

Но никаким производством в царские времена лесничества не занимались. Лес охранялся, восстанавливался, продавался и все.

Рядом со Щебро-Ольшанским лесничеством были Августовские городские леса, за которыми тоже должен был следить отец по совместительству.

Леса очень красивые, преимущественно сосна, но есть и ель. Много красивейших озер. В лесу полно дичи — зайцы, лисы, козы, кабаны, утки.

Помню, когда мне было семь лет, отец взял всю нашу семью на охоту 29 июня по старому стилю (на Петра и Павла) — первый день (по тем временам) разрешения охоты на уток. Охота происходила на острове красочного озера. Отец пригласил на нее своих приятелей — офицеров, стоявшего в Августове полка, те взяли еще с собой солдат. Остров окружен густыми тростниками, но в этой гуще есть просветы, против них на берегу располагались охотники. Раздетые до белья солдаты шли по гуще тростника вдоль берега и гнали плывущих в тростниках уток. Утки, оказывается, не могут взлететь из гущи тростника, им надо доплыть до просвета и тогда только они поднимаются в воздух. Но тут их поражает выстрел охотника. Дичи конечно набивается много, на месте устраивается угощение охотникам и загонщикам.

Климат теплый и влажный, зимой температура редко когда снижается до -20 градусов.

Свое детство я провел среди лесов и полей, в играх с польскими деревенскими мальчишками.

Но в 8 лет меня отдали в подготовительный класс гимназии в губернском городе Сувалки.

Мы жили в так называемом Привислинском крае с центром в г. Варшаве. Чиновники такого ранга, как мой отец,

работавшие в Привислинском крае, имели привилегию, заключающуюся в том, что их дети учились в государственных гимназиях бесплатно. Я учился, таким образом, в гимназии бесплатно и эта привилегия продолжалась в дальнейшем всю войну, потому что хотя мы во время войны не жили в Привислинском крае, но были беженцами с этого края.

Нужно сказать, что места, где мы жили, носили для нашего государства сугубо стратегический характер.

Граница примерно от Паланги (на берегу Балтийского моря) шла с севера на юг до Сувалок, дальше она поворачивала строго на запад и заворачивалась назад не так далеко от Берлина. Мы жили как раз на указанном повороте границы (возле Сувалок). Естественно, что на этом повороте стояло много наших войск. Мы, мальчишки, хорошо ориентировались в их дислокации. Я и сейчас помню, что в г. Августове стоял 104-й Устюжский имени Багратиона пехотный полк и еще Казачий полк. А в Сувалках стояло совсем уже много войск: пехотная дивизия с полками под номерами 17, 18, 19, 20, артиллерийский полк и еще Драгунский, имени Марии Федоровны, полк.

Но вот в августе 1914 года грянула война. Мы жили в 20 километрах от германской границы. Отец отправил семью (мать и детей) на восток, на Украину в г. Чернигов, где я учился в гимназии, а сам он оставался на месте среди наших войск до тех пор, пока территория лесничества не была занята немцами. А это произошло вскоре через 1–2 месяца после начала войны.

События разворачивались следующим образом. С начала войны немцы бросили основные свои войска во Францию и хотели уже взять Париж. Французы упросили нашего царя спасти их положение. Русские раньше, чем они были готовы, перешли в наступление. Две русские армии под командованием генералов Рейнекампа и Самсонова проникли вглубь Пруссии, не согласовав свои действия. В какую из этих армий попали упомянутые мною полки, я не знаю. Во всяком случае, они были на стыке этих армий. Немцы отказались от взятия Парижа, сняли из под него два корпуса, моментально перевезли их в Пруссию. Наши войска были ими окружены. Часть наших войск была пленена,

а остальные поскорее убрались из Пруссии в августовские леса и там произошли кровавые бои, в результате мы отступили. Но уже где-то в декабре или январе 1915 года воинское счастье нам улыбнулось и наши войска снова заняли Августов и Сувалки. Отец снова явился в свое лесничество, но ненадолго. Я знаю, что к лету 1915 года он уже был в Вильне (Вильнюс) и уже после этого никогда не возвращался в свое лесничество. Эти места до конца войны были в руках немцев, а после сделались территорией новой Польши. Но это факты. А в то время лесное Управление (в Петербурге) продолжало считать, что лесничество вот-вот будет освобождено от немцев и лесничий снова вернется туда. А пока (на самом деле всю войну) лесничий Щebro-Ольшанского лесничества находился в специальном распоряжении Лесного Управления и выполнял обязанности по его указаниям. Это были работы по организации заготовок леса для фронта и столицы (города Петербурга, переименованного во время войны в Петроград). А дело было в том, что Петербург находился вдали от тогдашних угольных районов (Донбасса) и мы возили уголь для Петербурга с острова Шпицбергена, где у нас были собственные шахты.

Но война нарушила эту возможность и было решено в значительной мере заменить в Петербурге угольное топливо на древесное. Было организовано специальное учреждение, имевшее название: “Особое совещание по топливу для Петербурга”. Вот с этим совещанием и была связана работа отца. Отец всю войну находился в непрерывных командировках и снимал комнату в Петербурге. А семья без отца жила в городе Чернигове.

Но вот наступила Октябрьская революция. Стало очевидно, что возвращение в прежнее лесничество невозможно, и отец обратился в Лесное Управление, теперь Советское, о даче ему лесничества.

В то время Советское правительство находилось в здании Института благородных девиц — в Смольном. Там был Наркомзем и при нем Лесное Управление.

Просьба эта была удовлетворена и он был назначен лесничим Шиповского Опытного лесничества Воронежской губернии.

Для назначения на эту должность требовалась санкция научного комитета, ведающего опытным лесным делом. Но моего отца научные лесные круги знали еще со времен, когда он учился в Петербургском лесном институте. Знал его и Морозов. Кстати, именно Морозов был инициатором опытных лесничеств на юге Воронежской губернии. Шиповское Опытное лесничество представляет собой часть знаменитого Шипова леса, который рассматривается как самый южный представитель лесостепи. Южнее его только степи, а если леса, то только пойменные. Немного севернее Шипова леса расположен другой лес, который тоже является предметом исследований лесной науки — Хреновский бор. В обоих лесах — Шиповом и Хреновском — почти одновременно было заложено лесное Опытное дело. Главным инициатором был Морозов. Морозов даже было некоторое время лесничим одновременно двух этих Опытных лесничеств. Итак, мой отец М. Д. Никольский приехал в Шиповское Опытное лесничество в феврале 1918 года. Управление лесничества находилось в поселке, называемом станция Красный Кордон Павловского уезда Воронежской губернии. В поселке была канцелярия лесничества, дом лесничего в 8 комнат с большой усадьбой, садом и огородом и казенные дома с усадьбами двух помощников лесничего, двух объездчиков и нескольких лесников.

Отец дал знать о себе семье в Чернигов, и к лету 1918 года семья приехала на Красный Кордон. Переезд был очень сложный, потому что Украина тогда была оккупирована немцами. Легальный переезд через границу оказался возможным по-видимому потому, что в это время начал действовать так называемый “Брестский мир”.

Шипов лес — это знаменитый дубовый лес, который использовал Петр Великий для строительства своих кораблей. Дубы в Шиповом лесу стоят рядышком, вытянутые вверх как мачты в полтора обхвата. До Петра стояли дубы, надо полагать, трехсотлетние в два обхвата. Кроме дубов растут ещё ясени — тоже очень ценная порода.

Петр распорядился перевезти из Орловской губернии крестьян и сделал их государственными крепостными, дал им высококачественную черноземную землю. Они возделывали ее для своих надобностей, но несколько дней в неделю

должны были работать на царя в лесу. Лес в обработанном виде сплавлялся по реке Осереды к Дону в город Павловск на корабельные верфи.

Вдоль реки Осереды выросли села с характерными названиями: Пузево, где делали пуза для кораблей, Клеповка — клепки, Гвазда — гвозди (деревянные), Чернавка — чернь (деготь).

При Петре Шипов лес был в основном вырублен, впрочем, возможно и не сплошь. Дубы — не сосны и не ели. Из срубленного пня немедленно вырастает десяток ветвей (поросль), они соревнуются друг с другом и их постепенно становится все меньше и меньше. Обычно остается одна, бывает и две. Она превращается в дерево несколько искривленное в основании. Конечно, вырастают еще и семенные дубки из упавших на землю желудей. Но их мало. В основном вырастает порослевый дубовый лес.

После Петра вырос в основном порослевый лес с малым количеством семенных дубов. История говорит, что в начале XIX века, примерно в период Отечественной войны, Шипов лес был снова вырублен. Новый лес тоже в основном оказался порослевым, семенных дубов мало.

Дубок, выросший из желудя, сразу растет неплохо, даже в тени. Но через 5 лет, если он не получает нужного света, погибает.

А какой может быть свет? Представьте себе, что вырубил дубовый лес. Осенью перед этим напало много желудей. На другой год они дадут много маленьких дубочков. Но их покрывает тут же выросшая после рубки крапива или лопух. Больше того, из пней вырастает мощная поросль и она уже не даст жить бедному семенному дубку. Абсолютное большинство дубков не выдерживает и погибает.

Чтобы было побольше семенных дубков, нужна активная помощь человека. Наши лесоводы, в общем, знают, что для этого надо делать. Они высаживают в лесосеки лесные культуры и стараются ухаживать за ними. В Шиповом лесу такие работы, конечно, велись и в некоторых случаях даже успешно, но до войны. С войной они прекратились, дорого стоит. Во время гражданской войны возобновить их, конечно, тоже было невозможно.

Существует легенда: Петр во время посещения этих мест стояла на высокой горе. Сзади его — могучий дубовый лес,

а впереди — внизу, прекрасная луговая долина реки Осереди: “Сие место красное есть”, — воскликнул он. И с тех пор на этом месте образовался поселок — станция Красный Кордон.

Кордон — все лесники знают, что такое кордон, а станция — это метеорологическая станция Красный Кордон, которая занимала видное место на поселке. Это была крупная классная метеорологическая станция, которая систематически передавала сведения о погоде в Центральное метеорологическое бюро при Главной физической обсерватории.

Эта станция была организована предшественником отца по лесничеству, Ивановым, тоже (как я увидел из упомянутой книги) питомцем Петербургского Лесного института, ученым-лесоводом первого разряда. Иванов был очень энергичный лесничий, умевший добывать средства для опытного лесного дела. Он проработал в качестве лесничего Шиповского Опытного лесничества ряд лет. Про него говорили, что с начала Революции он посчитал жизнь свою на Красном Кордоне небезопасной и уехал в Воронеж, где стал профессором Лесного института. Должен сказать, что как раз в Воронеже его жизнь оказалась опасной — его репрессировали в тридцатые годы.

На метеорологической станции действовали самые различные приборы: барометры, барограф, термограф, психрометр, термометры максимальные и минимальные, надпочвенный, почвенные разной глубины, анемометр, дождемер, гелиограф и т. д. Для некоторых приборов в лесу была выстроена вышка, возвышавшаяся над лесом, на которую надо было лазить по шатким ступенькам по ночам тоже.

Кроме основных наблюдений, постоянно велись метеорологические наблюдения на Опытных лесосеках, туда тоже надо было систематически ходить и днем и ночью. Для ведения всей совокупности этих наблюдений и их обработки постоянно требовались три наблюдателя.

Для этой работы использовались студенты Воронежского Лесного института, когда они приезжали на практику на станцию Красный Кордон, постоянно работала моя сестра и я с 1919 года, когда мне стало 14 лет, на Опытных лесосеках преимущественно работал опытный объездчик Юрьев.

Отец очень ревностно относился к работе на метеорологической станции и следил за тем, чтобы наблюдения велись

постоянно и в установленные сроки (7 часов утра, 13 часов и 23 часа). Позже, в 1920–21 годах, условия работы и жизни на Красном кордоне были очень тяжелы, и очень часто при отсутствии наблюдателей отец шел на станцию наблюдать сам. На метеорологической станции Красный Кордон не было случая пропуска наблюдений или нарушений их сроков.

Теперь я замечу нечто противоположное. На поселке был большой питомник, как это полагается в любом уважающем себя лесничестве. Но он был запущен еще до прихода отца. Шла война и лесными культурами не занимались. Дубки, ясенки, кленки перерастали в грядках. Никаких средств на ведение лесных культур во время Отечественной и Гражданской войн не было.

Теперь я остановлюсь на следующем существенном факте. На довольно большой площади Шиповского Опытного лесничества в 1917 году была произведена рубка леса по методу, который, как я теперь узнал, называется методом лесничего Корнаковского — узкие лесосеки перемешиваются с узкими невырубленными коридорами. Насколько я знаю от отца, дело здесь обстоит так: метод Корнаковского был модным в то время, но требовал проверки. Иванов, видимо, хотел произвести такую проверку у себя в лесничестве. Дело это серьезное. Чтобы срубить большой кусок великолепного дубового леса, нужно было получить наверху утверждение. Хотели утвердить или нет — трудно установить, но утверждение было сделано, главным образом, вследствие происшедшей в 1917 году Февральской революции. Крестьян в это время больше всего интересовала помещичья земля. Но наши государственные крестьяне (пузевцы, кленовцы и др.) подошли к этому вопросу иначе — они стали требовать себе леса. Было ясно, что если им леса не дать, то они его все равно возьмут. Утвердили планы Иванова — этим и наука была удовлетворена и народ. Крестьяне получили громадное количество великолепного леса, видимо, если и за деньги, то малые. Рубка везде была произведена по всем правилам лесных законов. Потомки знаменитых петровских плотников — лесорубов знали, как это делать.

Так или иначе, они свезли к своим дворам горы дубов высшего качества. В то время многие крестьяне построили себе из них мощные ветряные мельницы, маслобойки,

крупорушки. Основой ветряной мельницы является стоек — длинное толстое абсолютно прямое бревно. Корабельный дуб лучше всего подходит для стойака. Зубья передаточных колес у мельницы, крупорушки, маслобойки должны быть крепкими и эластичными — дуб из Шипова леса обладает как раз большой крепостью и эластичностью. Но не все дубы пошли на стройки, большая часть их, валявшихся перед дворами, пошла на дрова. Да и ветряные мельницы в дальнейшем, в советских условиях, оказались не так уж нужны.

Вернемся все же к нашим чересполосным лесосекам. Рубка этих чересполосных лесосек делалась в надежде, что на оставшихся коридорах создадутся благоприятные условия для роста появившихся там семенных дубков. Коридоры получают дополнительное боковое солнечное освещение со стороны вырубленных лесосек и, может быть, этого дополнительного света достаточно, чтобы дубки, растущие под пологом коридоров, не вырождались после пятилетнего возраста.

Данная рубка и была организована, чтобы указанные соображения проверить. При отце такая проверка путем обмера сеянцев происходила три года. Но, конечно, это только начало, по плану проверка должна была происходить и в дальнейшем ряд лет. Но в 1921 году отца уже не стало и, насколько мне известно, опытные работы в Шиповом Опытном лесничестве возобновились только в тридцатые годы.

В последнее время я бываю в Шиповом лесу систематически. Однажды я решил удовлетворить свое любопытство и в сопровождении специалиста (аспиранта по лесной части) мы посетили указанные кварталы, где были 70 лет тому назад организованы указанные выше рубки Корнаковского. Мы не обнаружили разницы между прежними лесосеками и их коридорами — и там и здесь преобладают порослевые дубы, а семенных дубов и там и здесь очень мало. Выходит, что опыт дал отрицательный результат. Однако очень похоже, что опыт был преждевременно прекращен. Но я не профессионал и разбираться в этом вопросе не буду. Я слышу сейчас от специалистов, что метод Корнаковского не подтвердился. Похоже, что это так, но опыт, о котором я рассказывал, явно не был доведен до конца.

Должен буду сказать, что после большой рубки в 1917 году никаких рубок в Шиповом опытном лесничестве 4 года не происходило. В то время советские предприятия, если нуждались в лесе, то старались его приобрести в местах, близких от железной дороги, а Шиповское опытное лесничество находилось сравнительно далеко от железной дороги. Местные же крестьяне после рубки 1917 года пресытились лесом, а в 1920 и 1921 годах крестьянам было не до леса. На протяжении двух этих лет был жестокий неурожай, и люди стали голодать. На полях и огородах ничего не было, и люди шныряли по лесу в поисках заменителей еды. Это: разные коренья и некоторые виды зелени, но главное — желудь. Ведь принято свиней кормить желудями. Почему бы не покушать лепешку из желудевой муки или из обычной муки пополам с желудевой. В деревнях голодовки происходили еще и потому, что незадолго перед этим продрозверстка начисто очистила крестьянские амбары.

В селе Пузево широкие улицы. В то время вдоль средней линии каждой улицы были амбары. В одних из них хранилась одежда, а в других — зерно. Пузевец привык держать в своем амбаре двухлетний запас зерна на случай, если в следующем году будет неурожай. И вот этот запас у него забрали, а случай случился. Но я в своем рассказе забежал вперед. Вернемся к 1918 году.

Когда наша семья летом 1918 года приехала на Красный Кордон, все было мирно и благополучно.

Мы разместились в громадном 8-ми комнатном доме лесничего, Баринином доме. Дом был, правда, пустой, но мы набили мешки соломой, разместились по комнатам кто где хотел. Старшая сестра тут же была устроена наблюдателем метеостанции. Она тоже, как отец, получала деньги, на которые можно было купить молока, пшена, душистого подсолнечного масла и даже баранину. Был еще сад, запущенный, правда, огород и поле, которое было отдано крестьянину с половины — половину урожая он оставлял себе, а другую половину нам. Так что хлеб у нас был свой. Пекла мать. Вынет из русской печки ржаные хлеба, — вкусные до невероятности. Все было хорошо. Я, правда, приехал с дороги с тифом и на самом деле этот хлеб был вкусен для меня попозже, но вообще, все было хорошо.

Лесники не называли уже отца “Ваше высокоблагородие”, но они все же не называли его “товарищ Никольский”, а говорили “господин лесничий”. А помощники — по имени и отчеству: Михаил Дмитриевич — как при царе.

Отец был большой начальник. При советской власти тоже. У него был писарь, которого пока не забрали в армию. Была печать, револьвер кольт. Приходили на Кордон красноармейские части, брали у лесничества что им надо. Например, взяли телефонный аппарат — лесничество было благоустроенное и внутри себя телефонизировано. Но кольт не брали.

Отец писал бумаги по старой орфографии — с твердым знаком и буквой ять. И это продолжалось до его смерти (1921 год) и почему-то начальство на это не реагировало. В начале октября (1918 год) стало слышно, что к нашим местам из Донской области подходит армия Краснова. Отец приказал леснику (Сысоеву), чтобы он доставил запечатанный пакет на отдаленную почту, до которой Краснов еще не дошел. В пакете была карта лесничества и отправлялась она в Воронежское губернское Лесное управление.

Вечером того же дня к отцу приходит объездчик (Юрьев), который жил на отшибе Красного Кордона, и говорит, что только что явился к нему из лесу белый полковник, сопровождаемый солдатом. Полковник передает через Юрьева его приказ лесничему: немедленно передать в такое-то место карту лесничества. Иначе лесничий будет расстрелян.

Мы, семья, все заплакали навзрыд, отец молчит. На завтра снова плачь. Но никто не приходит расстреливать и отец никуда не убегает.

На следующее утро раздается пушечный выстрел с долины реки Осереды. Мы высыпали на горку (там, где стоял Петр). Вдали, поперек, идет большак из Воронцовки на Пузуево. По большаку передвигается рота, а может быть и батальон. Передвигается осторожно, с остановками, и время от времени бьют из орудия по месту, где большак подходит к Пузуеву. Оттуда тоже отстреливаются красные из пулеметов и винтовок. У красных, видно, пуль мало. На лугу, поближе к нам, тоже рассеялись красновцы. Белые медленно приближаются к Пузуеву, время от времени останавливаясь

и стреляя при этом из орудия. Наконец, мимо нас, совсем близко, но под горой, не спеша, проезжает отряд казаков на конях и поравнявшись сбоку с защитниками Пузева резко поворачивается к ним и атакует красных с фланга. Впоследствии мы узнали, что красные — совсем молодые 15-и летние мальчишки. Казак подъезжает к мальчишке с криком: “Раздевайся”. Тот снимает с себя заштопанную рубашку, штаны, обувь и казак рубит ему голову.

Так пришли белые. Они тут же объявили мобилизацию. Мало кто явился, остальные спрятались в Шипов лес. Так в Шиповом лесу появились первые землянки. Но зимой красновцев прогнали, и в землянках Шипова леса стали жить уже ребята другой ориентации.

В следующем, 1919 году, пришли войска Деникина, как будто бы успешно, но тоже в конце концов им пришлось удалиться назад. И все это отражалось соответствующими передвижениями войск по нашему большаку и колебаниями молодежи: идти им или не идти в армию и в какую, а может быть в лес. Но все больше и больше молодежи оказывалось в Красной армии. Особенно это имело место позднее, в конце 1919 года. При отступлении деникинских войск на нашем лугу боя не было, белые в наших краях отступили незаметно, но мы со своей горы видели бесчисленное множество крестьянских саней, перевозящих по большаку красные войсковые части. Молодежь почувствовала, что красные к этому времени сильно окрепли и организовались. Молодые люди, видя это, шли в Красную армию с меньшими колебаниями. Надо сказать, что красные отличались от белых своей организованностью. Как только красные где-то появлялись, они сейчас же создавали на местах соответствующие ячейки своей государственности.

Мои две старшие сестры в 1919 году уехали с Красного Кордона и поступили в сельские учительницы. Как только в село Александровку, где они работали, приходили большевики, появлялись откуда-то методисты со своими “учебными планами” и программами, а Исполком немедленно организовывал учителям снабжение продуктами. По тем временам ощутимое. Лесничество немедленно попадало в сферу руководства со стороны губернских и центральных лесных организаций.

Лето 1920 года было очень жаркое, засушливое, назревал и голод. Для нашей семьи это было очень тревожно. Наши лесники имели коров, а мы нет, и наши деньги не годились, чтобы покупать за них продукты. На нашем поле посева уже не было, крестьяне посевы и на своем поле сократили. Огород погиб.

Но у нас был большой сад, очень запущенный, в предыдущие годы он не давал совсем яблок. А на этот раз получился большой урожай. Еды было мало и мы, дети, налегали на несозревшие яблоки. Находились и чужие, которые забирались в наш сад. Чтобы спасти сад, мы решили ночью его охранять по очереди. Дежурный должен был ходить по саду с кольцом в руке. Первым должен был ходить Петя (13 лет). Сад большой и бестолковый, много имелось неплодовых деревьев, непосредственно прилегающих к мощному дубовому лесу — очень мрачному в ночное время. Но ничего не поделаешь, он 2 часа ходил по саду от 9 до 11 — и не боялся. Потом я (15 лет) от 11 часов вечера до 1 часу ночи, потом Костя (17 лет) от 1 часа до 3 часов ночи и, наконец, отец — от 3 до 5 часов утра. Его мы, мальчики, жалели.

Итак, продолжалось неделю. Но утром Петя занемог, заболел живот, стал чернеть. Я был послан через лес в соседнее Воронцовское лесничество, где жила студентка-медичка. Мы прибежали с ней к больному. Она ему дала, кажется, каломель — больше у нее ничего не было. Какой там каломель — наутро Петя умер — явно холера. А на другой день заболел Костя — тоже почернел и наутро умер. Третий заболел я, но у меня была сильная дифтерия и продолжалась две недели, но обошлось. Теперь наша семья (живущая на Красном Кордоне) стала состоять из 4-х человек: отец, мать, я и восьмилетняя сестренка Леля.

С едой было совсем плохо. Основу составляла мука в очень малом количестве, которую смешивали с желудевой мукой и пекли лепешки. Жили мы хотя и в восьмикомнатном доме, но отапливали две комнаты. Все время, пока мы жили на Красном Кордоне, в качестве освещения мы пользовались плоской с налитой в нее маслом и опущенным в нее фитилем. А тут встала серьезная проблема — жечь масло или его есть. Единственно, что с дровами было неплохо, сидели около печки с горящими дровами. Дрова дубовые,

жаркие. Опять проблема — дрова, надо рубить и пилить. К этому нам не привыкать, но если еда плохая, себя жалко.

А со спичками совсем интересно. Спичек не было. Можно было завести кресала, но их как-то не завели. Но на дровяном дворе у нас после Иванова валялось много корявых дубовых пней. После того, как печка вытопится, в нее запихивали пенек. Он там тлеет, покрытый золой, а наутро после разгребания золы обнаруживается большой горящий уголь (кокс).

Наш поселок в 1920 году стал заметно пустеть. Одних забирали в армию, у других оказывалась причина уехать, хотя до этого времени люди жили много лет на Красном Кордоне и таких причин раньше не возникало. Студенты в 1920 и 1921 годах уже не приезжали. Старшие мои сестры уехали в другое место (учительствовать).

Я сильно был привлечен к работе на Красном Кордоне. Я полностью обслуживал метеорологическую станцию с ежедневным ночным лазаньем на вышку в лесу. Я обрабатывал эти сведения для посылки в Центр, помогал отцу по канцелярии, писарь ушел в армию.

Почему-то я находил время еще заниматься математикой и физикой. Тут помогал мне отец. Он окончил в свое время реальное училище, где уделялось большое внимание математике. В Лесном институте тоже был небольшой курс высшей математики. Все это мой отец хорошо усвоил, а главное, не растерял в жизни. К математике и физике он проявлял большой интерес в любых условиях, при жизни в Шиповом лесу тоже.

Я приехал на Красный Кордон только после 4-х классов гимназии, а находясь в Шиповом лесу, общаясь с отцом, узнал всю математику, которую знал отец. И даже больше. И физику тоже.

Но физика физикой, а по поселку слухи пошли, что в Воронцовском слободском лесу живет вооруженный отряд и пьянствует. Но организованный отряд. Конечно это очень интересные слухи, но никто к ним серьезно как будто бы не относился, мол, что ж делать “зеленым”, как не пьянствовать. Наверняка они кого-то грабят. Но ведь не нас. Мы их не трогаем и они нас не трогают. А что нам больше нужно? Да это же и не в нашем лесничестве происходит. Слободской

лес им удобнее, чем наш, казенный. Там даже дорог толковых нет, гущина от поросли невообразимая, Овраг, ручей течет, но ручей же нужен, пить же надо. Небось, уже лошадей завели. Но главное, они нас не трогают, да и зачем им трогать. Нам конечно интересно о них поговорить, но опасаться нечего.

Но были лесники, которые непосредственно имели дело с “зелеными”. Те молчали и даже лесничему ничего не говорили, а более осторожные или, может быть, более напуганные находили предлог и уезжали с поселка со всем скарбом, лошадью и коровой. Да ведь лошадь и корову надо поберечь — “зеленые” могут в любой момент их забрать. Забраны же были у кого-то лошади, которыми они пользуются.

Тем временем у отца были какие-то дела в совхозе, расположенном в дальнем крае нашего лесничества. Этот совхоз (Ливенский совхоз) был организован на базе обширных садов промышленного значения, которые до Революции принадлежали нескольким помещикам. Директор совхоза был приезжий из города (г. Павловск), а его заместителем был ни больше, ни меньше, как бывший владелец одного из указанных садов помещик Иван Иванович Тушин. Он рассматривался как специалист по садоводству. Узнав от отца о наших неважных материальных делах, он предложил взять меня к себе на работу в совхоз, где я, по крайней мере, буду кормиться. Отец согласился и я перешел работать в совхоз. Я жил в здании, где жил директор с дочкой, Тушин и кухарка. Меня зачислили помощником садовника, и я с наступлением весны работал в саду, главным образом, в питомнике, но я оказался также полезным помощником директора (заведующего совхозом). Кухарка нам варила восхитительную пищу после нашей голодовки на Красном Кордоне. Совхоз был своеобразный, на его территории было всего две лошади, да и те куда-то потом исчезли. Но основу совхоза составляли крестьяне ближайшей деревни Тумановки, военнообязанные, но оставленные дома с обязательством быть рабочими совхоза. Совхоз также имел право потребовать из сельсовета лошадей или подвод.

По плану совхоз должен был заняться, кроме ведения сада, еще посадкой картофеля. Из города были получены наряды на картошку в ближайшее волостное село Ливенка. Там был склад реквизированного картофеля. Наряд был

также передан в сельсовет на подводы. В этой деятельности я участвовал: в приемке картошки, сопровождении подвод и т. д. Картошка была привезена в наш двор и сгружена в большой помещичий каменный сарай. В дальнейшем имелось в виду следующее: сельсовет выделяет рабочую силу, лошадей, плуги и бороны. Они сажают картошку в поле. Когда нужно окучевать картошку, опять сельсовет должен выделить для этого рабочую силу и т. д. В общем, насколько я понимаю, совхоз должен был осуществлять идеи Троцкого. У нас, конечно, был большой праздник, картошки много, хватит и на посев, и чтобы покушать. Добавить только соли и обеспечено прекрасное питание. Две недели мы благоденствовали: утром картошка, в обед картошка, на ужин картошка. Но вот сплю весенней ночью, я спал на диване в проходной комнате. Сплю, конечно, крепко. Но тут меня настойчиво будит кухарка: “Сережа, иди отвори дверь, я боюсь”. Я слышу резкие удары в дубовую дверь кухни и повелительные крики — “Отвори сейчас же”. Я, конечно, не боялся, меня это все не касается, пошел и открыл дверь. Входят с ругательствами несколько вооруженных мужчин, на меня не обращают внимания, мне было почти 16 лет, выглядел: я и того меньшим. Заглянул в комнату директора. Тот лежал на широкой постели со своей дочкой (лет 14), при входе бандитов судорожно схватил дочь и заслонил ею себя: “Стреляйте, мол, но только через нее”. Но бандиты только спросили его: “Ты директор?” — “Да”, — был ответ. — “Так вот, завтра чтобы твоего духу здесь не было”. И пошли к Ивану Ивановичу. Тот уже встал, крихтя, он был очень больной. “Иван Иванович”, — сказали они, — “мы прогнали директора, будьте Вы директором”. Иван Иванович молчит. Бандитов было трое, двое ушли, один остался с винтовкой и стал изучать старые журналы, которые были в буфете. Через пару часов его позвали, он ушел. Латышка закрыла засов и я лег спать. Но рано утром меня разбудил пронзительный крик латышки: “Картошки нету”. Я немедленно встал, побежал в сарай. Действительно, картошки только на полу разбросано, разве что на мешок. Директор с дочкой исчез.

Видимо, наши вооруженные гости приехали с крестьянами на подводах, и, пока с нами велись разговоры, те погрузили на своих подводах картошку и увезли. Не знаю уже куда, в лес или домой. Так окончился план посадки картофеля.

Вот еще случай. Я, находясь на дворе, услышал выстрелы и выбежал за ворота. Передо мной на некотором расстоянии по дороге мчались дрожки с мужчиной, усиленно погонявшим лошадь, а вслед ему бежали и время от времени стреляли двое парней. Лошадь быстро везла всадника, но как раз тут на пути был крутой подъем и на этом подъеме всадник был убит. Парни подбежали к труп, раздели, оставив только нижнее белье. После этого белье два дня белело на косогоре, хотя тут же недалеко шли люди, которые боялись даже подойти к месту убийства.

Это, конечно, было чисто политическое убийство. Мы слышали, что в это время в Клеповке как только появлялся очередной председатель волостного совета, немедленно его убивали. В деревнях, ближайших к лесу, никакой власти не было, власть исходила из леса.

Пока я жил в совхозе, каждую субботу ходил домой в Красный Кордон и возвращался в понедельник. Идти надо было лесом 9 километров. Боязни у меня не было никакой.

Был случай, когда я наткнулся на небольшой кавалерийский отряд, отдыхавший на лесосеке. Люди были разнообразными и притом очень шикарно одеты и вооружены. Высокие сапоги тонкой кожи, галифе, кожаные куртки, револьверы. Были такие, что заметили меня, но никак не реагировали. Я поспешно прошел скорее мимо. Видимо, это был заезжий в лес отряд. Надолго ли они оказались в Шиповом лесу, не знаю.

Теперь я знаю, что в это время далеко на западе шла война с поляками. Наши военные силы были сконцентрированы там. На местах власть ослабла, в наших краях она держалась в городах и городках и то не везде, ведь рядом с Воронежской губернией, в Тамбовской губернии было большое восстание, охватившее не только деревни, но и города. Похоже, что у нас были отголоски Тамбовского восстания. Когда это восстание подавляли приехавшие с польского фронта войска (после окончания войны с Польшей), лидеры восстания где-то должны были прятаться — в леса прежде всего.

Оказывается, в мое отсутствие на Красном Кордоне наш дом ночью несколько раз посещали вооруженные “зеленые”, злобно разговаривали с отцом, требовали открыть железный шкаф, забрали кольт, но почему-то ничего не грабили.

В последний раз, незадолго до смерти, отец посетил совхоз. Его привез пузевский крестьянин по наряду — лесничество тоже могло потребовать от Пузевского совета дать ему для служебных надобностей подводу.

Отец был мрачный, говорил, что после смерти сыновей ему надо уехать из Шипова леса, говорил, что в городе (г. Павловск) в уездном земельном отделе ему рекомендовали временно не жить на Красном Кордоне. Но отец не мог себе представить, как это он может оставить на произвол судьбы метеорологическую станцию. Он не знал, что этим он ее все равно не спасет.

Он еще сказал, что он озабочен тем, что я болтаюсь по лесам и совхозам и не получаю среднего образования. Поэтому он договорился с директоршей Павловской семилетки (бывшей гимназии), что я приеду в августе в Павловск к ней, буду у нее жить и сдавать экзамены экстерном за семилетку.

Мое житье у директорши было уже обеспечено, потому что отцу удалось через своего коллегу, лесничего Павловского лесничества, обеспечить директоршу дровами на зиму.

В то время советские семилетки только вводились, первые советские семилетки — это царские гимназии, в которых срок обучения был 7–8 лет, поэтому окончание семилетки было в то время достаточно престижно.

С этим отец распрощался. Это было последнее прощанье, потому что вскоре в совхоз приехала подвода из Пузева и возница мне сказал: “Садись, будешь хоронить своего отца”.

Возница вез меня по Пузеву к церкви. Но не доезжая до церкви, я встретил похоронную процессию с гробом моего отца. За гробом шли мать, некоторые из нашего поселка. Я запомнил только лесника Кулешова. Жители испуганно выглядывали из своих дворов. Расхаживали солдаты красноармейцы. Оказывается, мать уже не живет на Красном Кордоне, ее поместили в доме священника, он отпевал отца.

Оказывается, дело было так. В яркий солнечный день к дому лесничего подъехала тачанка с несколькими вооруженными “зелеными”. Застав дома отца, они потребовали

открыть железный шкаф, из которого на этот раз забрали все бывшие там деньги. На этот раз они взяли все, что увидели из одежды и обуви, у моей матери выкрутили с пальца золотое обручальное кольцо. Схватили отца, посадили в тачанку и увезли в лес по боковой тропе.

Жители поселка Красный Кордон немедленно убрались с поселка с первоочередным скарбом и захватили с собой мою мать с сестренкой Лелей. В Пузеве в это время была только что прибывшая туда войсковая часть (войска Чека). Начальнику об этом доложили, но он не решился послать солдат ловить по пятам бандитов. Единственно, он приказал, чтобы мою мать устроили жить у священника и даже тут же выдали матери в качестве соболезнования какую-то одежду.

Все на целую неделю затихло, а я в это время ничего об этом не знал. Однако, независимо от этого, из Пузева по лесу бродило много девушек и мальчишек, собиравших в лесу всякую зелень и коренья на зиму, которая явно должна была быть голодной. И вот представьте себе, что в одном диком заросшем овраге они наткнулись на труп, уже разлагающийся с отрубленной рядом лежащей головой. Труп раздетый, сохранились лишь подштаники. Именно по ним мать узнала, что это тело отца. Дети сказали об этом старшим по секрету. Еще прошла пара дней, пока этот секрет дошел до уха начальника войсковой части. Тут уже начальник послал на место убийства сильный отряд солдат, которые и привезли останки моего отца в Пузеве. Воинская часть вскоре сменилась, девушек, нашедших тело, я не знал и, таким образом, мне на многие годы осталось неизвестным место убийства.

К моей матери Павловские власти отнеслись с большим участием. Было приказано дать ей должность заведующей Детским домом в слободе Воронцовке, дали также там комнату в доме Воронцовского прасола (торговца скотом). Я там тоже некоторое время жил.

В это время во многих семьях люди голодали. Специально для детей советская власть находила продукты, чтобы их подкармливать. В Воронцовке для этой цели был организован Детский дом. Дети жили дома и приходили в детдом, чтобы раз в день покушать. Приходили заранее, чтобы не

упустить момент раздачи пищи. В большом котле варилась затирка — разведенная в кипятке мука. Туда добавлялась ... соль и изредка мелкие кусочки мяса, когда оно было. Пока все это варилось, дети бегали возле кухни. Были еще руководительницы — молодые девушки, которые должны были проводить с детьми занятия. Но не всегда эти занятия удавались — все внимание концентрировалось около котла. Самих девушек тоже можно было чаще видеть сидящими подле котла на кухне. Ели затирку в жестяных мисках деревянными ложками.

Все ели, и дети, и их руководительницы, давали и мне. После этого дети разбежались по домам.

Но все равно меня тянуло на Красный Кордон, и я пришел туда, хотя, например, воинские части, концентрировавшиеся по деревьям вокруг леса, заглядывать в лес еще боялись. Поселок абсолютно пустой — никто не живет. Я пошел на метеостанцию. Она полностью разбита — лежат осколки стекла и металла, почвенные термометры вынуты из земли и тоже разбиты. Я пошел в Опытную лабораторию. Все приборы, которые там были, полностью разбиты. Все записи обмеров разорваны и рассыпаны, Я разрыдался и, рыдая, стал собирать записи, некоторые из них именно я заполнял, работая на лесосеках. Я долго думал о том, что здесь произошло. И сейчас думаю. И вот к чему я пришел, хотя это подтвердить свидетельствами не могу.

Теперь я знаю, где произошло убийство — об этом будет идти речь дальше. Там густой дубовый лес, небольшая полянка, а рядом с ней начало лесного оврага. В общем, дикое место.

Какой-то начальник — скорее всего интеллигентный офицер, послал своих ребят за моим отцом, а когда привезли его на поляну, сказал, примерно: “Казнить его”. И казак повел моего отца к краю оврага, конечно, раздел его предварительно и отрубил ему голову. И потом начальник подумал и послал своих ребят опять на Кордон разбить метеорологическую станцию.

Я хочу сказать, что в Шиповом лесу были всякие “зеленые”, в том числе пузевские крестьяне. Но крестьяне не стали бы отрубать голову человеку. Это сделал кавалерист, скорее всего казак, он как раз обучен отрубать головы. Я

сам видел в Сувалках, как обучали на чучелах кавалеристов отрубать головы. При этом был еще, конечно, начальник, который приказал казаку отрубить голову моему отцу.

Далее, окружающие Шипов лес крестьяне, очень уважали Красный Кордон за его метеорологическую станцию. Крестьяне всегда спрашивали жителей Красного кордона: “Какая будет погода, что там ваши приборы говорят?” Не стал бы крестьянин разбивать приборы. Это тоже сделано по приказанию интеллигента, который просто хотел навредить Советской власти, а то, что эта станция принадлежит народу — этого интеллигент никогда не понимал.

Я прошел по боковой тропе от Красного Кордона мимо вышки. Если бы я прошел по ней до конца, то, может быть, и сам бы догадался, где моего отца убили. Впрочем, скорее всего меня бы там убили.

Когда я жил в Воронцовке с матерью, меня однажды позвали в один дом. Оказалось, профессор Иванов приехал из Воронежа к своей теще в Воронцовку и хочет видеть меня. Я все ему рассказал, и он заинтересовался теми записями, которые я собрал в разбитой лаборатории.

В другой раз я принес ему эти записи. Он особенно заинтересовался теми записями, которые относятся к упомянутому выше обмеру дубков на лесосеках типа Корнаковского. Я только сейчас, когда пишу эти строки, понял, что эти записи отдал в лучшие руки — человеку, который задумал данную тему и осуществил ее начало, при его участии заложены лесосеки. Потом, при моем отце, были сделаны обмеры по этой теме в 1918, 1919 годах и, возможно, в 1920 году. Эти первые обмеры по теме я передал Иванову. Если бы Иванов пожелал, то он мог бы эти обмеры продолжить в последующие годы. Он мог бы послать для этого своих студентов. Они все равно непрерывно ездят в Шипов лес, чтобы сравнивать качества шиповских и челябинских дубов.

Побыв в Воронцовке, я решил вернуться в совхоз. Пошел пешком из Воронцовки через Пузево, Чернавку, далее по междулесью, отделяющему Шиповское Опытное лесничество от Шиповского лесничества. Это были помещичьи земли, пока крестьяне их не обрабатывали. Жарко, сухо, пустынно, польнь. Вдруг на повороте вижу: идут напротив меня два человека с винтовками. Если бы они меня не увидели, я, возможно, бы спрятался. И мы встретились. Ты что,

сын лесничего?, — спрашивает одни из них. Да — отвечаю. Откуда-то они меня знают. Скорее всего, присутствовали при казни отца, а, может быть, и участвовали в ней, а я на отца похож. “Ты что из Пузева?” — “Да”, — говорю. — “А в Пузеве есть солдаты?” — “Есть”, — говорю. “А сколько?” — “Не знаю?” — “Ах, как ты не знаешь? — кричит один из них. — Я тебя застрелю, так узнаешь”. И направил на меня винтовку. Тут страх меня обуял. Но второй говорит: “Брось стрелять в мальчика”. И они меня отпустили. Я явился к Ивану Ивановичу и тут же заявил ему, что больше в совхозе работать не буду. Больше рисковать жизнью между бандитами я не желаю. Кроме того, сейчас август и я должен ехать в Павловск сдавать экзамен за семилетку. Иван Иванович с большой жалостью отпустил меня. Мы ведь с ним сблизились. Он был в это время сильно болен сердцем, с трудом передвигался в пределах комнаты. В детстве ему досталось поместье по наследству, и он бросил учиться. Занимался садоводством и вырастил большой плодовый сад промышленного значения. Был еще он большой любитель-охотник в Шиповом лесу и на воронежских полях (за перепелами). Он был не лишен писательского таланта. Теперь уже писать ему было трудно и я писал под его диктовку.

Напоследок мне были даны поручения в городе Павловске (на Дону) в Управление совхозов, и потому была выписана для меня в сельсовете подвода.

Ехать надо было 30 километров. Всю дорогу шел дождь. Перед Павловском был совхоз, и мы там остановились переночевать. Это был настоящий совхоз, не такой как наш, с большим количеством лошадей. Так что мой возница пристроил свою лошадь к совхозным лошадям, а сам куда-то ушел ночевать. Мне осталось только лечь на свежую траву в корыто, из которого ели эту траву лошади. Я — совершенно мокрый и продрогший — не столько спал, сколько беспокоился о том, что мое ухо будет откушено лошадью вместе с травой, которую она хрумкала. Утром и вечером в этом совхозе варили большой котел с затиркой для рабочих. Подходило к котлу много мальчишек и девчонок и им всем безоговорочно затирку давали. Но в то же время, я заметил, что мальчишки с готовностью помогали взрослым в их делах. Водили коней поить, возили, может быть, косили траву, раскладывали траву по корытам.

В городе, в Управлении совхозов, я выполнил все порученные мне дела. В частности, для штата нашего совхоза получил масло, муки 20 фунтов в месяц на человека. Для сравнения скажу, что лесные работники тоже иногда получали паек из уезда, но нам давали 5 с четвертью фунта муки в месяц. Фунт — 400 граммов. Получил и зарплату на всех и все это передал через возницу Ивану Ивановичу, распрощавшись с совхозом навсегда.

Я помню, что моя зарплата была 1200 руб. в месяц. При выходе из Управления, я купил за нее маленькую лепешку.

Я прошел экзамены и, получив документы об окончании семилетки, вернулся в Воронцовку, а оттуда вскоре мы уехали с матерью в Чернигов. Леля уехала туда раньше со старшими сестрами.

Чтобы закончить эту часть моей эпопеи, скажу в нескольких словах, как закончилась “зеленая” эпопея в Шиповом лесу.

С лета 1921 года в деревнях, окружающих Шипов лес, появились регулярные воинские части с целью борьбы с бандитами. Некоторое время они не решались проникать в лес или же проникали в определенных его местах сильными отрядами, как, например, когда надо было вынести тело моего отца, из лесных дебрей. В это время часть “зеленых”, конечно, вышла из леса и ассимилировалась с населением. Но были и оголтелые, преимущественно из тех, которые явились в лес издали, среди них, похоже, были политические резиденты — офицеры, старавшиеся возглавить лесное движение. Им некуда было деться, и они действовали до конца, осуществляя явно вредительскую деятельность. Разгром метеостанции есть пример. Она стояла на видном месте чистенькая, беленькая, с блестящими серебристыми приборами. Около нее суетились озабоченные люди. Ясно, что эти люди работают на Советы и преданы им. А то, что эти люди работали с благородными помыслами, не зависящими и от красных, и от белых, этого эти “интеллигенты” не понимали и приказывали разбить станцию на кусочки, отрубить голову ее начальнику. Так я обо всем этом думаю уже сейчас.

Осенью указанные воинские части вошли в лес и до конца уничтожили находящихся там “зеленых”. А чтобы все получилось подчистую, было организовано даже следующее мероприятие.

В один прекрасный день со всех деревень, близких к Шипову лесу, была собрана молодежь — девушки и юноши. Из них образовали длинную цепь, которую заставили пройти через лес, а сзади за этой цепью продвигались отряды красноармейцев.

Пострадали ли какие — либо девушки, или мальчики на пути этого странного движения через густые чащи дубового леса, я не знаю. И вообще, конкретно не знаю результатов этого своеобразного мероприятия. Скорее всего, оголтелые лидеры “зеленого” движения прекрасно знали об этом готовящемся мероприятии и заблаговременно убрались в Донские степи или на север в густые воронежские леса. Было время, когда им пришлось убраться откуда-то и спрятаться в Шиповом лесу. Теперь настало время убраться из Шипова леса.

Я не стал лесоводом, а сделался математиком, даже профессиональным ученым-математиком, но лес я люблю, и под Москвой, где я живу 60 лет, исходил по лесам многие километры. Я всегда вспоминаю о Шиповом лесу и, когда стал постарше, решил посетить его.

В первый раз, это было в 1978 г. я несколько дней побывал на Красном Кордоне вместе с доцентом МГУ А. М. Полосуевым. Я обнаружил новшество: главенство лесхозов над прочими аспектами лесного дела и постепенное отмирание лесного опытного дела в Шиповом лесу.

Метеорологическая станция так и не восстановлена. Люди, которые убили моего отца, убили и метеорологическую станцию в Шиповом лесу навсегда. Казалось бы, что на восстановление метеорологической станции на Красном Кордоне должны были обратить внимание метеорологические центры, ведь это дело, в общем, получило громадное развитие. А вот на Красном Кордоне оно замолкло.

Я посетил Тумановку. Помещичьих домов теперь нет. Были среди них другие фундаментальные каменные постройки. Тех тоже нет — явно разобрали на кирпичи. Громадная территория садов сохранилась очень своеобразно. При моем приезде она служила пастбищем для скота. Оказывается, про наш совхоз (Ливенский совхоз) никто не помнит. Помнят, что была коммуна, а не совхоз, которая просуществовала несколько лет и потом рассыпалась. Но

совхоз был и я в нем работал. Сопоставляя факты, я прихожу к выводу, что вскоре после моего уезда совхоз действительно был ликвидирован. Ведь он уже при мне был без рабочего скота, со своеобразным штатом рабочих. Совхоз, видимо, был ликвидирован и на его базе, точнее, на базе садов и помещичьих зданий вместо него была организована коммуна, которая тоже скоро рассыпалась.

Возникший затем колхоз доконал сады и превратил их территорию в пустыню, а здания разобрал на кирпичи. Видимо, там скот мог пасти кто угодно и как угодно. Кое-где сохранились яблони, несмотря на то, что более чем полстолетия мальчишки нещадно сбивали с них яблоки палками и камнями. Я воочию убедился, что культурная яблоня может прожить сто лет, находясь многие годы в абсолютно некультурных условиях, и продолжать при этом давать яблоки.

Я, конечно, посетил самый замечательный дуб в Шиповом лесу, но тогда я так и не знал, что в этих местах совсем близко было место убийства моего отца.

Как же я узнал? До невозможности случайно. Если бы я не был математиком, то не узнал бы.

В Воронеже давно уже существует сильная математическая школа (коллектив ученых-математиков). По инициативе профессора Воронежского государственного университета Селима Григорьевича Крейна эта школа давно уже организует периодически математические научные конференции.

Мы с Селимом Григорьевичем давно знакомы, и он постоянно приглашал меня принять участие в этих конференциях. Я говорил: “Да, да, конечно, постараюсь приехать. Тем более, что я некоторым образом воронежец, ведь я всю Гражданскую войну прожил на юге Воронежской губернии, где мой отец был лесничий в Шиповом лесу”. Такие разговоры у нас происходили часто. В конце концов я стал ездить на конференции, но уже позднее.

Второе обстоятельство заключается в том, что Селим Григорьевич в прежнем был профессор Воронежского лесного института и имел квартиру от этого института, а напротив его квартиры была квартира профессора Лесного института Михаила Михайловича Вересина.

Крейн и Вересин общались друг с другом. Вересин из этого общения узнал, что есть такой-то математик Никольский и его отец был лесничим Шиповского Опытного лесничества и там отец был убит.

У Михаила Михайловича Вересина мелькнула в памяти искра, и он написал мне письмо в Москву, что вот, мол, я позднее Вашего отца, в тридцатые годы, работал в Шиповском опытном лесничестве. Я могу организовать туда экскурсию, и мы о многом сможем поговорить. Я с радостью согласился, приехал в назначенное время в Воронеж, и мы поехали на Красный Кордон на прекрасном пикапе. Этот пикап организовал нам начальник Воронежского областного управления лесного хозяйства Владимир Алексеевич Горохов. Нам даже по распоряжению Горохова были на Красном Кордоне отведены какие-то особые комнаты, которые были созданы в свое время по случаю приезда на Красный Кордон американских лесоводов.

Но вот, мы пошли с Михаилом Михайловичем в лес, как раз по той боковой тропе, которая раньше шла мимо вышки, но только подальше. Пересекли новую прямую дорогу, соединяющую Красный Кордон с Воронцовским лесхозом. Этой дороги не было при мне. Вскоре достигли небольшой безлесой площадки, окруженной густым лесом. А рядом с этой площадкой, в 10 шагах, начинающийся лесной овраг со склонами, покрытыми подлеском. Место дикое, мрачное.

И вот Михаил Михайлович говорит: “Здесь порешили Михаила Дмитриевича Никольского, на этой полянке его судили и тут же в овраге отрубили голову”.

Я это узнал, говорит, от лесника Кулешова в тридцатые годы, когда я был тут помощником лесничего. Мы с Кулешовым были в этих местах, и вот Кулешов мне говорит: “Пойдемте, Михаил Михайлович, сюда, в сторонку, я Вам покажу место, где нашего лесничего убили”.

Лесника, Кулешова, я знаю, он при нас работал на Красном Кордоне. Он тогда мне казался старым человеком.

Помню, как на другой день после похорон отца, он звал меня к себе обедать и мы ели какую-то тюрю из тыквы без хлеба. Он смотрел на меня с большим состраданием и молчал.

Но вот еще что М. М. Вересин мне рассказал. Он говорит, что Кулешов, показывая ему это лобное место, несколько

разоткровенничался и рассказал ему, что эти места входили в его обход лесника. Я, говорит, не так часто любил ходить в эти места. Порубок здесь не может быть. Но для порядка решил заглянуть. А тут какие-то ребята вооруженные меня схватили и привели на полянку, где горел костер и пировали лесные ребята. “Ребята вместе с начальником стали издеваться надо мной, — говорит Кулешов, — стали требовать, чтобы я станцевал, потом заставили петь петухом, лаять и т. д. И я все исполнял как мог, а они хохотали”. Потом они сказали, что расстреляют его. Направляли на него винтовки, командовали “пли”, но не стреляли. В конце концов Кулешов надоел им и они его отпустили, но предупредили, что он будет расстрелян, если расскажет кому-либо о том, что здесь происходило.

Кулешов молчал 10 лет. И вот теперь только рассказал Вересину. Кулешов сразу тогда уехал со своей семьей в деревню, откуда он происходил, но в тридцатых годах он уже был снова на Красном Кордоне. Исконный лесник без леса жить не может.

Еще мы с Михаилом Михайловичем раза два приезжали в Шипов лес. У нас были интересные разговоры, главным образом, о лесе.

У него были участки молодого леса, выросшего из культур, которые в свое время были посеяны под его руководством. И теперь он очень тщательно изучал то, что получилось. Мои же мысли направлены на вопросы восстановления леса в целом.

М. М. Вересин горячо любил лес и глубоко понимал его как ученый. Ему принадлежит много научных работ, посвященных лесу. Он также имел и писательский талант. Ряд его произведений имели также и поэтический эффект. У него есть статья в лесном журнале, посвященная деятельности моего отца и гибели его в Шиповом лесу. Когда мы были на Красном Кордоне, всегда рядом с нами жили молодые специалисты из Воронежского лесного института. Многих их привлекает участок Шипова леса под Ливенкой, на котором в начале XX столетия, а, может быть, даже в конце XIX столетия посажены дубы из разных российских лесов — Челябинские, Орловские и т. д. вместе с Шиповскими. И

сейчас эти дубы тщательно обмеряются и сравниваются, хотя, по правде сказать, видно и без обмера, что шиповские лучше всех и при том значительно лучше.

Михаилу Михайловичу Вересину принадлежит главная инициатива в организации официального памятного знака на месте гибели моего отца. Начальник Воронежского областного лесного хозяйства Владимир Алексеевич Горохов и директор Воронцовского лесхоза Николай Алексеевич Быков в конкретном решении этого вопроса сыграли, конечно, решающую роль, а Н. А. Быков организовал этот памятный знак моему отцу в виде большой двухтонной громадной гранитной глыбы, на которой вделана металлическая доска, на которой выбита надпись: “Здесь был убит в июне 1921 года бандитами контр-революционерами лесничий Шиповского лесничества Михаил Дмитриевич Никольский”.

Гранитная глыба привезена из павловских каменных карьеров и водружена, на самом деле, на расстоянии 200 метров от действительного места убийства отца, но зато этот памятник стоит на ходкой лесной дороге, соединяющей Воронцовский лесхоз с Красным Кордоном, являющейся в настоящее время одной из главных магистралей Воронцовского лесхоза. На этой магистрали на расстоянии одного километра стоит дуб, специально отмеченный как самый замечательный идеальный дуб Шипова леса. К этому дубу постоянно приезжают экскурсии, нередко из дальних мест, а по пути они останавливаются также и у памятника.

Шипов лес рубили и сейчас рубят. Многие его площади заняты подрастающим порослевым лесом, в меньшей пока степени лесом, возникающим из лесных культур. Но есть куски заповедного леса, в которых систематическая рубка воспрещена.

Памятник и замечательный идеальный дуб как раз находятся на одной из таких заповедных территорий непосредственно вблизи Красного Кордона. На этом участке растут рядом друг с другом величественные дубы — корабельные, — как говорили раньше. Возраст их больше чем 200 лет. Так как это заповедное место, то, может быть, они доживут и до 300 лет, как это было во времена Петра. Они правда большей частью порослевые и в этом смысле их возраст $300+200=500$ лет. Но они пока, слава Богу, не выродились — мощные, прямые с эластичной древесиной.

Памятник официально был открыт летом в 1988 году. Я приехал сначала в Воронеж вместе со своей внучкой Екатериной, тогда студенткой МГУ. К поезду меня пришли встречать В. А. Горохов и М. М. Вересин. На другой день мы поехали в Шипов лес и точно к назначенному сроку подъехали к месту, где стоял памятник. Собралось несколько десятков лесных работников с Воронцовского лесхоза и Красного Кордона: женщины, секретарь Райкома партии, ответственный представитель Павловского Райсовета. Горохов, открывая памятник, напомнил, что Ленин в свое время издал специальный декрет, в котором подчеркивалось, что надо беречь лесничих, потому что они являются проводниками связи Центра с местами и, в то же время, они, действуя в глубинах страны, часто подвергаются большой опасности для своей жизни. Эти слова Ленина, конечно, справедливы. К этому хочется добавить, что лесничий, и вообще лесной работник, начиная с лесника, постоянно печется о государственном, а по существу, народном добре, каким является лес, и благородство их деятельности проявляется в том, что они думают о том, чтобы лесу было лучше через 100 лет.

Я, конечно, выступил, благодарил и отметил, что моего отца конечно убили не крестьяне, а пришлые в Шипов лес бандиты.

Хочу еще сказать, что к моменту рассказанного открытия памятника действовало постановление нашего последнего советского властителя Горбачева о ликвидации по всему СССР алкогольных напитков. Но в Москве окончательное исполнение этого постановления задерживалось и я этим воспользовался, и привез из Москвы некоторое количество вина для угощения, если не всех, то некоторых пришедших в лес на открытие памятника. И это оказалось очень кстати, потому что все население Павловского района Воронежской области к этому времени уже всенародно постановило, что оно больше пить не будет. Но данное собрание было настолько глубоко торжественным, что присутствующие на нем не могли не позволить себе действовать как им подсказывает русский обычай.

С тех пор я приезжаю на Красный Кордон систематически через один-два года на несколько дней, чтобы постоять около памятника и чтобы посмотреть, что делается и что делают с Шиповым лесом. Дубы в заповедной его части, где

находится памятник, теперь уже имеют возраст, превышающий 200 лет — они стоят живые, могучие, величественные, но есть, конечно лесосеки разных возрастов с буйствующей порослью. Пока, так или иначе, лесники помогают поросли, освещая ее как они говорят, т.е. очищая лучших ее представителей от их менее удавшихся собратьев.

Культуры (посадки семенного леса) тоже, конечно, ведутся. Но проблема культур, если иметь в виду весь Шипов лес, не решена. У меня есть книжка “Шипов лес”. В ней собраны подробные количественные данные по годам о посадках культур на территории Шиповского Опытного лесничества, часто не только посадки, но и их обмеры и т.д. Особо отличаются совсем небольшие куски леса, где культура благополучно доведена до конца и там растет прекрасный сплошь семенной дубовый лес. Но там же, в этой книжке (изданной в 30-х годах), написано, что в основном лесные культуры, произведенные в конце XIX столетия, погибли. А в прошлом XX столетии условия для воспитания лесных культур были очень плохи.

Для ведения лесных культур требуются средства и при том постоянно поступающие средства. Прекращение поступления средств на несколько лет ведет к гибели уже имеющихся лесных культур.

А XX столетие пережило японскую войну, революцию 1905 года, первую и вторую мировые войны, гражданскую войну, коллективизацию, перестройку. Куда уж тут до лесных культур?

Сейчас я уже много лет, как познакомился и сблизился с директором Воронежского лесхоза Николаем Алексеевичем Быковым, кандидатом лесных наук. Николай Алексеевич возглавляет, в частности, Красное лесничество, так переименовано теперь уже бывшее Шиповское опытное лесничество.

Я уже говорил, что Николай Алексеевич Быков является одним из основных организаторов памятного знака моего отца.

Когда я приезжаю в Шипов лес, он весьма приветливо встречает меня и устраивает жить на Красном Кордоне. Должен буду сказать, что пребывание там становится все более и более комфортабельным. “Американские комнаты”,

в которых мы помещались при Горохове и Вересине (теперь уже покойных) бледнеют перед новыми помещениями.

Когда я приезжаю, Николай Алексеевич обязательно возит меня по Шипову лесу, по местам, которые я обходил пешком, будучи мальчишкой. Судьбу Шипова леса мы, конечно, тоже много обсуждаем. Хотя я понимаю, что это беседы вежливого профессионала-лесника с непрофессионалом — только любителем леса.

В последние годы Николай Алексеевич задумал осуществить посадки лесных культур на существенно больших площадях Шипова леса. Но он не только задумал, но сейчас осуществляет в жизни эту задумку. Для этого нужны значительные материальные средства; он, как директор лесхоза, находит их из средств управляемого им лесхоза. И это самое главное, дальше уже правильно израсходовать эти средства — для этого нужен хороший организатор и понимающий лесовод.

Эти качества у Николая Алексеевича есть. Дай Бог ему успехов в этой благородной деятельности, дай Бог долгой жизни и работы около этого дела. Уж дубки-то в этом деле очень заинтересованы — прекратите эту деятельность на несколько лет и все погибнет. Начинайте сначала.

Хочу еще сказать, что я свои поездки в Шипов лес осуществляю через Воронеж. Приезжаю из Москвы в Воронеж поездом, а затем еду 150 километров до Шипова леса на автомашине, которую любезно мне предоставляет профессор И. А. Киприянов, я ему очень за это благодарен. Ведет машину Лев Николаевич Ляхов — доцент Воронежского Технологического института, и мы с ним несколько дней пребываем на Красном Кордоне. Приезжала со мной моя дочь Наташа — доцент Московского университета нефти и газа и ее дочери, мои внучка Катя и Аня. Нередко свои приезды в Воронеж я использую участием в математических конференциях, систематически там устраиваемых.

Река Осередь — левый приток Дона. Она начинается где-то возле Бутурлиновки, течет примерно 60–70 километров с северо-востока на юго-запад и впадает в Дон в городе Павловске-на-Дону. Возле нее шел большак, а теперь это — благоустроенная асфальтовая дорога. Левее реки Осередь на юг распространяются степи, а правее вдоль реки шириной 10–12 километров тянется Шипов лес.

Когда Петр явился на эти места после первых его азовских битв с турками, он застал здесь, по-видимому, очень редкое население. Жители, конечно, должны были быть. Как-никак плодородная долина, и есть возможность спрятаться под сенью Шипова леса от нашествий кочевников и татар. Наши русские допетровские крепости располагались несколько севернее этих мест. Они шли с запада на восток на уровне железной дороги, идущей от Валук через Лиски на Тамбов.

Я уже писал, что Петр для работ в Шиповом лесу перевез из Орловской губернии партии крестьян, которые были расселены в верхней части реки Осереды (Гвазда, Кленовка, Пузево, Чернавка). Не знаю, почему эти поселения не были произведены ближе к Павловску, там тоже тянется Шипов лес.

Вторая волна заселения этих мест произошла уже после Петра — во времена Елизаветы и Екатерины. В верхней части реки Осереды появилась большая слобода Бутурлиновка, ниже Пузева, тоже немаленькая слобода Воронцовка, дальше, ближе к Дону, — села Александровка, Петровка, Елизаветовка. Названия этих селений говорят, что они произошли от имен наших графов и генералов. Интересно, что все люди этих селений имеют украинское происхождение. Так что наши пузевцы, когда я там жил, называли воронцовцев хохлами, а воронцовцы пузевцев — москалями. И они не очень тогда роднились между собой. Если воронцовец женился на девушке из Пузева, то воронцовцы такую семью называли “перевертнями”. Такие семьи были исключениями.

Дело в том, что в XVIII веке, в особенности во времена Екатерины, цари непосредственно распоряжались в этих местах обширными пустующими землями и когда надо было наградить за государственные заслуги какого-либо генерала или графа, им давались большие куски этих земель, а в придачу еще крепостных крестьян из Украины. Эти крестьяне были в свое время крепостными польских магнатов, а теперь они тоже оказались крепостными Российского государства.

И вот эти крестьяне, жившие, может быть, в Полтавской губернии, садились со своими семьями и скарбом на

телегах, приезжали на новые черноземные места и образовывали большие селения. Так получились Бутурлиновка, Воронцовка, Петровка и т. д. А в аспекте всей реки Осереда получилось чересполосное население — одно село москали, а другое село рядом — хохлы.

Интересно, что и дальнейшая судьба жителей этих разношерстных селений была в известной мере различна, в особенности, после освобождения в 1861 году крестьян от крепостного права.

Русские пузевцы были государственными крестьянами. А когда их освободили от “крепости”, они сделались свободными крестьянами, живущими на достаточно приличных по размерам наделах плодородной земли. Воронцовцев же и бутурлинцев освободили, но не прибавили им земли.

После освобождения от крепостного права эти крестьяне остались при своих маленьких участках, которые они имели при помещиках. Им оставалось быть батраками у этих помещиков, многие из них сразу занялись ремеслами. Например, Бутурлиновка превратилась в город сапожников, а воронцовцы стали подвизаться на производстве изделий из древесины Шипова леса (колес, телег, домашней утвари). Когда пришла Революция, воронцовцы были более революционны, чем пузевцы. Воронцовцы в результате Революции получили землю, а пузевцы остались при своей земле. Во время гражданской войны эта разница очень чувствовалась. В особенности, в моменты перемены власти.

Не знаю зачем я об этом пишу. Я не историк, но в то же время любитель русской истории, желающий поточнее узнать как возникала и расширялась Российская государственность на новых местах нашей обширной страны.

После 1921 года я уже не жил в этих местах.

Что касается Шипова леса, то он довольно сильно рубился в начале Революции. Про пузевцев я уже говорил, как они в 1917 году заполучили немалую толику леса. Воронцовцы тоже заполучили. Они просто вырубали принадлежавший им кусок Шипова леса. Незадолго перед этим Воронцовская Община приобрела у графов Воронцовых этот кусок. Теперь уже на этом месте растет 80-летний порослевой лес.

В последнее время моих приездов на Красный Кордон, ставший теперь центром Красного Лесничества, я все больше сближаюсь с лесничим этого лесничества Николаем Тимофеевичем Седых. От него я узнал многое об истории и перспективах любого участка и уголка Красного Лесничества. А знаток этого леса он большой — к высшему лесному образованию надо добавить, что он родился подле этого лесничества (в Тумаковке) и бегал по нему еще мальчишкой. Его жена Тамара Васильевна заведует средней школой в с. Пузеве, куда я тоже систематически заглядываю в связи с моими математическими школьными учебниками.

Основная цель моих посещений Шипова Леса — постоять у памятника отца, узнать как растет Шипов лес, побывать в местных школах.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адамар Жак 101
Акушский Израиль Яковлевич 42
Александров Александр Данилович 6, 24, 27, 32, 92
Александров Анатолий Петрович 77, 97
Александров Павел Сергеевич 3, 5, 8, 9, 24, 43, 44, 51, 53–55, 68, 88, 96, 106, 109, 111, 113, 116
Андропов Юрий Владимирович 67
Аносков Дмитрий Викторович 117
Аня, внучка 150
Арнольд Владимир Игоревич 54, 61, 91
Аткинсон 55
Атья Майкл Фрэнсис 90
Ахиезер Наум Ильич 45, 46, 54
Бабенко Владислав Федорович 53, 82
Бари Нина Карловна 22, 23
Бахвалов Николай Сергеевич 66
Бердышев В. В. 119
Бермант Анисим Федорович 42, 43, 49, 111
Бернштейн Сергей Натанович 45, 46, 47, 48, 55, 84
Бесов Олег Владимирович 48, 62, 63, 73
Бицадзе Андрей Васильевич 74
Благодатских Виктор Иванович 117
Боголюбов Николай Николаевич 51, 65, 71, 84, 92
Бокштейн Мейер Феликсович 6, 11
Болибрух Андрей Андреевич 97
Борель Эмиль 69
Бочкарев Сергей Викторович 74, 78
Боярский Богдан 82
Брежнев Леонид Ильич 98
Брудный Юрий Абрамович 102
Бугров Яков Степанович 69
Буренков Виктор Иванович 74
Буслаев Виктор Иванович 98
Быков Николай Алексеевич 147, 149, 150
Вавилов Сергей Иванович 40, 101
Васильев Виктор Анатольевич 97
Векуа Илья Несторович 57, 58
Великин В. Л. 53
Вересин Михаил Михайлович 144–148, 150
Виноградов Иван Матвеевич 7, 9, 24, 41, 43, 44, 54, 58, 59, 61, 65, 75, 77–79, 92, 98–100, 103, 104, 106, 110, 112, 115, 116
Владимиров Василий Сергеевич 59, 68
Волков Евгений Алексеевич 62, 74, 87
Вольперт А. Я. 8
Гагаев Борис Михайлович 24, 31
Гамкрелидзе Реваз Валерианович 61
Гельфанд Израиль Моисеевич 9, 24, 25, 29, 34, 99
Гельфонд Александр Осипович 24, 31, 46, 47, 84
Глаголев Николай Иванович 59, 105, 112
Гнеденко Борис Владимирович 9, 22, 23, 101
Гончаров Василий Леонидович 45
Горбачев Михаил Сергеевич 148
Гордон 110

- Горохов Владимир Алексеевич 145, 147, 150
Гохберг Израиль Цудикович 31
Делоне Борис Николаевич 6, 24, 29, 34, 36, 37, 41, 83, 100
Делоне Николай Борисович 37
Деникин 131
Дзядык Владислав Кириллович 82, 102
Дородницын Анатолий Алексеевич 51, 59
Доронин Георгий Яковлевич 82
Дубровский Владимир Михайлович 22
Екатерина, внучка 119, 147, 150
Елютин Вячеслав Петрович 85, 88
Ефимов Николай Владимирович 6, 63, 64, 84
Желобенко Дмитрий Петрович 98
Жижченко Алексей Борисович 68, 69
Заславская Татьяна Ивановна 15
Зеликин М. И. 117
Зигмунд Энтони 55
Ибрагимов Ибрагим Ибишевич 47
Иванов 140
Ильин Валентин Петрович 63
Ильин Владимир Александрович 73, 74
Иоффе Абрам Федорович 25, 61
Кадомцев Борис Борисович 114
Канторович Леонид Витальевич 6
Капица Петр Леонидович 80, 83
Карлов Николай Васильевич 83
Касянчук Надежда Сергеевна (Хоа Нгуен-Тхи-Тхвеу) 74
Кашин Борис Сергеевич 73, 97
Келдыш Мстислав Всеволодович 6, 41, 45, 47, 49, 57, 59, 64, 66, 76, 79, 84, 92, 105, 112
Киселев Андрей Петрович 71
Киприянов И. А. 150
Колмогоров Андрей Николаевич 3, 4, 6, 7, 9, 20, 23, 24, 26, 27, 31, 38, 44, 46, 53, 54, 60, 61, 70–72, 76, 83, 86, 87, 95, 96, 99, 101, 106, 107, 113, 115, 116
Комаров Владимир Леонтьевич 99, 100
Кондрашев Владимир Иосифович 48
Константин, брат 119, 132
Конягин Сергей Владимирович 74
Корнейчук Николай Павлович 53, 82, 102
Коробов Николай Михайлович 54, 59, 77
Косыгин Алексей Николаевич 98
Кочин Николай Евграфович 5
Краснов 130
Крейн Селим Григорьевич 144
Крылов Алексей Николаевич 99–101
Кудрявцев Лев Дмитриевич 48, 61, 62, 73, 82
Кулешов 145, 146
Курант Рихард 93
Курош Александр Геннадьевич 84
Лаврентьев Михаил Алексеевич 3, 24, 44, 58, 61, 73, 76, 103, 105, 112
Лаврентьев Михаил Михайлович 64
Ладыженская Ольга Александровна 63, 64
Ландау Львом Давидовичем 83

- Леонтьев Алексей Федорович 66
 Леля, сестра 132, 138
 Ленин Владимир Ильич 148
 Лесник Айзик Яковлевич 10
 Лигун Анатолий Александрович 53
 Лизоркин Петр Иванович 62, 72, 74, 79
 Линник Юрий Владимирович 6, 24, 25, 29, 51, 64
 Лионс Жак Луи 69
 Лихачев Дмитрий Сергеевич 34
 Лузин Николай Николаевич 44, 45, 58, 73
 Лысенко Трофим Денисович 105
 Люстерник Лазарь Аронович 43, 53, 99
 Ляпунов Алексей Андреевич 11–13, 15, 16, 18, 28, 50
 Ляхов Лев Николаевич 150
 Мальцев Анатолий Иванович 5, 6, 10, 20–25, 29, 30, 32, 50, 51, 86, 87, 98, 109, 110
 Марджанишвили Константин Константинович 4, 24, 26, 28, 37, 42, 43, 57, 72, 98, 102
 Марджанишвили Надежда Дмитриевна 28, 52, 103
 Марков Андрей Андреевич 24, 42, 51, 54, 85, 87, 110
 Маркушевич Алексей Иванович 9, 70, 71, 115
 Марчук Гурий Иванович 116
 Мейман Наум Натанович 106, 113
 Мельников Владимир Андреевич 116
 Меньшов Дмитрий Евгеньевич 7, 46, 51, 52, 92
 Мергелян Сергей Никитович 50, 51
 Мигиренко Г. С. 58
 Миллионщиков Михаил Дмитриевич 96
 Мищенко Евгений Фролович 59, 61, 98, 104, 105, 107, 112, 116
 Млодзиевский Болеслав Корнелиевич 39
 Монахтина Галина Сергеевна 59
 Морозов Г. Ф. 38
 Моторный Виталий Павлович 53, 82, 102
 Мухелишвили Николай Иванович 4
Надежда, сестра 119
 Наймарк Марк Аронович 6, 98, 99
 Наташа, дочь 150
 Немецкий Виктор Владимирович 22, 23
 Николаев Георгий Александрович 33
 Никольская Людмила Михайловна (Федорова) 118
 Никольская Нина Ивановна 33, 103
 Никольский Михаил Дмитриевич 119–153
 Никольский Михаил Сергеевич 117
 Новиков Петр Сергеевич 24
 Новиков Сергей Петрович 45, 50, 51, 72, 86, 87, 92–95, 116
Огиевецкий Исаак Ефимович 53
 Олейник Ольга Арсеньевна 63, 64, 73, 74
 Олех Чеслав 67, 82
 Оловянишников Виктор Михайлович 38
 Осипов Юрий Сергеевич 80
 Осколков Константин Ильич 46, 66, 68, 82, 90
Панов Дмитрий Юрьевич 54, 56
 Петровский Иван Георгиевич 49, 56, 63, 84
 Петя, брат 132

- Плеснер Абрам Иезекиилович 3, 24, 28, 31
- Погребков Андрей Константинович 68
- Поклевский-Козел 119
- Полосуев А. М. 143
- Понтрягин Лев Семенович 35, 36, 43, 44, 64, 68, 71, 92, 99, 103–107, 109–117
- Понтрягина Александра Игнатьевна 117
- Постников Михаил Михайлович 44, 85, 94, 117
- Потапов Михаил Константинович 70
- Похожаев Станислав Иванович 73, 74
- Привалов Иван Иванович 5
- Прохоров Юрий Васильевич 64, 72, 78, 98, 116
- Пусики 33, 96, 106
- Райков Дмитрий Абрамович 6
- Решетников Николай Николаевич 70, 91
- Рисс Фредерик 54
- Родионов (генерал) 102
- Рыбников Константин Алексеевич 54
- Рымаренко Борис Александрович 83, 84
- Сегал Бенцион Израилевич 9, 24, 43, 111
- Седов Леонид Иванович 103
- Седых Николай Тимофеевич 152
- Седых Тамара Васильевна 152
- Секефальви-Надь Бела (Sz.-Nagy B.) 54, 64–66
- Семендяев Константин Адольфович 21, 24, 28
- Сергеев Армен Глебович 68
- Смирнов Николай Васильевич 50
- Соболев Сергей Львович 4, 7, 9, 20, 21, 24, 35–37, 43, 61, 63, 110, 111
- Сорокина Римма Ивановна 66, 74
- Сталин Иосиф Виссарионович 81, 99, 100, 105
- Стечкин Сергей Борисович 46–48, 73, 74
- Субботин Ю. Н. 118
- Суслов Михаил Андреевич 59
- Сысоев 130
- Тахтамышева М. А. 24, 36
- Теляковский Сергей Александрович 66, 74
- Темляков Владимир Николаевич 74, 82, 90
- Тиман Александр Филиппович 102
- Тихонов Андрей Николаевич 84, 88
- Тригуб Роальд Михайлович 102
- Тушин Иван Иванович 134, 135
- Узков Александр Илларионович 5
- Ульянов Петр Лаврентьевич 66, 74, 97
- Успенский Владимир Андреевич 86, 87
- Успенский Станислав Викторович 62
- Фавар Ж. 55
- Фаддеев Дмитрий Константинович 24, 25, 34
- Фаддеев Людвиг Дмитриевич 34, 92, 93, 115
- Фаддеева Вера Николаевна 24
- Файнберг 40
- Федорова Людмила Михайловна (Никольская) 118
- Фейер Липот 54
- Фоменко Анатолий Тимофеевич 93–95
- Фуфаев В. В. 62

- Жермандер** Ларс 55
Хинчин Александр Яковлевич 7, 24, 43, 44, 61
Хлодовский Игорь Николаевич 46
Хоа Нгуен-Тхи-Тхвеу (Касянчук Н. С.) 74
Хозяинов Владимир Тимофеевич 102
Христиановича Сергей Алексеевич 35, 36, 37, 41, 54
Хрущев Никита Сергеевич 58, 81, 88
- Чандра** 99
Чеботарев Николай Григорьевич 24
Чесельский Збигнев 82
Чудаков Николай Григорьевич 77
- Шанин** Николай Александрович 24, 25, 87
Шапиро Зоя Яковлевна 24
- Шафаревич** Игорь Ростиславович 24, 29, 37, 98, 116
Шевкин Александр Владимирович 70
Шин-Ден-Юн 3, 11–13, 15–19
Широков М. А. 24
Ширяев Альберт Николаевич 66, 94–97
Шмульян Юрий Львович 3
Штокало Иосиф Захарович 54
- Эванс** 90
- Юрьев** 130
Юшкевич Адольф Павлович 33
- Яблонский** Сергей Всеволодович 66, 72
Ярузельский Войцех 67
- Cz.-Nagy** В. (Секефальви-Надь Бела) 54, 64–66
- Tablesone** 82

Содержание

Воспоминания	3
Памяти Льва Семеновича Понтрягина.....	109
Памяти моего отца лесничего Михаила Дмитриевича Никольского.....	118
Именной указатель.....	154

Сергей Михайлович Никольский
Воспоминания

Компьютерная верстка *Е. И. Иванникова*

Сдано в набор 10.01.2003. Подписано в печать 11.11.2003.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 7,6. Тираж 150 экз.

Отпечатано в Математическом институте им. В. А. Стеклова РАН
Москва, 119991, ул. Губкина, 8.

<http://www.mi.ras.ru/spm/> e-mail: spm@mi.ras.ru